ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 6/2023

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С 2007 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

✧

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Козлова С.В., доктор экономических наук

✧

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук
(заместитель главного редактора)
Лыкова Л.Н., докт. экон. наук
Андрюшин С.А., докт. экон. наук
Братченко С.А., канд. экон. наук
Пылин А.Г., канд. экон. наук
Грибанова О.М.

✧

СЕКРЕТАРИАТ ЖУРНАЛА
Касьяненко Т.М.
Нефёдова Н.П.

МОСКВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гринберг Р.С.
председатель, член-корреспондент РАН,
научный руководитель Института экономики РАН

Головнин М.Ю.
член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН

Абрамова М.А.
доктор экономических наук, профессор, руководитель департамента банковского дела и монетарного регулирования Финансового университета при Правительстве РФ

Александрова О.А.
доктор экономических наук, заместитель директора Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

Аносова Л.А.
доктор экономических наук, профессор,
начальник отдела Отделения общественных наук РАН

Бахтизин А.Р.
член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН

Буторина О.В.
член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе Института Европы РАН

Валентей С.Д.
доктор экономических наук, профессор, руководитель научно-исследовательского объединения РЭУ имени Г.В. Плеханова

Городецкий А.Е.
доктор экономических наук, профессор, руководитель научного направления Института экономики РАН

Иващенко Н.П.
доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономики инноваций экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Калабихина И.Е.
доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой народонаселения экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Караваева И.В.
доктор экономических наук, профессор, зав. сектором,
зав. кафедрой экономической теории Института экономики РАН

Кузнецов А.В.
член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,
директор Института научной информации по общественным науками (ИНИОН) РАН

Лаврикова Ю.Г.
доктор экономических наук, профессор,
директор Института экономики УрО РАН

Ленчук Е.Б.
доктор экономических наук, руководитель научного направления Института экономики РАН

Музычук В.Ю.
доктор экономических наук, заместитель директора
по научной работе Института экономики РАН

Некипелов А.Д.
академик РАН, директор Московской школы экономики
Московского государственного университета имени М.В. *Л*омоносова

Прокапало О.М.
доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе Института экономических исследований *Д*ВО РАН

Рубинштейн А.Я.
доктор философских наук, профессор,
руководитель научного направления Института экономики РАН

Цветков В.А.
член-корреспондент РАН, директор Института проблем рынка РАН

Черных С.И.
доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН, зав. сектором Института проблем развития науки РАН

Шабунова А.А.
доктор экономических наук, доцент, директор Вологодского
научного центра РАН

ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Научный журнал

№ 6/2023

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.
ISSN 2073-6487
Каталог «Урал-Пресс», индекс подписной 80713

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:
5.2.1. Экономическая теория (экономические науки),
5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки),
5.2.4. Финансы (экономические науки),
5.2.5. Мировая экономика (экономические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование

Высказанные в статьях мнения и суждения
могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за подбор и изложение материалов
несут авторы публикаций

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Ахапкин Н.Ю.
Российская экономика в условиях санкционных ограничений: динамика и структурные изменения 7

Смородинская Н.В., Катуков Д.Д.
Иранский опыт пребывания под санкциями: макроэкономические итоги и выводы для России 26

Ушкалова Д.И.
Внешняя торговля России: предварительные итоги второго года противостояния санкционному давлению..... 43

Розанова Н.М.
Индустрия 5.0: золотой век или прыжок в темноту? 61

Братченко С.А.
Несогласованность целей в государственном управлении..... 78

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Ореховский П.А.
Советский структурализм: Е. Преображенский, С. Струмилин, Н. Вознесенский, Ю. Яременко..... 109

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Куликова Н.В., Синицина И.С.
Экономические отношения России со странами Восточной Европы в условиях геополитического кризиса 134

Авилова А.В.
Экологизация сельского хозяйства Италии 157

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ АВТОРОВ

Матюхин А.А.
Логистика параллельного импорта в условиях экономических санкций..... 172

CONTENTS

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Akhapkin N.Yu.
Russian Economy under Sanctions: Dynamics and Structural Changes 7

Smorodinskaya N.V., Katukov D.D.
Iranian Sanctions Experience: Macroeconomic Outcomes and Lessons for Russia 26

Ushkalova D.I.
Russia's Foreign Trade: Preliminary Results of the Second Year of Counteraction to Sanctions Pressure 43

Rozanova N.M.
Industry 5.0: a Golden Age or a Leap into the Dark? 61

Bratchenko S.A.
Inconsistency of Goals in State Governance 78

ECONOMIC THEORY

Orekhovsky P.A.
Soviet Structuralism: E. Preobrazhensky, S. Strumilin, N. Voznesensky, Yu. Yaremenko 109

WORLD ECONOMY

Kulikova N.V. , Sinitsina I.S.
Economic Relations between Russia and CEE Countries under Geopolitical Crisis 134

Avilova A.V.
Greening Italian Agriculture 157

PUBLICATIONS OF YOUNG AUTHORS

Matyukhin A.A.
Logistics of Parallel Import under Economic Sanctions 172

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Н.Ю. АХАПКИН
кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ: ДИНАМИКА И СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

В статье проанализирована динамика основных показателей экономического роста в России после 24 февраля 2022 г., когда началось усиление санкционного давления на нее. Выделены три периода развития экономики в условиях санкционных ограничений и показаны отличия этих периодов. Рассмотрены изменения в структуре экономики, которые произошли в 2022–2023 гг., и раскрыты их причины. Выделены факторы, обеспечившие устойчивость российской экономики к внешним шокам, дана оценка перспектив ее развития.

Ключевые слова: *дефицит кадров, промышленность, санкции, экономическая динамика, экономический рост.*

УДК: 338.12.015, 338.121, 338.14

EDN: COHFFG

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_7_25

Положение, в котором оказалась российская экономика, если за точку отсчета взять конец февраля 2022 г., уникально. Уже более полутора лет она находится под небывалым санкционным давлением. Такое количество санкций не накладывалось ни на какую другую страну мира [10; 13; 14]. В своей совокупности многочисленные как секторальные, так и индивидуальные ограничения, значительно сузив экспортные возможности России и доступ к современным технологиям, дестабилизировав финансовую систему, по замыслу их разработчиков, должны были привести к экономическому спаду и резкому снижению потенциала развития российской экономики[1]. Но ее ответ-

[1] Европейский союз. Представительство в Российской Федерации. https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/Ограничительные меры ЕС в ответ на кризис в Украине (обзор 2014–2022 гг.).pdf

ная реакция стала во многом неожиданной. Спад оказался далеко не столь масштабным, как ожидалось, а адаптация к новым «подсанкционным» условиям и переход к восстановительному росту произошли сравнительно быстро.

Какие факторы обусловили такое развитие подсанкционной российской экономики, как изменилась ее структура, какие проблемы тормозят ее рост и с какими новыми вызовами она столкнулась? Уже имеющиеся статистические данные, аналитические материалы и российских, и международных исследовательских и экспертных организаций, результаты мониторингов и опросов позволяют дать первые ответы на эти вопросы. Учитывая, что существенно изменились условия экономического роста, появились и возможности по-новому посмотреть на его перспективы.

Динамика российской экономики в 2022–2023 гг.: от спада к адаптации и росту

В начале 2022 г. были основания рассчитывать, что экономический рост в России, который в 2021 г. после спада, вызванного ограничениями, связанными с пандемией COVID-19, стал набирать темпы, продолжится. Ожидалось, по прогнозу Минэкономразвития России, что в 2022 г. экономика вырастет на 3,0%[2]. И данные за I кв. 2022 г. говорили о хорошем старте. Индекс выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности в январе–феврале 2022 г., по данным Росстата, составил 107,1% по сравнению с тем же периодом предыдущего года. Традиционное январское сокращение промышленного производства было меньшим, чем в 2021 г., а в феврале 2022 г. рост в промышленности возобновился [9, с. 200; 13, с. 22]. В положительной зоне находились индексы предпринимательской уверенности и на обрабатывающих производствах, и в добыче полезных ископаемых[3]. В целом за I кв. 2022 г. ВВП вырос на 3,0%, а инвестиции в основной капитал – сразу на 13,8% по отношению к тому же периоду предыдущего года. Но карты были спутаны – «ковидные» проблемы, еще до конца не преодоленные, сменились санкционными.

С февраля 2022 г. движение российской экономики стал определять в первую очередь фактор санкций. И в этом движении

[2] Минэкономразвития России. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов. https://www.economy.gov.ru/material/file/d7f5f5dea44bda4c30d42aac04cc1fca/prognoz_socialno_ekonom_razvitiya_rf_2022-2024.pdf

[3] Росстат. Индекс предпринимательской уверенности с 2019 г. (по новой методологии). https://rosstat.gov.ru/leading_indicators

можно выделить три периода, каждый из которых характеризуется своей динамикой и своими структурными изменениями. Первый период был коротким. Он уложился в три месяца – с апреля по июнь. Отмечу, что в марте 2022 г. движение экономики шло еще по инерции. Например, индекс промышленного производства составил 99,6% по отношению к февралю – снижение оказалось «совсем некризисным»[4]. О высоком уровне экономической активности также можно было судить по объемам и структуре отраслевых финансовых потоков, мониторинг которых осуществляет Банк России. Данные этого мониторинга показали усиление экономической активности по основным отраслям за исключением добычи сырой нефти и природного газа. Объем входящих платежей, проведенных через платежную систему Банка России, по сравнению со средним уровнем IV кв. 2021 г. в марте вырос на 4,1%[5]. Снижение большинства макроэкономических показателей было зафиксировано статистикой только в апреле 2022 г.

В II кв. 2022 г. ВВП снизился на 1,6 трлн руб. (в ценах 2021 г., с исключением сезонного фактора) по отношению к I кв., а его индекс физического объема – на 4,5% по отношению к тому же периоду предыдущего года (см. рис. 1). Заметным в апреле 2022 г. стало сокращение промышленного производства, составившее с исключением сезонного и календарного фактора 2,1%. Резко пошли на спад рассчитываемые Росстатом индексы предпринимательской уверенности как в добывающей, так и в обрабатывающей промышленности. Разрыв цепочек поставок и продаж ставил под вопрос существование многих затронутых этим процессом предприятий. Терялись ориентиры дальнейшего развития. Началось проседание потребительского спроса [5, с. 62–65; 13, с. 28–32]. Индекс потребительской уверенности в II кв. оказался на самом низком уровне с 2015 г.[6] Значительно сократился оборот розничной торговли – в апреле по отношению к марту сразу на 10%.

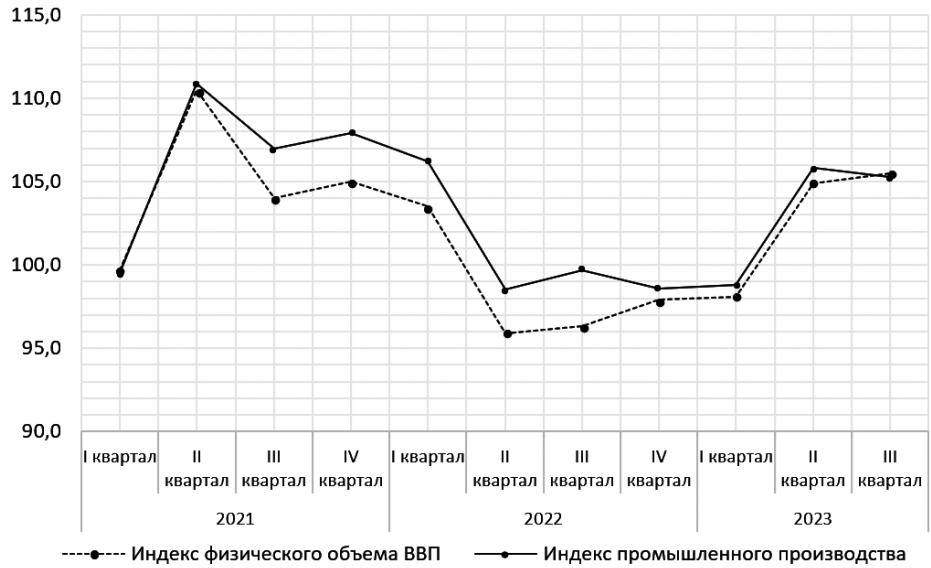
Но в то же время в этот самый тяжелый после введения санкций период были основания считать, что замедление экономического роста не будет продолжительным и масштабным. Обращало на себя внимание, например, то, что не произошло существенного снижения объемов грузоперевозок (за исключением транспортной авиации) и потре-

---

[4] *Цухло С.В.* Российская промышленность в марте-апреле 2022 г. Первые итоги объявленной нам «тотальной войны». https://mse.msu.ru/s-v-cuhlo-rossijskaja-promyshlennost-v-marte-aprele-2022-g-pervye-itogi-objavlennoj-nam-totalnoj-vojny/

[5] Банк России. Мониторинг отраслевых финансовых потоков. http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/40913/finflows_20220407.pdf

[6] Итоги выборочного обследования потребительских ожиданий населения за III квартал 2022 г. https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/117.htm

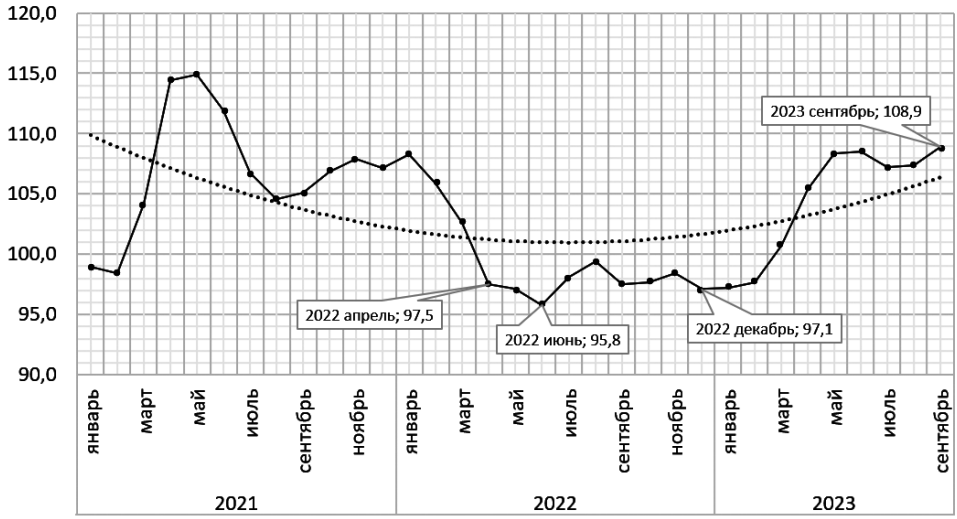

Источник: составлено автором по данным Росстата: Национальные счета. https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts; Промышленное производство. https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial

Рис. 1. Индексы физического объема валового внутреннего продукта и промышленного производства (в процентах к соответствующему кварталу предыдущего года)

бления электроэнергии. Неожиданной оказалась динамика инвестиций в основной капитал. В II кв. их индекс составил 104,1% к тому же кварталу 2021 г. Но главное, уже с мая 2022 г. стало ясно, что не будет дальнейшего спада в промышленности. Напротив, она пошла в рост, к июню компенсировав апрельские потери. После короткого спада экономика вступала в период адаптации к санкционному режиму.

Начало следующего периода можно датировать июлем 2022 г. Он оказался более продолжительным, чем первый, охватив все второе полугодие, и характеризовался стабильной динамикой, когда большинство макроэкономических показателей существенно не менялись. Опустившись на одну ступеньку, экономика до конца года не ней и оставалась. Хорошо ситуацию иллюстрируют данные о выпуске товаров и услуг по базовым видам деятельности (см. рис. 2). Что касается ВВП, то хотя он и немного вырос, но оставался в отрицательной зоне, а объемы промышленного производства, судя по данным Росстата с исключением сезонного и календарного факторов, оказались такими же, как в том же периоде 2021 г. Как видим, реализовался вариант, который стало принято определять как «траектория L» [14, с. 36]. Быстрого V-образного восстановления, как это было в 2020 г., когда ослабло административное торможение экономики [1], не произошло.

Источник: составлено автором по данным Росстата: Национальные счета. https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts

Рис. 2. Индекс выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности и полиномиальная линия тренда (в постоянных ценах 2021 г., в % к соответствующему периоду предыдущего года)

В конце 2022 г. завершалось налаживание новых, а также корректировка действующих бизнес-практик, связанных с изменением цепочек поставок и активизацией ряда сегментов внутреннего рынка. Происходило это в условиях относительной финансовой и ценовой стабилизации, роста инвестиций и значительного усиления поддерживающих и стимулирующих мер со стороны государства[7]. Результатом стало то, что снижение индекса физического объема ВВП в 2022 г. относительно 2021 г. составило 2,1%, а ожидали – почти до середины прошлого года – 6–7%[8]. Но второй период функционирования российской экономики в условиях санкций – это не просто адаптация. Именно в эти месяцы сформировались предпосылки для перехода экономики к росту [9, с. 10]. Его темпы большинством экспертов оценивались как умеренные – в диапазоне 1,5-2,0%[9]. И уже в первые месяцы 2023 г. такие ожидания стали подтверждаться. Начался новый период развития экономики – период восстановительного роста.

[7] Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов (утв. Минфином России). https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/budget/policy/osnov

[8] Макроэкономический опрос Банка России. Агрегированные результаты опроса. https://cbr.ru/statistics/ddkp/mo_br/

[9] Там же.

Инвестиционная активность в 2023 г. оставалась на высоком для России уровне. При этом темпы роста инвестиций в основной капитал были, как и в 2022 г., выше, чем темпы роста ВВП. Наряду с инвестиционным спросом в 2023 г. восстанавливался и потребительский спрос. Судя по результатам января-сентября, ожидается рост реальных располагаемых денежных доходов населения, оборота розничной торговли и объема платных услуг населению, постепенно компенсирующий проседание 2022 г. (см. табл. 1). Именно потребительский спрос станет в 2023 г., в отличии от предыдущего года, значимым фактором роста экономики. Свое влияние на рост сохранит и промышленность, и прежде всего ряд ее обрабатывающих отраслей, в том числе прямо или опосредованно связанных с оборонно-промышленным комплексом.

Таблица 1

Динамика основных показателей, характеризующих потребительский спрос в 2022–2023 гг. (поквартальные данные Росстата, в % к соответствующему периоду предыдущего года)

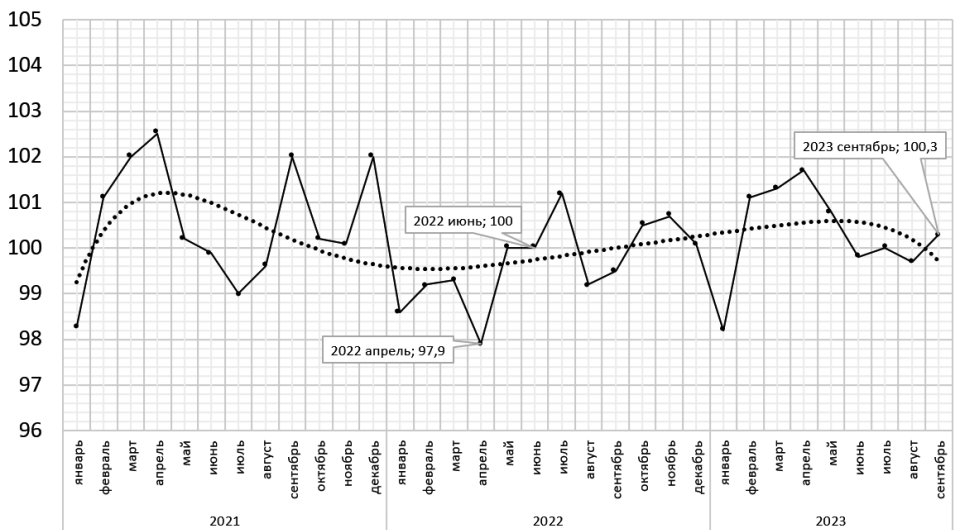
Показатели	2022				2023		
	1 кв.	2 кв.	3 кв.	4 кв.	1 кв.	2 кв.	3 кв.
Реальные располагаемые денежные доходы	102,0	100,0	95,7	99,8	104,6	105,1	105,1
Оборот розничной торговли	104,8	90,4	90,2	90,4	94,7	109,4	111,3
Объем платных услуг населению	111,5	103,3	103,9	103,0	102,8	105,0	104,9

Источник: составлено автором по: Росстат. Социально-экономическое положение России. Январь–сентябрь 2023 года.

Динамика промышленного производства в 2023 г. находится в положительной зоне. По данным Росстата, в целом за девять месяцев индекс промышленного производства по отношению к тому же периоду 2022 г. составил 3,3%. Российские промышленные предприятия в очередной раз показали свою способность сравнительно быстро адаптироваться к внешним шокам. Но в то же время говорить о возобновления устойчивого трендового роста пока преждевременно. Судя по рассчитываемым Росстатом индексам промышленного производства с исключением сезонного и календарного факторов, динамика остается неустойчивой (см. рис. 3). После незначительного снижения в январе 2023 г. в феврале–мае производство росло. Но уже в мае стало заметно, что промышленность притормаживает, а в июне–августе было зафиксировано снижение текущих индексов

промышленного производства. В сентябре индекс оказался положительным, но составил лишь 100,3%[10].

В целом позитивная экономическая динамика в 2023 г. отмечается на фоне растущей инфляции. Вполне обоснованной представляется оценка Банка России, что «…проинфляционными факторами выступают усиление эффекта переноса от ослабления рубля и возросшие инфляционные ожидания»[11]. Нельзя не учитывать и изменения в структуре промышленного производства, на что также обращает внимание Банк России, когда при общем росте экономики и росте доходов начинает проявляться неудовлетворенный потребительский спрос. Причем этот фактор в условиях ресурсных ограничений, в частности уже ставших критически острыми со стороны рабочей силы, приобретает долговременный характер, что существенно осложняет задачу снижения инфляции.

Источник: составлено автором по данным Росстата: Промышленное производство. https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial

Рис. 3. Индекс промышленного производства с исключением сезонного и календарного факторов и полиномиальная линия тренда (в % к соответствующему периоду предыдущего года)

[10] О промышленном производстве в январе–сентябре 2023 года. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/167_25-10-2023.html

[11] Банк России. Бюллетень Департамента исследований и прогнозирования «О чем говорят тренды. Макроэкономика и рынки». Сентябрь 2023 г. С. 3.

Структурные изменения в российской экономике как реакция на санкционное давление

Изменения в структуре экономики, в соотношении ее секторов, видов деятельности, отраслей – процесс долговременный, растянутый на многие десятилетия. Например, расширение той части экономики, которую сейчас мы определяем как сферу услуг, определенно стало проявляться в странах Европы еще в XIX веке [4, с. 26–34; 8, с. 453]. Но в силу разных по характеру конъюнктурных причин, в том числе и внеэкономических, структурные изменения могут происходить и сравнительно быстро, вопрос только в том, устойчивы ли их результаты. И именно такая, обусловленная резким и существенным изменением условий развития экономики ее реструктуризация, происходит сейчас в России.

Адаптируясь к новым как внутренним, так внешним условиям функционирования, экономика структурно трансформируется. Меняется структура спроса, и бизнес не может на это не реагировать. О. Буклемишев, характеризуя последовательность процесса такой адаптации («приспособления экономики»), отметил его «двухтактный» режим. «После первичного негативного внеэкономического шока …» [3, с. 44] бизнес-структуры начинают поиск новых возможностей. Но к этому надо добавить, что существенное воздействие и на масштабы, и на направления структурных изменений в российской подсанкционной экономике оказала новая государственная регуляторика. Прежде всего это радикальное усиление целевого финансирования за счет бюджетных ресурсов[12].

Статистические данные, характеризующие структурные изменения российской экономики в 2022–2023 гг., пока не позволяют говорить о начале формирования новых трендов и тем более о возможности фундаментальной трансформации. Пока мы видим иное – отсутствие устойчивости, усиливающуюся прерывистость роста по секторам, видам деятельности, отраслям.

Показательной является динамика такого ключевого компонента ВВП по использованию, как расходы на конечное потребление. Их индекс физического объема в 2022 г. сократился, особенно ощутимо по расходам на конечное потребление домашних хозяйств – на 1,4 процентных пункта. В 2023 г., напротив, индекс уже в I кв. вырос, составив 103,5% по отношению к тому же периоду 2022 г., во II кв. – 106,9%, а по домашним хозяйствам – 108,9%. По оценке Банка России, «…вклад

[12] Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов (утв. Минфином России). https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/budget/policy/osnov

частного потребления в прирост выпуска в 2023 г. находится вблизи исторического максимума с 2015 г.»[13]. Такую же разнонаправленную динамику показывают и другие компоненты ВВП по использованию (за исключением валового накопления основного капитала, индекс физического объема которого устойчиво находится в положительной зоне). Результатом этого стали резкие изменения в структуре ВВП (см. табл. 2). Например, доля чистого экспорта за первые шесть месяцев 2023 г. по отношению к тому же периоду 2022 г. снизилась сразу на 12,5%, а расходов на конечное потребление возросла – на 8,7%, хотя годом ранее динамика была обратная.

Таблица 2

Структура ВВП по компонентам использования
(ВВП в текущих рыночных ценах за 1-полугодие 2021–2023 гг. – 100%)

Показатели	2021 1-е полугодие	2022 1-е полугодие	2023 1-е полугодие
Расходы на конечное потребление	72,8	65,9	74,6
домашних хозяйств	52,3	47,6	52,0
государственного управления	19,8	17,7	22,0
Валовое накопление	19,4	17,4	21,2
валовое накопление основного капитала	16,1	15,8	18,3
Чистый экспорт	7,8	16,7	4,2

Источник: составлено автором по: Росстат. Социально-экономическое положение России. Январь–сентябрь 2022 года; Росстат. Социально-экономическое положение России. Январь–сентябрь 2023 года.

Относительно невысокий уровень падения ВВП в 2022 г. был обеспечен прежде всего за счет роста в стоимостном выражении добычи полезных ископаемых. Доля этой отрасли в валовой добавленной стоимости за первые шесть месяцев 2022 г. по отношению к тому же периоду 2021 г. увеличилась на 4,2% (см. табл. 3), а по итогам года составила 13,9%. Заметный вклад в производство ВВП внесли строительство и ряд отраслей сельского хозяйства[14]. В 2023 г., судя по оперативным статистическим данным о произведенным ВВП, доля добычи полезных ископаемых – лидера прошлого года – существенно снизится.

[13] Банк России. Доклад о денежно-кредитной политике. Октябрь 2023 г. С. 41. http://www.cbr.ru/about_br/publ/ddkp/

[14] Изменения в структуре валовой добавленной стоимости подробнее рассмотрены в [13, с. 19–26].

На первые места по росту этой доли выйдут государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение, финансовая и страховая деятельность, транспортировка и хранение, строительство.

Таблица 3

Структура валовой добавленной стоимости по основным отраслям экономики (в текущих основных ценах, в % к итогу)

Отрасли	2021 1-е полугодие	2022 1-е полугодие	2023 1-е полугодие	Рост/снижение в 1-м полугодии 2022 г. по отношению к 1-му полугодию 2021 г.	Рост/снижение в 1-м полугодии 2023 г. по отношению к 1-му полугодию 2022 г.
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	2,8	2,8	2,7	0	–0,1
Добыча полезных ископаемых	12,6	16,8	12	4,2	–4,8
Обрабатывающие производства	15,7	14,6	12,8	–1,1	–1,8
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	2,8	2,4	2,5	–0,4	0,1
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	0,6	0,5	0,5	–0,1	0,0
Строительство	3,8	3,8	4,2	0	0,4
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	13	12,8	12,7	–0,2	–0,1
Транспортировка и хранение	6,3	6,3	7,2	0	0,9
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	0,8	0,8	0,9	0	0,1
Деятельность в области информации и связи	2,6	2,3	2,4	–0,3	0,1
Деятельность финансовая и страховая	5	4,5	6	–0,5	1,5
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	10,9	11,3	11,8	0,4	0,5

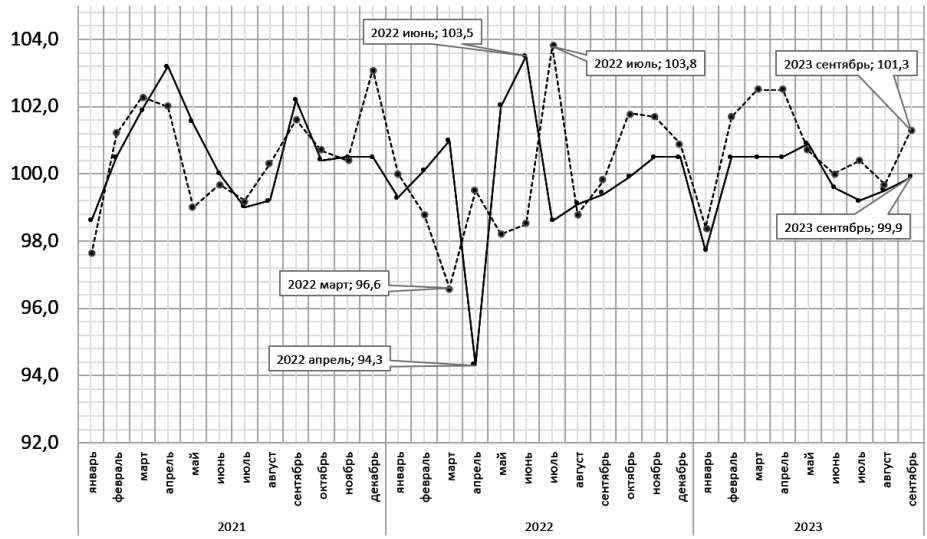
Окончание табл. 3

Отрасли	2021 1-е полугодие	2022 1-е полугодие	2023 1-е полугодие	Рост/снижение в 1-м полугодии 2022 г. по отношению к 1-му полугодию 2021 г.	Рост/снижение в 1-м полугодии 2023 г. по отношению к 1-му полугодию 2022 г.
Деятельность профессиональная, научная и техническая	4,2	3,9	4	–0,3	0,1
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	1,9	2,2	2,3	0,3	0,1
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение	7,9	7,1	9,6	–0,8	2,5
Образование	3,5	3	3,3	–0,5	0,3
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	3,6	3,5	3,6	–0,1	0,1
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	1	0,9	0,9	–0,1	0,0

Источник: составлено автором по данным: Росстат. Социально-экономическое положение России. Январь–сентябрь 2022 года; Росстат. Социально-экономическое положение России. Январь–сентябрь 2023 года.

Для российской экономики ключевую роль в изменении ее структуры играет соотношение динамики роста добычи полезных ископаемых и обрабатывающих производств (данные по месяцам за 2021–2022 гг. и январь–сентябрь 2023 г. с исключением сезонного и календарного факторов представлены на рис. 4). Статистика за десять прошлых лет показывает, что устойчивого лидера по темпам роста среди этих отраслевых групп нет. В 2022–2023 гг. ситуация не изменилась. Добыча полезных ископаемых, значительно упавшая в 2020 г., когда был прерван ее долгий повышательный тренд, в 2021 г. стала восстанавливаться, а 2022 г. заметно – на 3 процентных пункта – выиграла по темпу роста у обрабатывающих производств. Но в 2023 г. снова лидируют отрасли обрабатывающей промышленности. Наибольший рост отмечается в производстве автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов, готовых металлических изделий (кроме машин и оборудования), прочих транспортных средств (включая авиационную технику, судостроение и т.п.),

изготовление мебели, выпуск компьютеров, электронных и оптических изделий. Сырьевые отрасли заметно просели. Только по природному газу снижение за январь–сентябрь 2023 г. по сравнению с январем–сентябрем 2022 г. составило 11,4%. За текущий год общие объемы добычи полезных ископаемых по сравнению с 2022 г. сократятся примерно на 1%.

Источник: составлено по данным Росстата: Промышленное производство. https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial

Рис. 4. Динамика индексов промышленного производства по видам экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» и «Обрабатывающие производства» в 2021–2022 гг. и январе–сентябре 2023 г. (с исключением сезонного и календарного факторов)

Как особый вопрос выделю влияние санкционных ограничений на региональное развитие. Даже первичный анализ доступных статистических данных показывает, что в 2022–2023 гг. региональная дифференциация экономического развития усилилась. Об этом можно судить, например, по показателям описательной статистики региональных индексов выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности[15]. Стандартное отклонение, рассчитанное по данным за III кв. 2023 г., по отношению к тому же кварталу 2021 г. выросло с 9,0 до 11,3 (см. табл. 4). Региональную структуру российской экономики при продолжении масштабной перестройки логистических путей и дей-

[15] Расчет проведен по данным всех российских регионов за исключением Чукотского автономного округа, т. к. динамика показателей экономического развития этого субъекта Федерации, особенно поквартальная, в силу специфики его производительных сил и инвестиционных процессов даже по российским меркам является настолько прерывистой, что не может не искажать общие тенденции.

Таблица 4

Отдельные показатели описательной статистики индекса выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности по субъектам Российской Федерации

Периоды	Размах	Минимум	Максимум	Стд. отклонение	Дисперсия
3-й кв. 2020	51,4	87,6	139,0	9,0	81,5
3-й кв. 2021	58,8	70,3	129,1	9,5	90,0
3-й кв. 2023	71,7	85,4	157,1	11,3	127,3

Источник: рассчитано автором по данным Росстата: Национальные счета. https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts

ствия новых факторов промышленного развития, скорее всего, ждут существенные изменения.

Факторы устойчивости российской экономики и перспективы экономического роста

Первую группу факторов, позволивших российской экономике выдержать санкционный удар и перейти к росту, можно определить как базовые. Они ей имманентны, являясь отражением масштабов, структуры и состояния производительных сил и сформировавшегося за три десятилетия после начала рыночных реформ ее институционального профиля.

Прежде всего отмечу, что уход многих иностранных компаний лишь несколько ослабил, и то только в первом периоде подсанкционного развития, но не разрушил имевшиеся в стране производственные мощности и работающую инфраструктуру – транспортную, энергетическую, финансовую. Это дало возможность проявиться «эффекту большой страны» [11;12]. Россия не была выключена из мировой торговли. И экспорт, и импорт при изменении их структуры, логистики, по ряду направлений объемов сохранились. Бизнес уже в первые месяцы после введения санкций наладил механизмы работы в рамках ставшего легальным параллельного импорта. В результате в стране не было и нет выраженного товарного дефицита, а производственные технологические процессы в целом обеспечены необходимым для их поддержания. Показательны данные об объемах импорта по методологии платежного баланса: в I–III кв. 2023 г. они превысили уровни того же периода не только 2022 г., но и 2021 г.[16]

[16] Банк России. Платежный баланс Российской Федерации. III квартал 2023 года. https://cbr.ru/Collection/Collection/File/46507/Balance_of_Payments_2023-3_16.pdf

Другим принципиально важным базовым фактором явилось сохранение институциональной среды ведения бизнеса. Усиление государственного дирижизма, конечно, было неизбежно, и оно дало свои результаты. Но именно существующие рыночные институты позволили отечественным предпринимателям справиться с задачами сохранения производства, заполнения рыночных ниш, насыщения товарного рынка, создания новых логистических цепочек. Причем российский бизнес, особенно реального сектора, всегда работал не в тепличных, а в жестких условиях, и его адаптационные возможности быстро проявились после событий февраля 2022 г. [6; 7].

Вторую группу факторов формирует государство, и они являются стимулирующими. На первый план здесь надо вывести бюджетный (или фискальный) импульс. По оценке Минфина РФ, с учетом «забалансовых» мер поддержки его совокупный размер «…в 2022–2023 гг. составляет порядка 10,0% годового ВВП»[17]. Такой бюджетной подпитки экономика не получала за весь постсоветский период. И в целом действия российских экономических регуляторов, по необходимости – реактивные, принесли позитивный эффект.

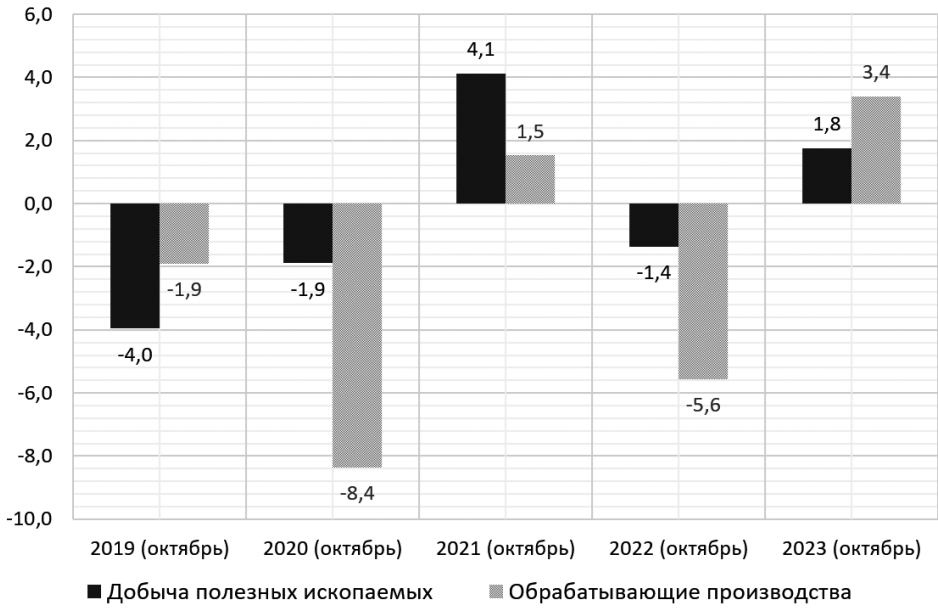
Бюджетный импульс прямо сказался на росте инвестиций. Не случайно в их структуре в 2022–2023 гг. произошло увеличение именно бюджетных средств. Но этот импульс поддержал и потребительский спрос. Снижение в 2022 г. реальных денежных доходов на 1% – это не обвал. Люди продолжали покупать, потребление сократилось – по объемам продаж это было видно, но они не ушли с рынка. Бюджетный импульс транслировался, таким образом, не только на инвестиционный, но и на потребительский спрос.

Оценивая перспективы развития российской экономики, конечно, не сбросишь со счетов сохраняющуюся неопределенность внешних условий. Возможность нового внеэкономического воздействия, как и усиления санкционного прессинга, исключать нельзя. Но в целом прогнозы экономического роста на среднесрочный период (до 2026 г.), которые Минэкономразвития России разработал с учетом сложившихся трендов, и являющиеся в целом позитивными, реальны[18]. Надо при этом обратить внимание на динамику настроений предпринимателей. В 2022 г. рассчитываемый Росстатом индекс предпринимательской уверенности снизился. Но для российской

[17] Министерство финансов Российской Федерации. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и плановый период 2025 и 2026 годов (утв. Минфином России). С. 6. https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/ budget/ policy/osnov

[18] Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов. Рассмотрен и одобрен на заседании Правительства России 22 сентября 2023 г. http://government.ru/news/49598

экономики это не критическое снижение – оно не так значительно, как в 2020 г. В октябре 2023 г. бизнес на волне оптимизма (см. рис. 5). И на сегодняшний день очевидно, что рынок ждет, по крайней мере в ближайшие месяцы, не спада, а роста.

Источник: составлено автором по данным Росстата: Опережающие индикаторы по видам экономической деятельности https://rosstat.gov.ru/leading_indicators

Рис. 5. Индекс предпринимательской уверенности по видам экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» и «Обрабатывающие производства»

Что касается темпов экономического роста, то вероятность их увеличения по отношению к уровням, предусмотренным среднесрочным прогнозом Минэкономразвития России, невелика. Хотя достижение и этих уровней не гарантировано. Внутреннее производство пока не в состоянии заменить импорт по целому ряду критически значимых технологичных товаров и по средствам производства, без которых будет трудно обеспечить бесперебойность производственных процессов во многих секторах экономики. Сохраняются и многие структурные проблемы, которые сформировались в стране еще до 2022 г.

Критической угрозой для экономического роста является возможное снижение инвестиционной активности. При этом нужно учитывать, что предпосылки для реализации в России уже многократно эконометрически подтвержденной зависимости между устойчивым и масштабным наращиваем инвестиций и темпами экономического роста [15], что позволяет перейти ему на самоподдерживающийся

режим, пока не сложились. Слишком значителен был инвестиционный спад в период перехода экономики на рыночные рельсы. Трендовый рост, наблюдаемый с 2000 г., еще не компенсировал потерь, понесенных в 90-е годы. По расчетам, в 2022 г. общий объем инвестиций в основной капитал не превысил 85% по отношению к 1990 г. И если с 2025 г. начнется планируемая Минфином России «нормализация бюджетного процесса»[19], иными словами, сокращение бюджетных расходов, то поддерживать даже достигнутые к настоящему времени темпы роста инвестиций вряд ли удастся.

Нельзя не отметить резко выросший в 2022–2023 гг. дефицит рабочей силы. Он проявился даже в условиях, когда предложение труда остается стабильным [2, с. 81–82]. В середине 2023 г. численность работников, которых требуется принять на вакантные рабочие места, по данным Росстата, составила 6,8% от списочной численности (годом ранее – 5,8%). По видам экономической деятельности этот показатель колеблется от 2,1% – в организациях, занимающихся междугородными и международными железнодорожными пассажирскими перевозками, до 17,3% – в организациях, осуществляющих деятельность по предоставлению продуктов питания и напитков. Если распространить представленные Росстатом данные на всю совокупность занятых, то нехватка работников в 2023 г., ориентировочно, составит 4,8 млн человек. Конечно, негативное воздействие изменений на трудовом рынке, связанное с высоким уровнем неудовлетворенного спроса на труд, в разрезе конкретных видов деятельности проявляется по-разному. Но в целом по экономике дефицит кадров уже стал фактором, тормозящим ее рост.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахапкин Н.Ю.* Промышленное производство в условиях пандемии коронавируса: динамика и структура // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 6. С. 67–80.
2. *Ахапкин Н.Ю.* Формирование ресурсов труда и перспективы экономического роста // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 6. С. 79–95.
3. *Буклемишев О.В.* «Структурная трансформация» российской экономики и экономическая политика // Проблемы прогнозирования. 2023. № 4 (199). С. 42–53.

[19] Министерство финансов Российской Федерации. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и плановый период 2025 и 2026 годов (утв. Минфином России). https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/budget/policy/osnov

4. *Гайдар Е.Т.* Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело. 2005.
5. *Николаев И.А.* Драйверы экономического роста: возможности и перспективы их использования в подсанкционной экономике России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 1. С. 58–74.
6. *Кувалин Д.Б., Зинченко Ю.В., Лавриненко П.А., Ибрагимов Ш.Ш.* Российские предприятия в конце 2022 г.: противодействие санкциям, взаимоотношения с банками и реакция на климатическую повестку // Проблемы прогнозирования. 2023. № 3 (198). С. 200–216.
7. *Кувалин Д.Б., Зинченко Ю.В., Лавриненко П.А., Ибрагимов Ш.Ш.* Российские предприятия весной 2022 года: адаптация к новой волне санкций и взгляды на esg-повестку // Проблемы прогнозирования. 2022. № 6(195). С. 171–184.
8. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. I. Кн. 1. Процесс производства капитала. М.: Политиздат, 1978.
9. Российская экономика в 2022 году. Тенденции и перспективы. Вып. 44 / Под науч. ред. д.э.н. Кудрина А.Л., д.э.н. Мау В.А., д.э.н. Радыгина А.Д., д.э.н. Синельникова-Мурылева С.Г. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2023.
10. *Смородинская Н.В., Катуков Д.Д.* Россия в условиях санкций: пределы адаптации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 6. С. 52–67.
11. *Ушкалова Д.И.* Внешняя торговля России в условиях санкционного давления // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3 (55). С. 218–226.
12. *Ушкалова Д.И.* Антироссийские санкции и экспорт России в 2022 г.: риски и перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 6. С. 34–51.
13. Экономика России в условиях новых вызовов: от адаптации к развитию: Доклад / Отв. ред. М.Ю. Головнин, Е.Б. Ленчук. М.: ИЭ РАН, 2023.
14. Экономика России под санкциями: от адаптации к устойчивому росту: доклад к XXIV Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2023 г. / Н.В. Акиндинова, Д.А. Авдеева, В.А. Бессонов и др.; под ред. Н.В. Акиндиновой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023.
15. Hayami Yujiro. Development economics: from the poverty to the wealth of nations. Oxford. Clarendon Press, 1997.

REFERENCES

1. *Akhapkin N.Yu*. Industrial production in the context of the coronavirus pandemic: dynamics and structure // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2021. No. 6. Pp. 67–80. (In Russ.).
2. *Akhapkin N.Yu.* Formation of labor resources and prospects for economic growth // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2022. No. 6. Pp. 79–95. (In Russ.).
3. *Buklemishev O.V.* "Structural transformation" of the Russian economy and economic policy // Problems of forecasting. 2023. No. 4 (199). Pp. 42–53. (In Russ.).
4. *Gaidar E.T.* For a long time. Russia in the world: essays on economic history. M.: Business. 2005. (In Russ.).

5. *Nikolaev I.A.* Drivers of economic growth: opportunities and prospects for their use in the sanctioned economy of Russia // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2023. No. 1. Pp. 58–74. (In Russ.).
6. *Kuvalin D.B., Zinchenko Yu.V., Lavrinenko P.A., Ibragimov Sh.Sh.* Russian enterprises at the end of 2022: counteraction to sanctions, relationships with banks and response to the climate agenda // Studies on Russian Economic Development. 2023. No. 3 (198). Pp. 200–216. (In Russ.).
7. *Kuvalin D.B., Zinchenko Yu.V., Lavrinenko P.A., Ibragimov Sh.Sh.* Russian enterprises in the spring of 2022: adaptation to a new wave of sanctions and views on the esg-agenda // Studies on Russian Economic Development. 2022. No. 6 (195). Pp. 171–184. (In Russ.).
8. *Marx K.* Capital. Criticism of political economy. T. I. Book. 1. The process of production of capital. M.: Politizdat, 1978. (In Russ.).
9. Russian economy in 2022. Trends and prospects. (Issue 44) / Under scientific. ed. Dr. Sci. (Econ.) Kudrina A.L., Dr. Sci. (Econ.) Mau V.A., Dr. Sci. (Econ.) Radygina A.D., Dr. Sci. (Econ.) Sinelnikova-Muryleva S.G. M.: Gaidar Institute Publishing House, 2023. (In Russ.).
10. *Smorodinskaya N.V., Katukov D.D.* Russia under sanctions: limits of adaptation // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2022. No. 6. Pp. 52–67. (In Russ.).
11. *Ushkalova D.I.* Foreign trade of Russia under sanctions pressure // Journal of the New Economic Association. 2022. No. 3 (55). Pp. 218–226. (In Russ.).
12. *Ushkalova D.I.* Anti-Russian sanctions and Russian exports in 2022: risks and prospects // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2022. No. 6. Pp. 34–51. (In Russ.).
13. Russian economy in the face of new challenges: from adaptation to development: Report / Rep. ed. M.Yu. Golovnin, E.B. Lenchuk. M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2023. (In Russ.).
14. Russian economy under sanctions: from adaptation to sustainable growth: report to the XXIV Yasinsk (April) international. scientific conf. on problems of economic and social development, Moscow, 2023 / N.V. Akindinova, D.A. Avdeeva, V.A. Bessonov, etc.; edited by N.V. Akindinova; National research University "Higher School of Economics". M.: Publishing house. House of the Higher School of Economics, 2023. (In Russ.).
15. *Hayami Yujiro.* Development economics: from the poverty to the wealth of nations. Oxford. Clarendon Press, 1997.

Дата поступления рукописи: *24.10.2023 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ахапкин Николай Юрьевич – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-6571-1618
nga.letter@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Nikolay Yu. Akhapkin – Cand. Sci. (Econ.), associate professor, leading researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-6571-1618
nga.letter@gmail.com

RUSSIAN ECONOMY UNDER SANCTIONS: DYNAMICS AND STRUCTURAL CHANGES

The article analyzes the dynamics of the main indicators of economic growth in Russia after February 24, 2022, when sanctions pressure on it began to increase. Three periods of economic development under sanctions are identified and the differences between these periods are shown. The changes in the structure of the economy that occurred in 2022–2023 are considered and their reasons are revealed. The factors that ensured the stability of the Russian economy in the face of external shocks are identified, and the prospects for its development are assessed.

Keywords: *personnel shortage, industry, sanctions, economic dynamics, economic growth.*
JEL: O11.

Н.В. СМОРОДИНСКАЯ
кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

Д.Д. КАТУКОВ
научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ИРАНСКИЙ ОПЫТ ПРЕБЫВАНИЯ ПОД САНКЦИЯМИ: МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИТОГИ И ВЫВОДЫ ДЛЯ РОССИИ[1]

В статье на примере Ирана анализируется опыт прохождения санкционного кризиса страной-нефтеэкспортером. Рассматриваются эффекты двух раундов коллективных санкций, наложенных на Иран в 2011–2022 гг., – до заключения ядерной сделки и после ее расторжения, а также в промежуточный период снятия нефтяного эмбарго. Типологизированы приоритеты иранской доктрины «экономики сопротивления» и рассмотрены ее макроэкономические итоги. Показано, что, несмотря на успешный обход санкций, развитие связей с альтернативными партнерами и некоторые успехи в диверсификации, иранская экономика продолжает терять бюджетные доходы и остается нестабильной. В контексте иранского опыта выявлены актуальные для России проблемы разбалансированного экономического роста в условиях санкционного стресса и уязвимости в политике поддержки роста на основе бюджетного стимула.

Ключевые слова: *экономические санкции, санкционный кризис, иранская экономика, «экономика сопротивления», российская экономика, бюджетный стимул.*

УДК: 338.001.36

EDN: EMOCKG

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_26_42

[1] Статья подготовлена в рамках государственного задания Центра инновационной экономики и промышленной политики ФГБУН Институт экономики РАН «Формирование научно-технологического контура и институциональной модели ускорения экономического роста в Российской Федерации».

Российская санкционная ситуация примечательна тем, что она во многом развивается в русле иранской – и по структуре введенных Западом санкций (обе страны являются ресурсозависимыми нефтеэкспортерами), и по алгоритму сопротивления им, и по объективным пределам этого сопротивления [8]. Хотя по объему наложенных ограничений (17,5 тыс. на осень 2023 г.) Россия вчетверо превосходит Иран, и это в целом соответствует ее финансово-экономическому потенциалу как крупной экономики, представляющей первую мировую тройку поставщиков углеводородов и способной оказывать мощное влияние на мировые энергетические рынки. Поэтому главное заметное расхождение между двумя подсанкционными странами заключается в различных сценариях прохождения ими этапа санкционных шоков. Если в Иране введение коллективных санкций в 2011 г. мгновенно подорвало нефтяную отрасль, бюджет и экономику, то Россия в аналогичной ситуации 2022 г. сумела отложить развертывание санкционного кризиса, заработать валютные сверхдоходы и даже повысить побочные издержки участников санкционной коалиции.

В первый год санкций, благодаря разгону мировой энергетической инфляции и сочетанию полного импортного эмбарго с отложенным нефтяным, Россия смогла получить рекордный профицит торгового баланса и купировать тем самым шоки введенных финансовых запретов [7]. При этом конвертация сверхвысокой экспортной выручки в растущие бюджетные траты на нужды СВО создала особый бюджетный стимул, позволивший России выйти из первой санкционной рецессии принципиально быстрее, чем это случилось в Иране. Однако уже на второй год санкций Россия подпала под их системное воздействие, связанное, как и в Иране, со сжатием нефтегазовых доходов бюджета, резким ослаблением макрофинансовой стабильности и с появлением ощутимых кризисных рисков [9].

Для выявления закономерностей и вероятных макроэкономических эффектов санкционного кризиса, которые во многом будут определять дальнейшие тренды в функционировании российской экономики, в данной статье мы рассматриваем результаты экономического развития Ирана за последнее десятилетие (2011–2022 гг.) и итоги адаптации этой страны к коллективным санкциям мощной международной коалиции, в том числе на базе реализации Ираном своей доктрины «экономики сопротивления». Опираясь на ограниченную литературу по этой теме (концептуальных исследований крайне мало), мы обобщаем иранский санкционный опыт и формулируем ряд вытекающих из него выводов, способных, как представляется, повысить реалистичность ожиданий от возможностей России удерживать устойчивый экономический рост в условиях стрессовых эффектов.

Два раунда коллективных санкций в отношении Ирана

Иран близок России своей принадлежностью к группе ведущих экспортеров углеводородов. Занимая третье место в мире по запасам нефти (после Венесуэлы и Саудовской Аравии) и второе по запасам газа, Иран является крупным нефтеэкспортером и еще более крупным (3-е место в мире в 2020 г.) производителем природного газа[2]. Как и в России, его нефтяной экспорт определяет динамику ВВП, выступая ключевым источником валютных поступлений и бюджетных доходов [13], хотя сама доля нефтяного сектора в иранском ВВП не превышает 18% (на фоне 20% доли всей промышленности и свыше 50% сферы торговли и услуг) [12].

Иран находится под санкциями США уже пятое десятилетие (с 1979 г.), а с 2011 г. он подпал под коллективные санкции США, ЕС и ООН, призванные побудить его отказаться от использования своей ядерной программы в военных целях. До февраля 2022 г., когда были введены санкции против России, Иран держал многолетнее первенство по совокупному объему ограничений, достигших сегодня около 4,6 тыс., включая индивидуальные санкции[3]. Пакет его секторальных санкций содержит *три типовые группы запретов:* экспортное эмбарго (запрет на импорт из Ирана нефти и продукции других базовых отраслей – от автомобилей до ковров); импортное эмбарго (запрет на поставки в Иран передовых технологий, нефтегазового оборудования, западных материалов и компонентов) и жесткие финансовые ограничения (отключение банков от системы SWIFT, почти полная заморозка валютных резервов центробанка, блокировка доступа Ирана на рынки капиталов и к международным расчетам в долларах и евро). Аналогичные санкции были наложены в 2022 г. и на Россию, но особенностью иранских стало полное эмбарго на ввоз и вывоз ядерных материалов.

Институциональной спецификой Ирана как объекта санкций является то, что после исламской революции 1979 г. в стране установился жесткий авторитарный режим (высшая религиозная власть во главе с аятоллой сочетается со светскими органами), а впоследствии значительная часть экономики и финансовых потоков оказалась в подчинении квази-государственных и неподконтрольных правительству исламских структур (включая управляемые духовенством фонды, холдинговые компании и инвестиционные группы) [13]. Такая система политической и экономической власти во многом предопределила особые структурные уязвимости иранской экономики: недоразвитость рыночных институтов, доминирование госсобственности в промыш-

[2] EIA. https://www.eia.gov/international/analysis/country/IRN

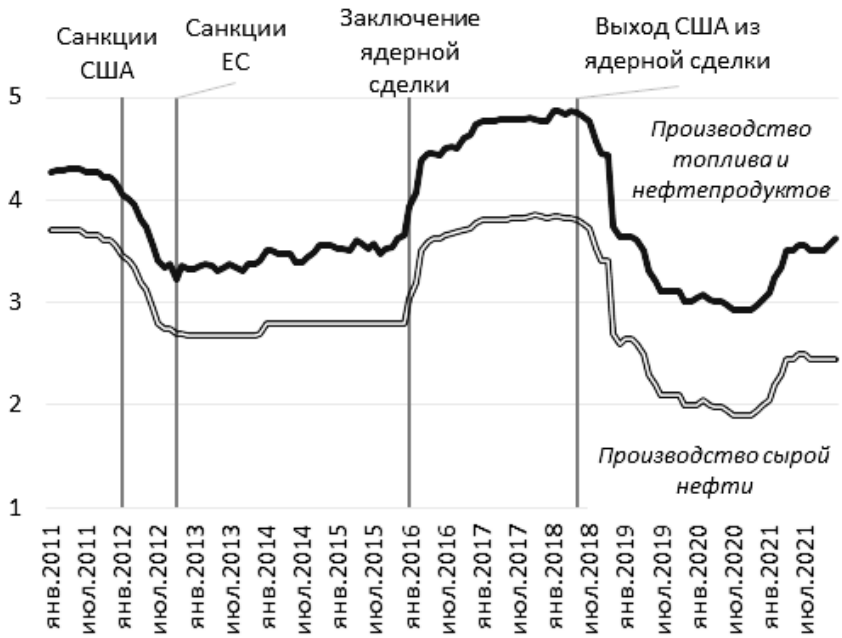
[3] Castellum.AI. https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard

ленном и финансовом секторах (при преобладании мелких частных фирм в сфере торговли и услуг), зависимость предприятий многих отраслей от бюджетных льгот и субсидий (включая субсидирование заниженных внутренних цен на газ и электроэнергию), а также многолетнее отсутствие реальной долгосрочной стратегии экономического развития [12]. С введением коллективных санкций роль госсектора только возросла, а экономическая власть квазигосударственных структур еще более усилилась, в том числе за счет наращивания доходов от теневого бизнеса при обходе ограничений [13].

Сохранив преимущественно рыночное ценообразование, Иран избежал санкционного коллапса, но ощутил системное действие санкций и погрузился в кризисное состояние уже на этапе прохождения первых санкционных шоков. Сочетание экспортного эмбарго с импортным наложилось здесь на слабость государственных финансов (бюджетный дефицит, который в 2011 г. был небольшим, стал неуклонно нарастать), что усилило шоковый эффект финансовых санкций, сопровождаемый исходом из страны иностранных компаний и банков. В условиях оттока капиталов и отсутствия мощной финансовой подушки правительство, центробанк и бизнес мгновенно оказались в ситуации нехватки средств, что вызвало острый валютно-финансовый кризис, дестабилизацию риала и глубокий спад производства.

Начиная с 2011 г. в санкционном давлении на Иран можно выделить три периода. Первый, 5-летний раунд ограничений (2011–2015 гг.) завершился успехом санкционной коалиции: Иран заключил международную ядерную сделку, после чего санкции были принципиально ослаблены на двухлетний период (2016–2017 гг.). В 2018 г. выход США из сделки (в ответ на нарушение Ираном своих обязательств) повлек за собой еще более мощный второй санкционный раунд, длящийся до сих пор (2018–2023 гг.). При этом ключевую роль в состоянии бюджета и экономики во всех трех периодах сыграл нефтяной сектор. С введением санкций объемы производства нефти и нефтепродуктов резко просели, в период снятия эмбарго – резко возросли, а с возобновлением эмбарго – обвалились еще ниже, чем в первом раунде ограничений (см. рис. 1). Этой траектории следовала и вся иранская экономика, демонстрируя то важное обстоятельство, что ее стабилизация и рост оказываются возможными только при значительном смягчении санкционного режима.

Действительно, *первый раунд санкций* отмечен падением нефтяного экспорта на 76% (до 27,3 млрд долл. в 2015 г. против 114,7 млрд в 2011 г., по данным ОПЕК), пиковым падением инвестиций (2012 г.), тремя годами рецессии (2012, 2013 и 2015 г.) и пиковым взлетом инфляции (до 36,6%, по неофициальным данным – до 60%). При этом импортное эмбарго подорвало обрабатывающую промышленность (особенно

Источник: данные EIA. https://www.eia.gov/.

Рис. 1. Динамика производства в нефтяном секторе Ирана, 2011–2022 гг. (млн баррель в день)

автомобильную), а уход из энергетического сектора крупных иностранных компаний (с перепродажей активов иранским фирмам) прервал разработку нефтегазовых месторождений, причем последующие попытки Ирана вернуть инвесторов с помощью особых преференций («иранский нефтяной контракт») были свернуты вторым раундом санкций [11].

На этапе *ослабления санкций* (почти полного со стороны ЕС) нефтяной экспорт восстановился практически до уровня 2011 г., экономика пошла в рост, а инфляция снизилась до однозначной величины. К 2017 г. Иран расширил нефтепереработку, заместил импортный бензин собственным и даже стал продавать его в Венесуэлу [11]. Однако последствия изоляции от глобальных рынков в первом раунде санкций сделали восстановительный рост неравномерным и неустойчивым: рекордные 8,8% прироста ВВП в 2016 г. сменились в 2017 г. на 2,8% (см. табл. 2). Возвращение в страну иностранных компаний уперлось в низкую доходность и высокие риски, а возобновление связей с зарубежными банками – в сохранение большей части финансовых санкций со стороны США. В итоге Ирану не хватило технологических и финансовых возможностей для модернизации производственной базы: за 5 лет фонды в ключевых промышленных отраслях морально устарели или полностью износились [13].

После начала *второго раунда санкций* (с ноября 2018 г.) экспорт нефти упал ниже уровня 2015 г., страна вновь испытала взрывную и еще более высокую инфляцию (35–50% в год) и очередную двухлетнюю рецессию, причем последовавший в 2020–2021 гг. восстановительный рост не компенсировал последствий спада [11].

Иранская «экономика сопротивления» и макроэкономические итоги ее реализации

За годы пребывания под санкциями Иран наработал богатый опыт их обхода и пионерный опыт адаптации нефтедобывающей страны к масштабным системным ограничениям. В 2014 г. он оформил эти усилия в виде доктрины *«Экономика сопротивления»* (resistance economy), восходящей корнями к исламским традициям построения системы, способной опираться на собственные ресурсы и противостоять внешнему давлению. Доктрина охватывает целый ряд направлений в политике адаптации (см. табл. 1), многие из которых были переняты Россией в 2022 г. Одним из ключевых приоритетов стало высвобождение бюджета из зависимости от экспорта сырой нефти, другим – замещение значимого инвестиционного импорта и развитие инноваций, что перекликается с российской концепцией технологического суверенитета.

Таблица 1

Приоритеты и направления иранской «экономики сопротивления»

Приоритеты и направления	Меры экономической политики
Удержание стабильности бюджета, его отвязка от экспорта сырой нефти путем ускоренной отраслевой диверсификации экспорта	1) диверсификация источников бюджетной системы, введение НДС, оптимизация расходов в соответствии с доходами; 2) стимулирование запуска множества малых НПЗ для развития нефтепереработки и нефтехимии; 3) поощрение производства и экспорта неподсанкционных товаров и наукоемких услуг (в т. ч. за счет льгот и нефтяной выручки, накапливаемой в Национальном фонде развития).
Минимизация эффектов обесценения национальной валюты	1) контроль центробанка над оттоком валюты и капиталов; 2) нетарифное ограничение импорта товаров, подлежащих замещению в Иране; 3) введение с 2018 г. трех курсов обмена риала – официальный (фиксированный), рыночный и специальный для экспортеров и импортеров.

Окончание табл. 1

Принцип «больше рынка» для поощрения промобработки и притока иностранных инвестиций	1) селективная либерализация ВЭД (снижение пошлин, отдельных налогов, использование режима ОЭЗ); 2) частичная либерализация внутреннего рынка (для поддержания рентабельности бизнеса, создания новых фирм).
Интенсификация ВЭД, развитие связей с новыми партнерами, в т. ч. для обхода санкций	1) ориентация на соседей и сильных игроков (Китай и ОАЭ); 2) параллельный импорт, серый экспорт, перевозка нефти в бензовозах и теневых танкерах в масштабах всей Евразии; 3) географическая диверсификация легального импорта.
Обход финансовых санкций (запрета на использование долларов и евро)	1) ведение расчетов в валютах третьих стран и экзотическими способами (клиринг, бартер, исламская хавала, наличность); 2) замещение западных платежных систем национальными; 3) легализация криптовалюты и ее майнинга.
Стимулирование промобработки и инноваций, самодостаточности по инвестиционным товарам и продуктам первой необходимости	1) перенастройка банковской системы (исламский бэнкинг) на потребности реального сектора; 2) поддержка отраслей и крупных компаний, вовлеченных в промышленный экспорт или широкое импортозамещение; 3) программное развитие инноваций для достижения регионального лидерства в переходе к экономике знаний.
Сохранение системы распределения бюджетных субсидий для предприятий и домохозяйств	1) субсидирование курса риала по критическому импорту (лекарства, продовольствие, товары АПК); 2) субсидирование заниженных внутренних цен на топливо для предприятий и домохозяйств; 3) бюджетная поддержка населения, включая прямые выплаты, для гарантирования покупательной способности малоимущих и снятия социального напряжения.

Источник: составлено авторами по: [3; 12; 13; 15].

Реализация доктрины позволила Ирану устоять под ударами второго раунда санкций, провести определенную диверсификацию экономики (с созданием сильного нефтеобрабатывающего комплекса), добиться частичной самодостаточности в базовых секторах средней сложности и почти полностью заместить западных партнеров восточными [13]. Но успешное выживание никак не означает устойчивого развития, тем более решения накопленных структурных и социаль-

ных проблем. К 2022 г. административное вмешательство государства в экономику и уровень неравенства в стране только возросли. Экономический курс Ирана остался прежним, преследующим де-факто два приоритета, – обеспечить стабильность сложившейся системы власти и минимально необходимые базовые нужды населения, при отнесении вопросов устойчивого роста и общего подъема уровня жизни на второй план [3]. Продвинуться в технологических компетенциях и создать серьезные инновации Ирану не удалось – даже при установке на открытость науки и стимулирование связей с научной диаспорой в США [2].

По главным макрофинансовым и макроэкономическим параметрам «экономика сопротивления» явно провалилась.

Во-первых, она не смогла защитить Иран от санкционного сжатия нефтегазовых доходов и резкого нарастания бюджетного дефицита начиная с 2018 г. (по данным МВФ, он прирастал на уровне 4,5% ВВП в год). В 2019 г. Ирану пришлось урезать свои масштабные социальные программы и, в частности, программу субсидирования цен на топливо (стоимостью в 1,6% ВВП), что вызвало в стране беспрецедентную волну социальных протестов. Очевидно, что иранские власти уже не справляются с выполнением своих социальных обязательств: бюджетная поддержка малоимущих, составляющих основную часть населения страны (к 2022 г. 18,4% иранцев жили в абсолютной нищете, а 60% – за чертой бедности или ниже [3]), уперлась в свои пределы. Для стабилизации социально-экономической обстановки Ирану потребуется институциональная реорганизации затратной экономической модели, где доминирует квази-государственный сектор, разрастается теневой бизнес и практически отсутствует средний класс.

Во-вторых, наряду с хронически высокой инфляцией характерной чертой иранской экономики выступает высокая волатильность в динамике ВВП, когда глубокие рецессии чередуются с быстрым отскоком и очередным торможением (см. табл. 2). В основе такой динамики, обозначающей на длительном горизонте стагнацию, лежит, в свою очередь, волатильность динамики нефтяного экспорта (из-за колебаний мировых нефтяных цен) и инвестиций (преимущественно связанных с бюджетом) – при общем тренде падения их уровня под действием санкций. Согласно статистике ОПЕК, по итогам санкционного десятилетия (2011–2021 гг.) нефтяной экспорт сжался в физических объемах почти втрое, а в стоимостных – в 4,5 раза, иными словами, к 2021 г. Иран утратил около 78% ежегодной нефтяной выручки (в текущих ценах). Иранский риал обесценился к доллару в 8,5 раз [11, p. 53], а индекс потребительских цен вырос в 10 раз (до 1032 относительно 2010 г.).

Ухудшение состояния госфинансов отчасти компенсируется за счет девальваций риала и замещения части импортной продукции. Однако

Таблица 2

Динамика ключевых макроэкономических показателей Ирана в условиях коллективных санкций, 2011–2022 гг., % (год к году)

	Первый раунд санкций					Смягчение санкций		Второй раунд санкций				
	2011	**2012**	**2013**	**2014**	**2015**	**2016**	**2017**	**2018**	**2019**	**2020**	**2021**	**2022**
ВВП	2,6	–3,7	–1,5	5,0	–1,4	8,8	2,8	–2,3	–2,7	3,3	4,7	2,7
Инвестиции	4,6	–23,9	–11,6	7,2	–14,1	–1,7	–0,5	–15,4	–7,0	3,2	0,0	3,9
Экспорт нефти:												
физ. объем	13,9	–14,1	–37,1	–1,9	1,0	52,7	–1,7	–11,4	–55,9	–26,8	60,0	17,2
стоим. объем	58,9	–11,6	–39,0	–13,4	–49,1	50,6	28,2	14,8	–67,9	–59,2	222,5	67,0
Инфляция	26,3	27,3	36,6	16,6	12,5	7,2	8,0	18,0	39,9	30,6	43,4	…
Индекс цен*	126	161	220	256	288	309	334	394	551	719	1032	…

* Индекс потребительских цен относительно досанкционного 2010 г.

Примечание. Нефтяной экспорт охватывает нефть и нефтепродукты. Динамика его физических и стоимостных объемов может сильно расходиться (как в 2015 г.) в силу волатильности мировых цен на нефть. Трехзначный прирост стоимостного объема в 2021 г. отражает эффект базы после четырех лет сокращения физических объемов.

Источник: составлено авторами по: интерактивные базы данных Всемирного банка и ОПЕК.

сочетание периодических обвалов курса с эмиссионным финансированием бюджетного дефицита постоянно разгоняет инфляцию до уровня 30–40% в год (см. табл. 2). Причем инфляция остается хронически высокой даже в периоды роста мировых цен на нефть, а подъем экономики в эти периоды сопровождался углублением в ней ценовых и структурных дисбалансов [15]. Длительное отсутствие притока иностранных инвестиций и технологий привело к падению выпуска в ключевых отраслях промышленной обработки и к деградации газового сектора, так что страна с богатейшим запасом газа утратила роль значимого игрока на этом сегменте мирового энергетического рынка, включая СПГ [13].

Таким образом, ни меры обхода санкций, ни политика сопротивления не спасают Иран от непрерывного взаимного усиления множества дестабилизирующих экономику факторов (девальвации, инфляция, бюджетный дефицит, двузначные процентные ставки и др.), что выливается в итоге в дальнейшее падение производительности и сжатие экономического потенциала [12]. К 2021 г. реальный ВВП Ирана остался на уровне десятилетней давности (2011 г.), а его среднедушевая величина и вовсе откатилась до уровня 2005 г. (менее 6 000 долл. по

обменному курсу) [15][4]. Если полвека назад Иран был растущей экономикой со средним доходом и уровнем благосостояния выше среднемирового, то сегодня он относится к группе бедных, низкодоходных стран – беднее Кубы и ЮАР (по расчетам в постоянных долларовых ценах 2015 г.). При этом сложившаяся в стране система управления усугубляет санкционные эффекты. Как отмечается в литературе (см., например, [12]) иранская экономика так долго находится в стрессовых условиях, что едва ли сможет нормально функционировать и после снятия ограничений.

Типовые проблемы нестабильности сырьевых экономик в условиях санкционного стресса

По сравнению с Ираном Россия остается намного более сильной и более рыночной экономикой. Сохраняемая ею роль в глобальном энергообеспечении и влияние на другие мировые рынки также несопоставимы с Ираном. При прохождении мощных санкционных шоков она продемонстрировала, в отличие от Ирана, уникальный запас прочности. Тем не менее уже в начале 2023 г. Россия подпала под системное действие внешних ограничений, когда они с разных сторон начали подрывать ее нефтяной сектор и сжимать нефтегазовые доходы бюджета [7, с. 18–19], а к концу 2023 г. ее адаптационный маневр уперся в свои объективные пределы. Дальше России предстоит проходить наиболее проблемную, стрессовую фазу санкционного кризиса и, похоже, – ближе к сценарию других ресурсозависимых стран, демонстрируя все меньше позитивных отклонений от наблюдаемых в этих странах кризисных закономерностей.

Рассмотрим в контексте иранского опыта несколько трудно решаемых проблем, не позволяющих сырьевой экономике устойчиво расти и удерживать макрофинансовую стабильность даже при сохранении сильного бюджетного стимула.

1) *Уязвимости «экономики сопротивления».* Россия перенимает многие стороны иранской «экономики сопротивления», которая, однако, не смогла укрепить экономическую стабильность, а лишь

[4] По данным Всемирного банка, в пандемическом 2020 г. уровень благосостояния откатился еще ниже – на 30 лет назад, до отметки чуть выше 1990 г. (2,7 тыс. долл. по текущему обменному курсу или 15,2 тыс. долл. по ППС) (World Bank Open Data. https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?locations=IR). В целом наблюдаемые расхождения оценок по Ирану связаны со множественностью курсов риала. Так, если оценивать иранский ВВП по фиксированному официальному курсу центробанка (как делает МВФ), то за 2018–2020 гг. экономика в долларовом выражении почти удвоилась, а если оценивать по рыночному курсу с учетом обесценения риала (как делает Всемирный банк), то она более чем вдвое сжалась.

подтвердила, что системные санкции лишают экономику источников развития.

Во-первых, санкции не позволяют диверсифицировать экономику и снизить ресурсную зависимость бюджета, что приводит к *постоянному воспроизводству в стране прежней сырьевой специализации*. С одной стороны, из-за технологических ограничений импортозамещение приобретает регрессивный характер (в большинстве секторов оно ведется на основе устаревших технологий, за счет обратного проектирования и параллельного импорта), а произведенная промышленная продукция (в Иране это еще и нефтепереработка, и IT-бизнес на базе бюджетного стимулирования) не находит широкого внешнего спроса из-за недостаточной конкурентоспособности. С другой стороны, ограниченность внешнего спроса сочетается с узостью внутреннего, что не позволяет бизнесу добиться эффекта масштаба, делая нерентабельным развитие многих (а в Иране – любых) обрабатывающих производств с импортной составляющей. Как следует из результатов опроса российских компаний в 2022 г. [4, с. 174–175] в России, как и в Иране, бизнес может частично заместить импортную продукцию низкого и среднего уровня сложности (продовольствие, одежда и др.), причем с упрощением, но он не в состоянии поднять инвестиционное импортозамещение, тем более окупить дорогостоящие вложения в новые высокотехнологичные проекты. В итоге в нефтедобывающих странах курс на растущее импортозамещение и технологическую самодостаточность теряет перспективу – равно как и курс на наращивание несырьевого экспорта.

В Иране нефтяной экспорт по-прежнему составляет около половины совокупного (по данным ОПЕК), и он еще в большей степени, чем раньше, определяет динамику ВВП. Выручка от нефтяного экспорта по-прежнему остается главным источником пополнения бюджета, причем из-за ее санкционного сжатия каждое очередное падение мировых цен на нефть вынуждает правительство наращивать бюджетный дефицит для выполнения своих текущих обязательств.

Во-вторых, наращивание связей с альтернативными партнерами не страхует страну от потери текущих и будущих доходов. В силу узости своего производственного потенциала восточные партнеры могут лишь частично компенсировать разрыв связей с западными, но при этом они прагматично используют тот факт, что новые рынки нужны подсанкционной экономике больше, чем она нужна им. По сути, они становятся главными бенефициарами санкционного положения ресурсозависимой страны, зарабатывая на торговом посредничестве, дисконтных закупочных ценах, удорожании своих поставок и даже на перехвате перерабатывающих мощностей, как в случае с российской нефтепереработкой [7]. Стратегическая ставка на Китай и других силь-

ных игроков также не ведет к повышению экономической устойчивости, но оборачивается попаданием к ним в растущую зависимость[5]. При этом риски ужесточения Западом вторичных санкций или контроля над соблюдением введенного импортного эмбарго (особенно на продукцию двойного назначения) становятся для страны-адресата серьезным макроэкономическим вызовом, способным подорвать успешные схемы обхода ограничений и переналаженные цепочки поставок [1, с. 10].

В-третьих, умелый обход санкций (включая ведение внешнеторговых расчетов в валюте страны-партнера) не избавляет экономику от обесценения национальной валюты и хронически высокой инфляции, которая поддерживается различными структурными проблемами (сжатие экспорта, санкционное удорожание затрат, устойчивая нехватка твердой валюты для оплаты критического западного импорта и др.). Однако инфляцию издержек невозможно обуздать ужесточением монетарной политики и, в частности, подъемом процентных ставок до двузначного иранского уровня – здесь требуется устранение самих структурных проблем, а не подавление перегретого спроса, как при классических кризисах.

2) *Стагфляция как генеральный тренд.* На примере Ирана видно, что санкционный кризис (т. е. процесс хаотичной трансформации экономики с неопределенными сроками и глубиной) имеет двухфазовую структуру: непосредственные эффекты в виде внезапных шоков и долгосрочные накопительные эффекты, которые усиливают структурные деформации и разрушают производственную базу [8; 13]. Если шоки могут быть в той или иной мере смягчены и абсорбированы мерами антикризисной политики, то накопительные эффекты санкционного стресса лишены реальных инструментов противодействия – они длятся столько, сколько длятся санкции.

Даже при облегченном прохождении шоков и ускоренном выходе из первоначальной рецессии (как это удалось сделать России) экономика продолжает пребывать в изоляции от глобальных рынков, испытывая стресс от роста затрат, накопления деформаций и падения производительности. Ход кризиса открывает отдельным фирмам

[5] Иран перенаправил на Китай порядка 60% своего нефтяного экспорта, составившего в китайском нефтяном импорте всего 6% (The United States Institute of Peace. Iran's Increasing Reliance on China. https://iranprimer.usip.org/blog/2019/sep/11/irans-increasing-reliance-china). У России ставка на Китай обернулась партнерским дисбалансом по всем направлениям, начиная с юанезации экономики и кончая зависимостью в сфере закупок. По данным зеркальной торговой статистики, к середине 2023 г. доля Китая в российском импорте достигла 55% (Bruegel. Russian foreign trade tracker. https://www.bruegel.org/dataset/russian-foreign-trade-tracker), тогда как доля России в китайском внешнеторговом обороте не превысила и 3% [14].

и секторам новые производственные возможности, но одновременно сужает их для других агентов, что не позволяет (в отличие от классических кризисов) преобразовать локальные успехи в устойчивый рост всей экономики. В итоге она функционирует в режиме стагфляции с рисками постоянного срыва в очередную рецессию.

В Иране стагнационный тренд обозначен повышенной волатильностью динамики ВВП – резкими спадами и отскоками, связанными с колебаниями нефтяных цен и мирового спроса на нефть. В России (как и в случае любой другой крупной экономики) амплитуда таких колебаний будет, очевидно, более сглаженной, но тренд застоя с негативной траекторией и в сочетании с высокой инфляцией сохранится, видимо, и для нее. Если же выпуск будет разгоняться через растущие бюджетные расходы на оборону, то прирост ВВП будет в значительной мере номинальным, камуфлирующим падение совокупной производительности и уровня благосостояния.

3) *Уязвимости и ловушки бюджетного стимулирования роста.* В условиях системных санкций главным, если не единственным драйвером роста экономики остается государственный спрос (в виде государственных заказов, закупок и инвестиций), так как другие классические драйверы (экспортный, потребительский и частный инвестиционный спрос) подрываются введенными внешними ограничениями и их последствиями [5][6]. Поэтому *типовой моделью роста подсанкционной экономики становится квази-кейнсианская модель*, лишенная своего характерного мультипликативного эффекта, при котором возрастание государственного спроса и бюджетных вливаний в экономику служат механизмом быстрого запуска других драйверов роста [10].

Заметим, что длительная *опора экономики исключительно на бюджетный стимул крайне уязвима*. Во-первых, она ведет к разбалансированному росту, поскольку в этом случае инвестиции и ресурсы перераспределяются в пользу одних агентов (секторов, предприятий, социальных групп) за счет других [10]. Во-вторых, возможности расширения бюджетных расходов упираются в проблему санкционного сжатия доходов. В-третьих, возникает макроэкономическая ловушка, способная дестабилизировать экономику и государственные финансы изнутри. С одной стороны, высокая инфляция издержек требует

[6] Так, в нефтедобывающих странах экспортный спрос подавляется нефтяным эмбарго, а если им удается наладить выпуск непосредственно не подпадающей под санкции продукции (как это сделал Иран с продукцией нефтепереработки), то массовый выход этой продукции на внешние рынки блокируется эффектами технологических и финансовых санкций. Частные инвестиции подавляются санкционным удорожанием затрат (начиная с импортных) и высокой неопределенностью, связанной с вероятностью ужесточения санкций, а рост потребительского спроса упирается в инфляционное обесценение реальных доходов населения.

постоянного наращивания бюджетных расходов для дальнейшего стимулирования экономического роста, что разгоняет рост цен еще сильнее, поскольку при закрытом доступе страны к мировому рынку капиталов растущий бюджетный дефицит приходится покрывать на проинфляционной основе, в т. ч. за счет девальваций. С другой стороны, любые попытки смягчить бюджетный дефицит путем секвестирования бюджетных расходов (включая отказ от субсидирования цен или от прямых выплат населению) чреваты сокращением выпуска, срывом в стагфляционную рецессию или подъемом социального недовольства, какой наблюдается в сегодняшнем Иране.

В России же риски подобных срывов могут возрасти при наращивании госрасходов по статье «национальная оборона» и их сокращении по статье «национальная экономика». Действительно, в условиях санкций и СВО в России сложилась специфическая модель роста, когда восстановительный подъем опирается на бурное расширение госинвестиций и госзаказов для цепочек реального сектора, связанных с ВПК (на это указывает и Банк России, и Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования [1; 6]). В отличие от военного кейнсианства в открытой рыночной экономике, где оборонные сектора развиваются рука об руку с гражданскими и часто в условиях широких экспортных заказов (как было в США в эпоху президента Рузвельта), в России концентрация ресурсов в сфере ВПК не ведет к равноценному подъему гражданских секторов, что формирует разнонаправленную восстановительную динамику в разрезе отраслей и регионов. Тем самым в экономике возникают дополнительные дисбалансы, усугубляющие санкционные деформации [7].

В Иране функционирование экономики в режиме периодических девальваций и спадов длится больше десятилетия. Специфика российской ситуации не позволяет проводить здесь четкие долгосрочные параллели. Но ясно другое – оставаясь под санкциями, Россия переходит к волатильной, разбалансированной и крайне затратной модели роста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Банк России.* О чем говорят тренды // Бюллетень Департамента исследований и прогнозирования. 2023. № 5.
2. *Дежина И.Г.* Наука под санкциями: Опыт иранских университетов // Университетское управление: практика и анализ. 2022. Т. 26. № 3. С. 22–34. DOI: 10.15826/umpa.2022.03.019.
3. *Кожанов Н.А.* Между развитием, ростом и выживанием: о некоторых особенностях модели социально-экономического развития Ирана на современном этапе // Международная аналитика. 2023. Т. 14. № 1. С. 72–91. DOI: 10.46272/2587-8476-2023-14-1-72-91.
4. *Кузык М.Г., Симачев Ю.В.* Стратегии адаптации российских компаний к санкциям 2022 г. // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 3. С. 172–180. DOI: 10.31737/22212264_2023_3_172-180.
5. *Николаев И.А.* Драйверы экономического роста: возможности и перспективы их использования в подсанкционной экономике России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 1. С. 58–74. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_1_58_74.
6. *Сальников В.А., Галимов Д.И., Гнидченко А.А.* Тезис 3. О промежуточных итогах развития промышленности с начала 2022 г.: производство и инвестиции. Тринадцать тезисов об экономике. М.: ЦМАКП. 2023. http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Mon_13/2023/TT2023_3.pdf
7. *Смородинская Н.В., Катуков Д.Д.* Российский санкционный кризис: концептуальные аспекты // ЭКО. 2023. Т. 53. № 12. С. 8–29. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-12-8-29.
8. *Смородинская Н.В., Катуков Д.Д.* Россия в условиях санкций: пределы адаптации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 6. С. 52–67. DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_52_67.
9. Экономика России в условиях новых вызовов: от адаптации к развитию: Доклад / Отв. ред. М.Ю. Головнин, Е.Б. Ленчук. М.: Институт экономики РАН, 2023.
10. *Elveren A. Y.* The political economy of militarism // The Oxford handbook of economic imperialism / Edited by: Z. Cope, I. Ness. Oxford: Oxford University Press, 2022. Pp. 389–408. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780197527085.013.19.
11. *Katzman K.* Iran sanctions. CSR Reports. RS20871 (Version 318). 2022. https://crsreports.congress.gov/product/pdf/RS/RS20871/318.
12. *Khajehpour B.* Anatomy of the Iranian economy. UI Papers. 6/2020. 2020. https://www.ui.se/english/news/2020/anatomy-of-the-iranian-economy
13. *Kozhanov N. A.* Iran's economy under sanctions: Two levels of impact // Russia in Global Affairs. 2022. Vol. 20. N. 4. P. 120–140. DOI: 10.31278/1810-6374-2022-20-4-120-140.
14. *Lukonin S.* Russia-China relations: An asymmetrical partnership? // MGIMO Review of International Relations. 2023. Vol. 16. N. 2. P. 65–86. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-2-89-65-86.
15. World Bank. Iran Economic Monitor, Spring/Summer 2023: Moderate Growth amid Economic Uncertainty.2023. Washington D.C.: World Bank. https://doi.org/10.1596/40243

REFERENCES

1. *Bank of Russia*. Talking trends // Research and Forecasting Department Bulletin. 2023. No. 5. (In Russ.).
2. *Dezhina I.G.* Science under sanctions: Experience of the Iranian universities // University Management: Practice and Analysis. 2022. Vol. 26. No. 3. Pp. 22–34. (In Russ.). DOI: 10.15826/umpa.2022.03.019.
3. *Kozhanov N.A.* Between development, growth and survival: Some current features of Iran's model of socio-economic development // Journal of International Analytics. 2023. Vol. 14. No. 1. Pp. 72–91. (In Russ.). DOI: 10.46272/2587-8476-2023-14-1-72-91.
4. *Kuzyk M.G., Simachev Y.V.* Strategies of Russian companies to adapt to the 2022 sanctions // Journal of the New Economic Association. 2023. No. 3. Pp. 172–180. (In Russ.). DOI: 10.31737/22212264_2023_3_172-180.
5. *Nikolaev I.A.* Drivers of economic growth: Opportunities and prospects in the sub-sanctioned economy of Russia // Bulletin of Institute of Economics RAS. 2023. No. 1. Pp. 58–74. (In Russ.). DOI: 10.52180/2073-6487_2023_1_58_74.
6. *Salnikov V.A.; Galimov D.I.; Gnidchenko A.A.* Thesis No. 3. On interim results of industrial development since the beginning of 2022: Production and investments. Thirteen Theses on Economics. N. 3. Moscow: CMASF. 2023. (In Russ.). http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Mon_13/2023/TT2023_3.pdf
7. *Smorodinskaya N.V., Katukov D.D.* The Russia's sanctions crisis: Conceptual aspects // ECO. 2023. Vol. 53. No. 12. Pp. 8–29. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-12-8-29.
8. *Smorodinskaya N.V., Katukov D.D.* Russia under sanctions: The limits of adaptation // Bulletin of Institute of Economics RAS. 2022. No. 6. Pp. 52–67. (In Russ.). DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_52_67.
9. Russia's economy under new challenges: From adaptation to development / Edited by: M.Y. Golovnin, E.B. Lenchuk. Moscow: IE RAS, 2023. (In Russ.).
10. *Elveren A.Y.* The political economy of militarism // The Oxford handbook of economic imperialism / Edited by: Z. Cope, I. Ness. Oxford: Oxford University Press, 2022. Pp. 389–408. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780197527085.013.19.
11. *Katzman K.* Iran sanctions. CSR Reports. RS20871 (Version 318). 2022. https://crsreports.congress.gov/product/pdf/RS/RS20871/318
12. *Khajehpour B.* Anatomy of the Iranian economy. UI Papers. 6/2020. 2020. https://www.ui.se/english/news/2020/anatomy-of-the-iranian-economy
13. *Kozhanov N.A.* Iran's economy under sanctions: Two levels of impact // Russia in Global Affairs. 2022. Vol. 20. No. 4. Pp. 120–140. DOI: 10.31278/1810-6374-2022-20-4-120-140.
14. *Lukonin S.* Russia-China relations: An asymmetrical partnership? // MGIMO Review of International Relations. 2023. Vol. 16. No. 2. Pp. 65–86. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-2-89-65-86.
15. World Bank. Iran Economic Monitor, Spring/Summer 2023: Moderate Growth amid Economic Uncertainty.2023. Washington D.C.: World Bank. https://doi.org/10.1596/40243

Дата поступления рукописи: *02.11.2023 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Смородинская Наталия Вадимовна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-4741-9197
smorodinskaya@gmail.com

Катуков Даниил Дмитриевич – научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-3839-5979
dkatukov@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Nataliya V. Smorodinskaya – Cand. Sci. (Econ.), leading researcher,
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-4741-9197
smorodinskaya@gmail.com

Daniel D. Katukov – researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-3839-5979
dkatukov@gmail.com

IRANIAN SANCTIONS EXPERIENCE: MACROECONOMIC OUTCOMES AND LESSONS FOR RUSSIA

The paper examines the impact of the sanctions crisis on oil-exporting economies, using the case of Iran in 2011-2022. It describes effects of the two rounds of collective sanctions — before the conclusion and after the termination of the nuclear deal, as well as in the interim period of lifting the oil embargo. The authors typologize priorities of the Iranian doctrine of "resistance economy" and review its macroeconomic outcomes. They show that despite the successful evasion of sanctions, the development of ties with alternative partners and some advances in diversification, the Iranian economy continues to lose budget revenues and remains unstable, experiencing periodic recessions, devaluations and high inflation. Within the Iranian context, the authors highlight the problem of unbalanced growth under the sanctions stress, as well as vulnerabilities in the growth-supporting strategy based on fiscal stimulus — the issues that hold relevance for Russia.

Keywords: *economic sanctions, sanctions crisis, Iranian economy, «resistance economy», Russian economy, fiscal stimulus.*

JEL: F1, F13, F5, F51.

Д.И. УШКАЛОВА
кандидат экономических наук, руководитель Центра исследований международной макроэкономики и внешнеэкономических связей ФГБУН Институт экономики РАН

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ РОССИИ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ВТОРОГО ГОДА ПРОТИВОСТОЯНИЯ САНКЦИОННОМУ ДАВЛЕНИЮ

В статье рассматриваются основные тенденции развития экспорта и импорта России в 2023 г. в условиях беспрецедентного санкционного режима. На основе анализа динамики российского экспорта в 2023 г. с учетом мер государственной политики по противодействию санкционному давлению (в частности, выполнению условий «ценового потолка» при экспорте российских углеводородов) и ценовой конъюнктуры на мировых товарных рынках, а также динамики российского импорта делается вывод о высоком уровне адаптивности отечественной внешней торговли к современным реалиям и ее относительной резистентности к санкционному давлению, в том числе в результате продолжения действия фактора «ловушки большой страны». Сформулированы предложения по совершенствованию мер государственной политики в целях устойчивого развития внешней торговли России.

Ключевые слова: *антироссийские санкции, экспорт и импорт России, мировые цены, мировые товарные рынки.*
УДК: 332.1
EDN: DVZHYT
DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_43_60

С 2022 г. внешняя торговля России находится под беспрецедентным санкционным давлением со стороны недружественных стран, однако его результаты оказались неожиданными для стран–инициаторов. Антироссийские санкции столкнулись с эффектом, названным автором «ловушкой большой страны»: санкции против экспорта могут быть эффективны только в том случае, если они затрагивают крупнейшие его статьи, однако если на рынках этих товаров страна является крупным игроком («большой страной»), то ограничение ее поставок (или даже ожидание подобного ограничения) неминуемо приводит к росту мировых цен, который позволяет компенсировать снижение

физических объемов поставок, а также облегчает диверсификацию их географии [1; 2]. В этих условиях формальная эффективность санкций (их способность ограничивать физические объемы экспорта) противоречит ее стратегической эффективности (способности ограничивать доходы от экспорта) [1; 2].

Существование «ловушки большой страны» для антироссийских санкций привело к масштабному росту стоимостных объемов отечественного экспорта в 2022 г. Так, по итогам года, по данным Банка России, экспорт России возрос на 19,8% по сравнению с 2021 г.[1] Ограничения со стороны недружественных стран в отношении товарных поставок в Россию, введенные как на государственном, так и на корпоративном уровне (в рамках ухода иностранных компаний с российского рынка), оказались более действенными. По итогам 2022 г. импорт России, по данным ЦБ РФ, сократился на 9%. В этих условиях рекордно возросло положительное сальдо торгового баланса страны – с 190 до 315,6 млрд долл., т. е. на 65,8%[2].

Положительное сальдо счета текущих операций платежного баланса России при этом в 2022 г. достигло 237,9 млрд долл., увеличившись по сравнению с предыдущим годом на 115,8 млрд долл., т. е. почти на 95%[3]. Как следствие, не была достигнута одна из ключевых целей антироссийских санкций, состоящая в обрушении курса российского рубля. Средний номинальный курс российского рубля после резкого повышения в марте 2022 г. начал снижаться и к декабрю оказался на более низком уровне, чем в начале года (см. табл. 1). Укрепление национальной валюты во III–V кварталах 2022 г. наряду с мерами Правительства России по поддержке внешней торговли, включая разрешение параллельного импорта, способствовало стабилизации динамики ввоза товаров.

Очевидно, что связанные с эффектом «ловушки большой страны» результаты первого этапа противостояния России санкционному давлению вынудили недружественные страны пересмотреть свои подходы к формированию антироссийских ограничений. В условиях, когда простые ограничения российских поставок приводили к обратному эффекту (росту мировых цен и увеличению экспортной выручки российских экспортеров), в конце 2022 г. санкции Европейского союза были модифицированы таким образом, чтобы не только сократить физические объемы экспорта России, но и контролировать цены на

[1] Внешняя торговля товарами (по методологии платежного баланса). https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/

[2] Там же.

[3] Платежный баланс Российской Федерации (аналитическое представление). https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/

Таблица 1

Динамика среднего номинального курса доллара США и евро к рублю в 2022 г.

	январь	февраль	март	I кв.	апрель	май	июнь	II кв.	июль	август	сентябрь	III кв.	октябрь	ноябрь	декабрь	IV кв.
Средний номинальный курс доллара США к рублю	75,87	77,34	103,68	84,73	77,81	64,64	57,18	66,01	58,08	60,35	59,79	59,40	60,86	60,87	65,34	62,32
Средний номинальный курс евро к рублю	85,92	86,81	95,15	95,15	92,34	86,72	81,57	81,57	77,89	75,55	73,54	73,54	72,01	71,02	70,86	70,86

Источник: Основные производные показатели динамики обменного курса рубля в январе–декабре 2022 г. (https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/).

его основные статьи. В рамках восьмого пакета санкций ЕС была сделана ставка на эмбарго на поставки в страны ЕС и одновременное ограничение уровня цен при экспорте в другие регионы посредством введения «ценового потолка».

Так, с 5 декабря 2022 г. был введен запрет на импорт в ЕС российской нефти морским транспортом, а с 5 февраля 2023 г. – на ввоз нефтепродуктов. Помимо этого, был введен механизм «ценового потолка», предполагающий, что импортеры российской нефти из третьих стран могут получить доступ к услугам европейских компаний по транспортировке и страхованию грузов[4] только при покупке нефти ниже определенного уровня[5]. Первоначально «потолок цен» был установлен на отметке 60 долл. за баррель, однако в дальнейшем должен был корректироваться раз в 2 месяца с тем, чтобы быть не менее чем на 5% ниже среднерыночной цены на российскую нефть и нефтепродукты, рассчитанной на основе данных, предоставленных Международным энергетическим агентством (МЭА). К решению ЕС присоединились оставшееся страны Большой Семерки (США, Великобритания, Канада, Япония) и Австралия[6].

Введение «ценового потолка», направленного на противодействие «ловушке большой страны», выступало важнейшей угрозой российскому экспорту в 2023 г. Помимо этого, факторами риска сокращения стоимостных объемов российских поставок являлось снижение темпов роста мировой экономики, разрушение транспортной инфраструктуры и замещение российских поставок ресурсами из других стран.

Следует также отметить, что «ловушка большой страны» затрагивает далеко не все статьи отечественного экспорта. На многих товарных рынках Россия не является крупным поставщиком, способным оказывать влияние на уровень мировых цен, или же воздействие сокращения поставок с ее стороны нивелируется действием более значимых конъюнктурообразующих факторов. Одним из таких рынков является рынок металлургической продукции, доминирующим игроком на

[4] Западные компании фактически являются монополистами на рынке морских перевозок и страхования: почти 90% судов в мире страхуется с помощью британской ассоциации International Group of P&I Clubs. https://lenta.ru/news/2022/12/02/oil_price_cap_eu/?ysclid=lbdm5gkxgu618542941

[5] Решение ЕС о введении потолка цен на российскую нефть официально вступило в силу. https://neftegaz.ru/news/gosreg/761390-reshenie-es-o-vvedenii-potolka-tsen-na-rossiyskuyu-neft-ofitsialno-vstupilo-v-silu/?ysclid=lbdmx8vrh7631325625

[6] https://quote.rbc.ru/news/article/638dcbb79a7947cf9ee0a7f0?ysclid=lbdmiwq71g477837584; Потолок цен и эмбарго на нефть из России вступают в силу: кто в выигрыше. https://www.forbes.ru/biznes/482074-potolok-cen-i-embargo-na-neft-iz-rossii-vstupaut-v-silu-kto-v-vyigryse

котором выступает Китай, замедление экономики которого привело к снижению цен на металлы в 2022 г.

Вне зависимости от ценовой конъюнктуры физическое снижение поставок в силу ограниченности инфраструктурных возможностей для их географической переориентации оказали серьезное негативное воздействие на российских экспортеров. С существенными трудностями столкнулись металлургическая отрасль и деревообработка, в особенности производители специфической продукции, ориентированной на рынки недружественных стран. Даже при наличии «ловушки большой страны» отсутствие физических возможностей переориентации поставок на альтернативные рынки сбыта или радикальный рост транспортных расходов не позволил значительной части российских экспортеров в полной мере воспользоваться преимуществами роста мировых цен. Так, например, имеющаяся инфраструктура не позволяет перенаправить на азиатские рынки колоссальные объемы природного газа, ранее поставлявшегося трубопроводным транспортом в Европу.

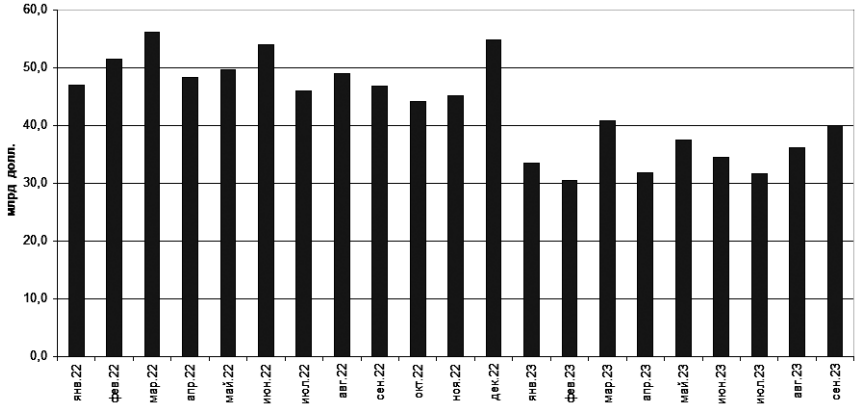
В этих условиях в конце 2022 г. ожидалось существенное ухудшение показателей внешней торговли России в 2023 г. Так, по прогнозам Банка России от 28 октября 2022 г., экспорт России в 2023 г. должен был сократиться от –7,5 до –11,5% в годичном выражении, а изменение импорта прогнозировалось в диапазоне от –3,5 до +0,5%[7].

Тем не менее, ключевым оставался вопрос о том, сохранит ли свое действие фактор «ловушки большой страны» и сможет ли Россия эффективно противостоять санкциям, оказывающим давление на ее внешнюю торговлю.

После принятия восьмого пакета санкций ЕС экспорт России в начале 2023 г. действительно демонстрировал тенденцию к снижению (см. рис. 1). Помимо «ценового потолка», негативное влияние на динамику отечественного экспорта оказывало ухудшение ценовой конъюнктуры на мировом рынке энергоносителей. Неблагоприятное воздействие на уровень цен на мировом рынке нефти в 2023 г., особенно во втором квартале, оказывало более слабое, чем ожидалось, восстановление потребления нефти в Китае, а также опасения по поводу возможной рецессии из-за проблем в банковской сфере и ужесточения монетарной политики во многих крупных экономиках [3].

В сложившихся условиях важнейшей задачей экономической политики России в 2023 г. стало поддержание благоприятной конъюнктуры на мировом рынке нефти и противодействие выполнению условий «ценового потолка» при экспорте российских углеводородов.

[7] Среднесрочный прогноз Банка России по итогам заседания Совета директоров по ключевой ставке 28 октября 2022 г https://cbr.ru/collection/collection/file/43430/forecast_221028.pdf

Источник: построено автором по: данные Банка России https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fcbr.ru%2Fvfs%2Fstatistics%2Fcredit_statistics%2Ftrade%2Ftrade.xls&wdOrigin=BROWSELINK

Рис. 1. Динамика экспорта России в январе 2022 г.– сентябре 2023 г. (*млрд долл.*).

На решение этой задачи был направлен Указ Президента России от 27 декабря 2022 г. № 961 «О применении специальных экономических мер в топливно-энергетической сфере в связи с установлением некоторыми иностранными государствами предельной цены на российские нефть и нефтепродукты»[8] и связанные с его реализацией меры Правительства России, а также мероприятия по сокращению добычи нефти.

В целях реализации Указа Президента были приняты Постановление Правительства Российской Федерации от 28 января 2023 г. № 118 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 27 декабря 2022 г. № 961»[9] и Приказ Министерства энергетики Российской Федерации от 22.02.2023 г. № 95 «Об утверждении Порядка мониторинга цен на российскую нефть, поставляемую на экспорт» (Зарегистрирован 01.03.2023 г. № 72481)[10].

---

[8] Указ Президента Российской Федерации от 27 декабря 2022 г. № 961 «О применении специальных экономических мер в топливно-энергетической сфере в связи с установлением некоторыми иностранными государствами предельной цены на российские нефть и нефтепродукты». http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212270015?ysclid=lpgs1tacc6539910720.

[9] Постановление Правительства Российской Федерации от 28 января 2023 г. №118 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 27 декабря 2022 г. № 961» http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301300036?ysclid=lpccoho9l1185696598

[10] Приказ Министерства энергетики Российской Федерации от 22.02.2023 № 95 «Об утверждении Порядка мониторинга цен на российскую нефть, поставляемую на экспорт» (Зарегистрирован 01.03.2023 № 72481). http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303010025?ysclid=lpb7u0vcgy516563746&index=1

Постановление Правительства Российской Федерации от 28 января 2023 г. № 118 определяет, в частности, что юридические и физические лица, заключившие контракты на поставку товаров по утвержденному в Постановлении перечню (нефть сырая и нефтепродукты сырые, полученные из битуминозных пород, прочие), обязаны не допускать наличия в контрактах положений о применении механизма фиксации предельной цены и обеспечить мониторинг неприменения данного механизма до конечного пользователя, а в случае выявления в ходе мониторинга информации о применении механизма фиксации предельной цены направлять эту информацию в Министерство энергетики и принимать меры по устранению такого нарушения; в случае выявления таможенными органами при таможенном декларировании товаров случаев использования механизма фиксации предельной цены принимаются меры по запрету вывоза товаров по таким контрактам; Министерство энергетики Российской Федерации подготавливает отчет о результатах мониторинга цен на российскую нефть, поставляемую на экспорт[11].

Порядок данного мониторинга определен Приказом Министерства энергетики Российской Федерации от 22.02.2023 г. № 95 «Об утверждении Порядка мониторинга цен на российскую нефть, поставляемую на экспорт». Так, для сопоставления цен на российскую нефть и другие марки нефти используются индикативные цены на нефть марки «Юралс» и марки «Восточная Сибирь – Тихий Океан ВСТО (ESPO)» (на условиях поставки «погрузка на судно (FOB)» для каждого порта), рассчитываемые в соответствии с утвержденной в Приказе формулой[12].

Фактически индикативная цена за месяц представляет собой разницу между среднемесячной ценой на нефть марки Брент по данным международного ценового агентства «Аргус Медиа Лимитед» и индикативным дисконтом цен на нефть российских марок за месяц, который равен сумме среднемесячных затрат на транспортировку российской нефти на экспорт и рыночной скидки покупателям российской нефти за месяц. При этом рыночная скидка определяется как разница между средним арифметическим среднемесячных значений цен на нефть различных марок из Саудовской Аравии, Ирака,

[11] Постановление Правительства Российской Федерации от 28 января 2023 г. №118 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 27 декабря 2022 г. № 961». http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301300036?ysclid=lpccoho9l1185696598.

[12] Приказ Министерства энергетики Российской Федерации от 22.02.2023 № 95 «Об утверждении Порядка мониторинга цен на российскую нефть, поставляемую на экспорт» (Зарегистрирован 01.03.2023 № 72481). http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303010025?ysclid=lpb7u0vcgy516563746&index=1

Ирана, ОАЭ, Омана, Венесуэлы и среднемесячной ценой на нефть марки Брент или нефть марки Dubai (в зависимости от марки российской нефти). Среднемесячные затраты на транспортировку при этом определяются как сумма средней стоимости фрахта и средней стоимости страхования[13].

Другим направлением борьбы за поддержание благоприятной конъюнктуры на мировом рынке нефти в 2023 г. выступали мероприятия по сокращению добычи. В феврале вице-премьер России А. Новак сообщил, что Россия в марте добровольно сократит объемы добычи нефти на 500 тыс. баррелей в сутки от среднего уровня добычи в феврале 2023 г.[14], а в апреле действие данного ограничения было продлено до конца года[15].

Аналогичное решение о сокращении добычи было принято в апреле странами ОПЕК+, в частности, Саудовской Аравией (на 500 тыс. баррелей в сутки от объема своей квоты с мая и до конца 2023 г.), ОАЭ (на 144 тыс. барр. в сутки), Ираком (на 211 тыс. барр. в сутки), Кувейтом (на 128 тыс. барр. в сутки), Алжиром и Оманом (на 48 тыс. и 40 тыс. барр. в сутки соответственно), а также Казахстаном (на 78 тыс. барр. в сутки) и Габоном (на 8 тыс. барр. в сутки)[16]. Таким образом, суммарные объемы сокращения добычи нефти странами ОПЕК+ должны были составить 1,66 млн баррелей в день[17].

В июне 2023 г. агентство новостей Саудовской Аравии SPA сообщило, что Саудовская Аравия, помимо уже принятых обязательств по снижению добычи на 500 000 барр./сутки, в июле сократит добычу дополнительно на 1 млн барр., и, соответственно, общее снижение добычи составит 1,5 млн барр./сутки, а в июле данное ограничение было продлено и на август. Также в июле 2023 г. А. Новак заявил, что Россия в августе сократит добычу еще на 500 тыс. баррелей в сутки (в дополнение к ранее принятым обязательствам)[18]. В сентябре Россия и Саудовская Аравия продолжали реализацию согласованной политики по снижению объемов добычи: Саудовская Аравия продлила решение о дополнительном сокращении добычи на 1 млн барр./сутки до конца года, а Россия скорректировала дополнительное сокращение добычи с 500 тыс. барр./сутки в августе до 300 тыс. барр./сутки с сен-

[13] Там же.

[14] https://www.rbc.ru/economics/10/02/2023/63e5ff849a794782cff4ca73

[15] https://www.rbc.ru/business/27/04/2023/644a36c09a7947ec5a0f3a24?ysclid=lpcm6cb1id198653053

[16] https://www.opec.org/opec_web/en/press_room/7120.htm.

[17] Там же.

[18] https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/07/04/983570-rossiya-v-avguste-sokratit-dobichu-i-eksport-nefti?ysclid=lpckcd0iyx672890527

тября и до конца года[19]. Таким образом, к октябрю общее снижение добычи странами ОПЕК+, по расчетам, должно было достичь почти 3 млн баррелей в день.

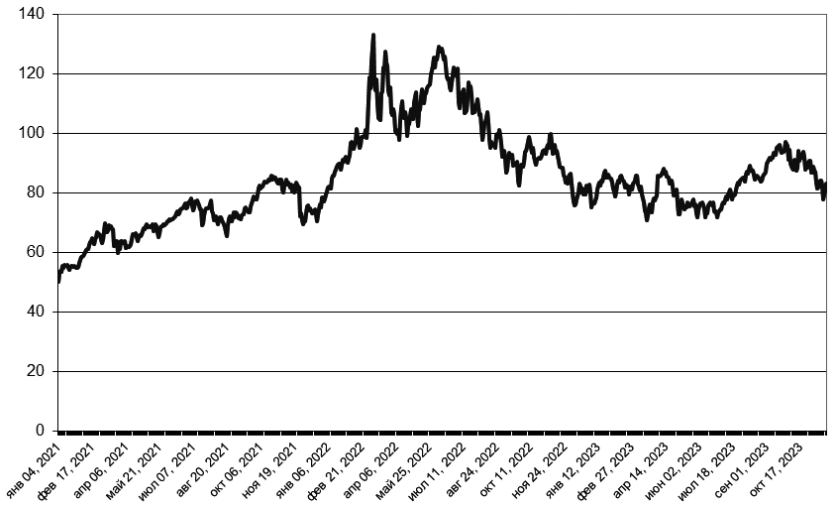
Тем не менее, реальное снижение добычи в сравнении с показателями 2022 г. оценивается экспертами более скромно. Так, в Ежемесячном отчете ОПЕК о рынке нефти за ноябрь 2023 г. отмечается, что в сентябре 2023 г. производство Россией жидких углеводородов достигло в среднем 10,8 млн баррелей в сутки (из которых 9,5 млн баррелей приходилось на сырую нефть), а в целом в 2023 г., по прогнозу, объем добычи жидких углеводородов Россией составит в среднем 10,6 млн барр./сутки (с учетом всех объявленных корректировок в производстве), что приблизительно на 400 тыс. барр./сутки меньше аналогичного среднего показателя для 2022 г. (11,03 млн барр./сутки) [4, с. 47]. Таким образом, несмотря за заявленное сокращение добычи на 0,5–1 млн барр./сутки от уровня февраля 2023 г. в различные периоды года, на практике в годичном выражении снижение производства составит, по прогнозу ОПЕК, около 400 тыс. баррелей в сутки (порядка 3,6%), а в сравнении с показателями 2021 г. – около 200 тыс.

Международное энергетическое агентство (МЭА) также оценивает динамику добычи нефти в России в 2023 г. достаточно оптимистично, ожидая сокращение общего объема поставок российской нефти всего на 290 тыс. баррелей в сутки до уровня 10,8 млн барр./сутки [8, с. 59]. Эксперты МЭА отмечают, что из-за событий на Украине «история роста России застопорилась», однако отечественный экспорт сырой нефти и нефтепродуктов был перенаправлен на новые рынки, а в Западной Сибири наращивается бурение [5, с. 58–59].

Вне зависимости от своих реальных масштабов, решение о сокращении добычи, принятое странами ОПЕК+, оценивается экспертами Всемирного Банка [6, с. 24] и МВФ [3, с. 34] как ключевой фактор повышения уровня цен на нефть с лета 2023 г. (см. рис. 2), поскольку данное сокращение было лишь частично компенсировано ростом добычи нефти в других странах (преимущественно в США, где добыча, как предполагается, в 2023 г. возрастет на 1,1 млн баррелей в сутки) [3, с. 34].

Рост цены на нефть марки Брент до уровня выше 80 долл. за баррель во втором полугодии 2023 г. способствовал повышению возможностей по сбыту отечественной нефти, что в совокупности с мерами, направленными на обеспечение транспортировки и страхования поставок, привело к снижению дисконта на российскую нефть. По некоторым оценкам, скидка на российскую нефть от цены нефти марки Брент в начале 2023 г. (после введения восьмого пакета санкций ЕС) достигала 28 долл. за баррель, к марту–апрелю сократилась до 25 долл.

[19] https://www.kommersant.ru/doc/6198313?ysclid=lpco9d2o9x434899422

Источник: построено автором по: данные Энергетического агентства США http://www.eia.gov/dnav/pet/hist/LeafHandler.ashx?n=PET&s=RBRTE&f=D

Рис. 2. Динамика цен на нефть марки Брент в 2021–2023 гг.

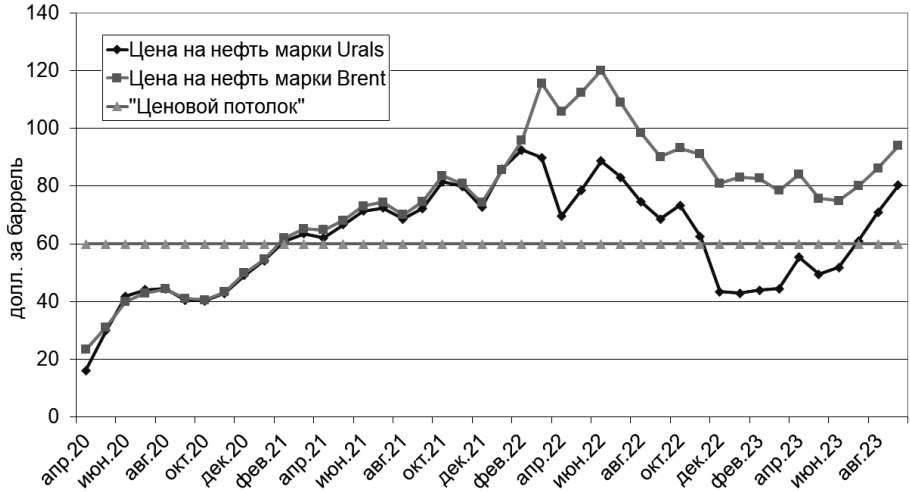
за баррель[20], а в сентябре 2023 г., по данным Аргус, дисконт российской марки Urals к нефти марки Брент в Роттердаме (cif Роттердам) сократился до 11,38 долл. за баррель, в порту Аугуста (cif Аугуста) – до 8,94 долл. за баррель, при этом скидка на Urals при поставке в Индию и Китай составляла всего 3–4 долл. за баррель[21].

По оценке МВФ, несмотря на санкции, в 2023 г. экспортные поставки сырой нефти из России оставались достаточно стабильными и цена на нее была выше установленного западными странами «ценового потолка» (price cap) в 60 долларов, а скидки на российскую нефть по сравнению с ценой на нефть марки Брент сокращались (см. рис. 3) по мере того, как увеличивался размер незападного танкерного флота, перевозящего российские жидкие углеводороды, и Россия создала свое собственное морское страхование [3, с. 34].

Таким образом, можно констатировать, что роль России как одного из трех крупнейших экспортеров сырой нефти обеспечила ей инструменты для стабилизации цен на мировом нефтяном рынке, что в значительной степени снизило негативное влияние как новой модификации санкций недружественных стран, использующих механизм «ценового потолка», так и других факторов ухудшения ценовой конъюнктуры.

[20] https://www.forbes.ru/finansy/487942-indikator-uspeha-sankcij-cto-oznacaet-diskont-rossijskoj-nefti-urals-k-brent?ysclid=lpfhvya44m698788780

[21] https://www.rbc.ru/newspaper/2023/09/26/6511404e9a79473bd084da9c?ysclid=lpfhuls66m472518129

Источник: построено автором по: данные Всемирного Банка [9].

Рис. 3. Динамика цен на нефть марки Brent и российскую нефть марки Urals в 2020–2023 гг.

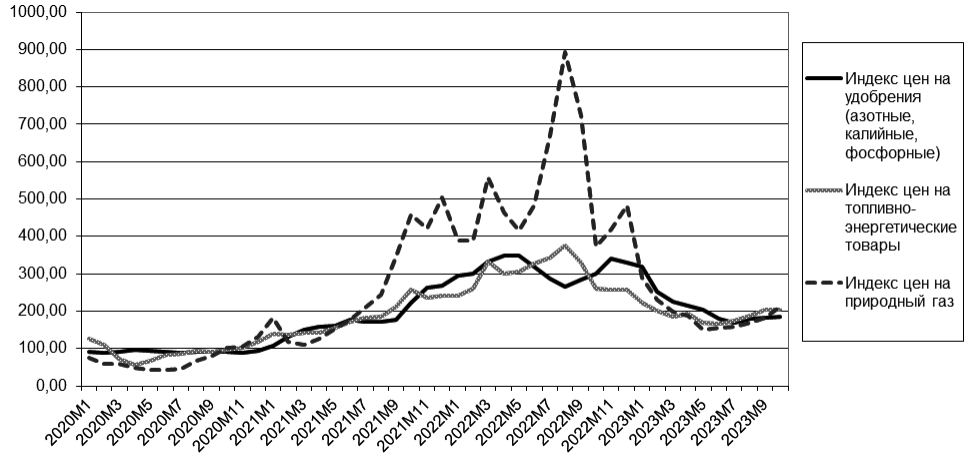
В то же время в 2023 г. по сравнению с 2022 г. ухудшение ценовой конъюнктуры наблюдалось и на других товарных рынках, имеющих ключевое значение для российского экспорта (см. рис. 4 А, Б). Следует, однако, отметить, что на большинстве рынков после падения ажиотажа, связанного с ростом геополитической напряженности, цены вернулись в диапазон, характерный для 2021 г.

В этих условиях стоимостные объемы экспорта России по итогам 2023 г. покажут неизбежное падение по сравнению с 2022 г., вернувшись к значениям, близким к показателям 2021 г.

По итогам января–сентября 2023 г. экспорт России достиг 316,3 млрд долл., что на 29,5% меньше значения за аналогичный период 2022 г. и на 7% уступает объему экспорта за III квартал 2021 г.[22] Тем не менее, с учетом улучшения ценовой динамики на основные статьи отечественного экспорта в последние месяцы, можно ожидать, что по итогам года стоимостные объемы российских поставок за рубеж приблизятся к значению 2021 г.

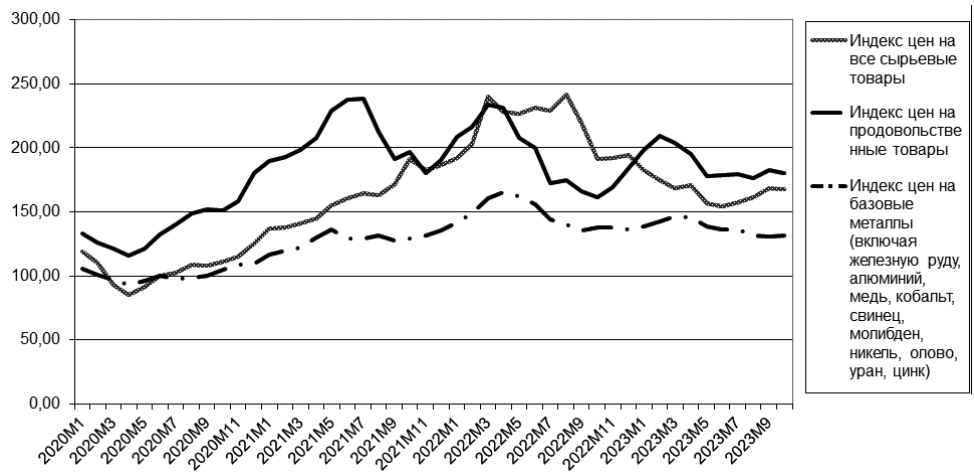
Продолжается процесс переориентации российского экспорта на азиатские рынки сбыта (см. рис. 5). На фоне обвального сокращения вывоза в ЕС в январе–сентябре 2023 г. импорт Китая из России достиг 95 млрд долл., увеличившись в годичном исчислении на 11,3% или 11,15 млрд долл.; импорт Индии – 45,9 млрд долл. (рост в 2,1 раза);

[22] Данные Банка России https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fcbr.ru%2Fvfs%2Fstatistics%2Fcredit_statistics%2Ftrade%2Ftrade.xls&wdOrigin=BROWSELINK.

Источник: построено автором по: данные МВФ. https://www.imf.org/en/Research/commodity-prices

Рис. 4А. Индексы цен на топливно-энергетические товары, на природный газ и на удобрения в 2020–2023 гг. (2016=100)

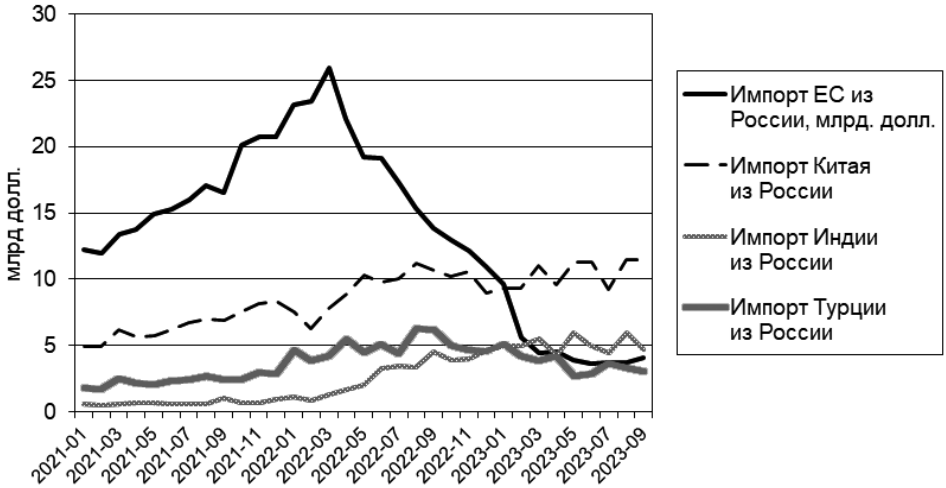

Источник: построено автором по: данные МВФ. https://www.imf.org/en/Research/commodity-prices

Рис. 4Б. Индексы цен на все сырьевые товары, на продовольственные товары и на базовые металлы в 2020–2023 гг. (2016=100)

импорт Турции – 34,7 млрд долл. (Россия занимает 1-е место среди стран-поставщиков на турецкий рынок)[23].

[23] Данные Главного таможенного управления КНР. http://english.customs.gov.cn/statics/report/monthly.html; Министерства торговли и промышленности Индии. https://tradestat.commerce.gov.in/meidb/cntq.asp?ie=i; Турецкого статистического института. https://data.tuik.gov.tr/Kategori/GetKategori?p=Foreign-Trade-104.

Источник: построено автором по: данные Eurostat. https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/EXT_ST_EU27_2020SITC__custom_4064677/default/table?lang=en; Банка международных расчетов. https://stats.bis.org/statx/srs/table/i3?m=A); Главного таможенного управления КНР http://english.customs.gov.cn/statics/report/monthly.html; Министерства торговли и промышленности Индии. https://tradestat.commerce.gov.in/meidb/cntq.asp?ie=i; Турецкого статистического института. https://data.tuik.gov.tr/Kategori/GetKategori?p=Foreign-Trade-104

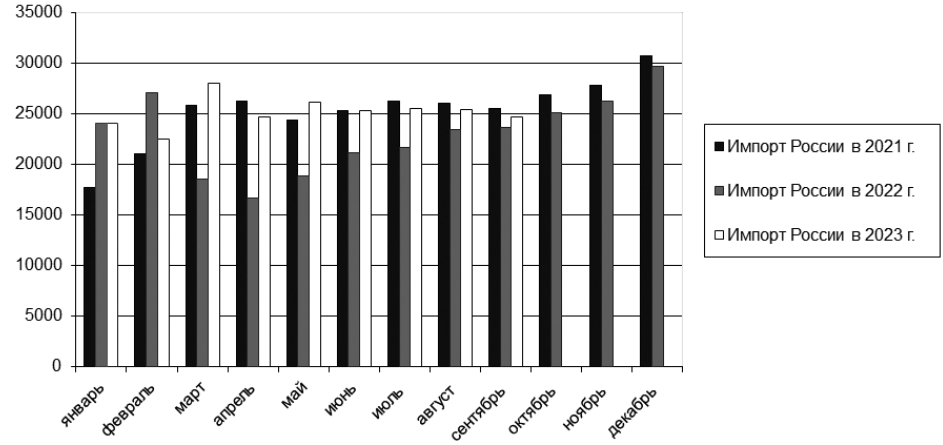
Рис. 5. Динамика импорта из России в ЕС, Китай и Индию в 2021–2023 гг., млрд долл. (по данным национальных статистических служб)

Динамика импорта России в 2023 г. была противоположна динамике экспорта: после существенного сокращения в 2022 г. поставки в Россию демонстрировали значимые темпы роста (см. рис. 6). По итогам января–сентября 2023 г. стоимостные объемы импорта составили 226,6 млрд долл. и превысили соответствующий показатель за аналогичный период предыдущего года на 16%, а за III квартала 2021 г. – на 3,7%[24]. При этом товарооборот России за 9 месяцев 2023 г. составил 542,9 млрд долл. и уступает товарообороту за аналогичный период 2021 г. всего на 2,9%.

Восстановление объемов ввоза было обеспечено активной географической переориентацией поставок – замещением товаров из недружественных стран продукцией из Азии и ростом «параллельного импорта». В частности, экспорт Китая в Россию, по данным Главного таможенного управления КНР, в январе–сентябре 2023 г. достиг 81,4 млрд долл., увеличившись в годичном исчислении на 56%[25].

[24] Данные Банка России. https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fcbr.ru%2Fvfs%2Fstatistics%2Fcredit_statistics%2Ftrade%2Ftrade.xls&wdOrigin=BROWSELINK).

[25] Данные Главного таможенного управления КНР. http://english.customs.gov.cn/statics/report/monthly.htm.

Источник: построено автором по: данные Банка России. https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fcbr.ru%2Fvfs%2Fstatistics%2Fcredit_statistics%2Ftrade%2Ftrade.xls&wdOrigin=BROWSELINK

Рис. 6. Динамика импорта России в январе 2022– сентябре 2023 г. (*млрд долл.*)

Восстановительный рост импорта практически до уровня 2021 г. на фоне снижения объема экспортных поступлений (особенно в первой половине года), однако привел к ухудшению ситуации с платежным балансом: если в 2022 г. Россия столкнулась с рекордным ростом положительного сальдо счета текущих операций платежного баланса, то по итогам 9 месяцев 2022 г. оно составило всего 53,8 *млрд долл.* США[26].

Масштабное сокращение сальдо счета текущих операций оказало давление на курс рубля (см. табл. 2), обусловив его значимое ослабление, особенно в III квартале, приостановить которое удалось только путем неоднократного повышения ключевой ставки и введения требования обязательной продажи валютной выручки для экспортеров[27].

В целом анализ динамики экспорта и импорта России в 2023 г. показывает высокий уровень адаптивности отечественной внешней торговли к современным реалиям и ее относительную резистентность к санкционному давлению. «Ловушка большой страны» продолжает облегчать противодействие негативному воздействию санкций, однако ее влияние сокращается. По оценке, стоимостные объемы экспорта и импорта России по итогам 2023 г. достигнут уровней, близких к показателям 2021 г., т. е. вернутся в «досанкционный» диапазон.

[26] Платежный баланс Российской Федерации (аналитическое представление). https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/

[27] https://www.rbc.ru/economics/19/10/2023/653167b29a7947e7fee46d3b?ysclid=lpg9m2ay5o746128956

Таблица 2

Динамика среднего номинального курса доллара США и евро к рублю в 2023 г.

	январь	февраль	март	I кв.	апрель	май	июнь	II кв.	июль	август	сентябрь	III кв.	октябрь
Средний номинальный курс доллара США к рублю	69,23	73,00	76,08	72,72	80,88	78,94	83,15	80,97	90,42	95,26	96,65	94,07	97,01
Средний номинальный курс евро к рублю	74,79	76,54	78,10	78,10	80,62	81,66	83,01	83,01	85,23	87,37	89,03	89,03	90,29

Источник: Основные производные показатели динамики обменного курса рубля в январе–октябре 2023 г. https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/

Тем не менее, относительно позитивные результаты второго года противостояния санкционному давлению на внешнюю торговлю России не должны внушать неоправданного оптимизма. Даже незначительное сокращение физических объемов поставок российской продукции на экспорт способствует активизации наращивания производства со стороны других поставщиков, в силу чего возникает риск снижения роли России как «большой страны» на ключевых мировых товарных рынках и, следовательно, ее возможностей влиять на глобальную ценовую конъюнктуру.

В этих реалиях максимальное использование преимуществ, обусловленных действием «ловушки большой страны», возможно только при условии проведения активной государственной политики, направленной на расширение рынков сбыта отечественных товаров и логистических возможностей экспортеров, которое предполагает развитие необходимой материальной и финансовой инфраструктуры.

Особую значимость приобретает строительство необходимой транспортной инфраструктуры, позволяющей переориентировать экспортные поставки ряда товаров с западного на восточное направление. Так, с учетом отсутствия необходимой инфраструктуры в настоящее время невозможна переориентация экспортных поставок природного газа с европейского на азиатское направление, что актуализирует задачу строительства газопроводов большой пропускной способности в азиатском направлении и/или инфраструктуры для сжижения газа.

Расширение торгово-экономического взаимодействия с дружественными азиатскими партнерами требует расширения существующих транспортно-логистических коридоров. В частности, необходимо развитие портовой инфраструктуры на Дальнем Востоке и Каспии, Северного морского пути, реконструкция и строительство пунктов пропуска на российско-китайской границе, строительство новой трубопроводной инфраструктуры.

Помимо развития инфраструктуры, расширение внешнеэкономического взаимодействия с перспективными партнерами из дружественных государств требует всесторонней государственной поддержки экспортеров, включая дипломатическую, правовую и маркетинговую поддержку продвижения российских товаров на перспективных внешних рынках, а также финансовую поддержку экспортеров за счет льготного кредитования и страхования грузов и пр.

С учетом рисков дальнейшего ужесточения санкционного режима и прекращения импортных поставок ряда критически значимых товаров из недружественных стран, а также возможного сокращения объемов «параллельного импорта» под угрозой вторичных санкций, необходимо форсирование процессов импортзамещения в рамках комплексной стратегии развития отечественной промышленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ушкалова Д.И.* Антироссийские санкции и экспорт России в 2022 г.: риски и перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 6. С. 34–51.
2. *Ушкалова Д.И.* Внешняя торговля России в условиях санкционного давления // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3 (55). С. 218–226. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-14.
3. World Economic Outlook: Navigating Global Divergences. October 2023. IMF, Washington DC, 2023. https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2023/10/10/world-economic-outlook-october-2023?cid=ca-com-compd-pubs_belt
4. OPEC Monthly Oil Market Report, November, 2023. https://momr.opec.org/pdf-download/
5. Oil 2023: Analysis and forecast to 2028. International Energy Agency, 2023. https://iea.blob.core.windows.net/assets/cc7fd38f-3d68-4796-a958-8dfa3f3ef4a6/Oil2023.pdf
6. Commodity Markets Outlook: Under the Shadow of Geopolitical Risks, October 2023. World Bank, Washington, DC. 2023. https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/27189ca2-d947-4ca2-8e3f-a36b3b5bf4ba/content

REFERENCES

1. *Ushkalova D.I.* Anti-Russian sanctions and Russian exports in 2022: risks and prospects // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2022. No. 6. pp. 34–51. (In Russ.).
2. *Ushkalova D.I.* Foreign trade of Russia under sanctions pressure // Journal of the New Economic Association. No. 3 (55). pp. 218–226. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-14. (In Russ.).
3. World Economic Outlook: Navigating Global Divergences. October 2023. IMF, Washington DC, 2023. https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2023/10/10/world-economic-outlook-october-2023?cid=ca-com- compd-pubs_belt
4. OPEC Monthly Oil Market Report, November, 2023. https://momr.opec.org/pdf-download/
5. Oil 2023: Analysis and forecast to 2028. International Energy Agency, 2023. https://iea.blob.core.windows.net/assets/cc7fd38f-3d68-4796-a958-8dfa3f3ef4a6/Oil2023.pdf
6. Commodity Markets Outlook: Under the Shadow of Geopolitical Risks, October 2023. World Bank, Washington, DC. 2023. https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/27189ca2-d947-4ca2-8e3f-a36b3b5bf4ba/content

Дата поступления рукописи: *31.10.2023 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ушкалова Дарья Игоревна – кандидат экономических наук, руководитель Центра исследований международной макроэкономики и внешнеэкономических связей ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-1517-4698
internationalmacro@inecon.ru

ABOUT THE AUTHOR

Darya I. Ushkalova – Cand. Sci. (Econ.), head of the Center for International Macroeconomics and International Economic Relations, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-1517-4698
internationalmacro@inecon.ru

RUSSIA'S FOREIGN TRADE: PRELIMINARY RESULTS OF THE SECOND YEAR OF COUNTERACTION TO SANCTIONS PRESSURE

The article discusses the main trends in the development of Russia's exports and imports in 2023 under an unprecedented sanctions regime. Having analyzed the dynamics of Russian exports in 2023, taking into account government policy measures to counteract the sanctions pressure (in particular, the price cap on Russian hydrocarbons) and the price situation on the world commodity markets, as well as the dynamics of Russian imports, the author concludes that the domestic foreign trade is highly adaptable to modern realities and relatively resistant to sanctions pressure, partly due to the fact that the "big-country trap" factor is still effective. She formulates proposals to improve state policy measures for the sustainable development of Russia's foreign trade.

Keywords: *sanctions against Russia, Russia's exports and imports, world prices, world commodity markets.*

JEL: F51, F13, F14, F42.

Н.М. РОЗАНОВА
доктор экономических наук, профессор,
сотрудник кафедры микро- и макроэкономического анализа
экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ИНДУСТРИЯ 5.0: ЗОЛОТОЙ ВЕК ИЛИ ПРЫЖОК В ТЕМНОТУ?

Технологические новации XXI в. вводят в нашу жизнь Индустрию 5.0 с особыми экономическими свойствами и со своей спецификой межфирменных взаимодействий. В статье представлен научный анализ новых явлений, порождаемых Индустрией 5.0, тенденций, которые будут определять экономическую действительность следующие 15–20 лет. Роботизированная механистическая реальность Индустрии 4.0 постепенно сменяется гуманистическими тенденциями социоцентричной, экологичной и устойчивой системы «человек–машина», в которой человек выполняет роль креативного участника, помощником которого выступает коллаборативный робот-партнер. Цифровая экосистема приходит на смену классической фирме, что порождает и новые возможности для развития экономики, и новые риски с точки зрения цифровой монополизации виртуальных отраслей. Оптимальный баланс прибыльности и устойчивости требует активного вмешательства государства, основой которого является глубокое понимание характеристик Индустрии 5.0.

Ключевые слова: *отраслевая экономика, Индустрия 5.0, инновации, цифровая экономика, фирма, цифровые экосистемы.*

УДК: 330.342.24

EDN: JXQKBZ

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_61_77

В 2011 г. на компьютерной выставке в Ганновере (Германия) была выдвинута инициатива «Индустрия 4.0», получившая впоследствии широкое международное распространение благодаря книге Клауса Шваба [1]. Переход на полностью автоматизированное цифровое производство на базе кибер-физических систем, замещение работника роботами и интеллектуальными системами, выходящими за границы предприятия, казалось, должны были обеспечить через «Индустрию 4.0» полное благополучие человечества. Но прошло всего шесть лет и в Ганновере в 2017 г. появилась концепция «Индустрия 5.0».

Почему так произошло? Какие новые тенденции в технике и экономике выражает «Индустрия 5.0»? Каковы несомненные достоинства нового тренда и с какими рисками мы столкнемся, стремясь в очередной раз найти золотой век? В статье обобщаются те тенденции, которые проявились в последние несколько лет в индустриальном мире глобальной экономики, показываются как положительные свойства, так и угрозы, которые влечет за собой новая цифровая реальность.

Индустрия 5.0: новая реальность цифровой экономики

Бездумная и безумная повсеместная автоматизация выявила ключевые проблемы Индустрии 4.0: вытеснение человека из экономической жизни; угроза окружающей среде, нашей планете в целом; отсутствие баланса между различными аспектами экономики (нерациональное производство и потребление, резкая социальная дифференциация, высокая социальная нестабильность, потеря границы между работой и повседневной жизнью) [2].

В 2016 г. Кейданрен, важнейшая бизнес-федерация Японии, распространила концепцию «Общество 5.0», основой которого является человеко-ориентированная экономика. В 2020–2023 гг. в рамках Европейской Комиссии были разработаны документы, анализирующие технологические и организационные тенденции, направленные на улучшение экономической ситуации в Европе и повышение производительности труда европейских компаний, объединенные общим концептуальным подходом «Индустрия 5.0»[1]. В 2023 г. была даже анонсирована специальная награда *Industry 5.0* для финансируемых ЕС проектов, отвечающих требованиям новой концепции.

К развитию трендов «Индустрии 5.0» подошли и некоторые частные ИТ компании. Так, компания *SAP* формирует свои ИТ продукты на основе тренда перехода от Индустрии 4.0 (преобладания кибер-

[1] *Muller J.* Enabling Technologies for Industry 5.0 Luxembourg. Publications Office of the European Union. 2020 г.; *Breque M., De Nul L., Petridis A.* Industry 5.0 – Towards a Sustainable, Human-Centric and Resilient European Industry. January 2021. European Commission. Directorate-General for Research and Innovation. https://research-and-innovation.ec.europa.eu/knowledge-publications-tools-and-data/publications/all-publications/industry-50-towards-sustainable-human-centric-and-resilient-european-industry_en; Industry 5.0, a Transformative Vision for Europe. December 2021. European Commission. Directorate-General for Research and Innovation; Industry 5.0 Roundtable. European Commission. Meeting Report. Brussels. April 27. 2022. https://research-and-innovation.ec.europa.eu/research-area/industrial-research-and-innovation/industry-50_en#what-is-industry-50 (дата обращения: 12.10.2023).

физических систем) к Индустрии 5.0 (персонализированная гуманистическая автоматизация)[2].

Высшее руководство РФ также ощущает дуновение новой ситуации. Как заявил Председатель Правительства РФ М. Мишустин во время выступления на просветительском марафоне «Новое знание» (2021 г.), пятая промышленная революция может случиться в ближайшие 10–20 лет, поэтому Россия для закрепления лидерства должна применять новые технологии, Россия должна использовать «уникальную возможность» технологического перехода для удержания лидирующих позиций[3].

Фундаментальные свойства Индустрии 5.0 концептуализировал генеральный директор ЕС по исследованиям и инновациям Дж. Мюллер в своем докладе[4]: «Видение инновационной, гибкой, социоцентричной и конкурентной отрасли, которая уважает планетарные границы и минимизирует негативные воздействия на окружающую среду, получило название «Индустрия 5.0». Эта концепция открывает новые тренды, связанные с технологией, экономикой, государственным регулированием и корпоративным управлением».

Человеко-центричность, экологическая устойчивость и антихрупкость (гибкость в сочетании с высокой адаптивностью к изменениям) – таковы ключевые черты Индустрии 5.0.

Технологическая база Индустрии 5.0 на уровне производственной единицы предусматривает плавный переход от системы планирования ресурсов *ERP*[5], доминировавший в конце XX в., к интегрированным операционным системам предприятия по типу *IEM* (*Intelligent Enterprise Managing*[6]). Типичная проблема предприятия 4.0 – ограни-

---

[2] Что такое «industry cloud»? В рамках стратегии industry cloud компания SAP предлагает специализированные отраслевые решения, помогающие оптимизировать, расширять и трансформировать основные бизнес-процессы компании. https://www.sap.com/central-asia-caucasus/insights/industry-5-0.html (дата обращения: 28.10.2023).

[3] Мишустин не исключил пятой промышленной революции в ближайшие 10-20 лет. 2 сентября 2021. https://tass.ru/ekonomika/12281923 (дата обращения: 12.10.2023).

[4] Концепция Индустрии 5.0 обсуждалась участниками из научно-исследовательских и технологических организаций, а также финансирующих организаций по всей Европе на двух виртуальных семинарах 2 и 9 июля 2020 г. ЕС.

[5] Система планирования ресурсов предприятия (ERP) – программное обеспечение, помогающее предприятиям автоматизировать основные бизнес-процессы и управлять ими для достижения оптимальной производительности. ERP-система координирует поток данных между корпоративными бизнес-процессами, предоставляет единый источник достоверных данных и оптимизирует бизнес-процессы по всему предприятию.

[6] *Intelligent Enterprise Managing* – это так называемое интеллектуальное управление предприятием, подход к управлению, который применяет технологии и новые парадигмы обслуживания для решения задач повышения эффективности бизнеса.

чения предельной производительности ресурсов при увеличении масштабов выпуска. Парадигма *IEM* развивает такую технологию для структурирования производственных и сбытовых процессов организации, которая преодолевает проблемы масштабирования, позволяя не снижать эффективность при наращивании объемов производства[7]. Грамотная виртуализация в рамках *IEM* позволяет внедрить экосистемность, мобильность и социальность непосредственно в операционные механизмы компании, трансформируя отдельные предприятия цепочки создания ценности в универсальную цифровую экосистему (ЦЭС). На это указывают А. Галушенко и А. Олефиренко в своих работах о парадигме интегрированной системы управления предприятием как универсальной (независимой от организации) операционной системы предприятия от реальной цифровой трансформации реальной экономики к экономической сингулярности [3; 4].

Интегрированные операционные системы нового поколения независимы от производителей конкретного программного обеспечения и могут производить автономное исполнение бизнес-процессов с минимальным участием персонала на основе самообслуживания пользователей. Мультифункциональные *IEM*-платформы позволяют моделировать эволюцию организации в среде конкурентного рынка и предлагают системное решение задачи оптимальной конфигурации компании.

При этом ценность человеческого интеллекта возрастает. Если в Индустрии 4.0 человек, по сути, функционирует как физический придаток технического устройства (роботов), то в Индустрии 5.0 появляются новые девайсы – коботы (совместные коллаборативные роботы), а человек действует как расширенный оператор[8]. Расширенный оператор – рабочее место, которое помогает адаптировать производственные процессы к потребностям работников, причем коботы здесь поддерживают, помогают и расширяют возможности человека, давая рекомендации по выполнению ключевых задач и обеспечению безопасности. Работники в большей степени вовлекаются в промыш-

Это концепция утверждает, что интеллект является основным ресурсом в производстве и предоставлении услуг.

[7] Детальный анализ технических и организационных преимуществ платформы IEM представлен в материалах сайта IEM Community Russia & CIS, в частности: статьи «IEM Парадигма»: https://iemcommunity.ru/iem-paradigm/; «IEM Предприятие», https://iemcommunity.ru/iem-enterprise/iem-enterprise; «IEM Система»: https://iemcommunity.ru/iem-system/iem-system и др. (дата обращения: 28.10.2023).

[8] Принципы разработки и функционирования расширенного оператора с технологическими примерами, включая наглядные фотоматериалы, представлены в докладе ИТ компании SAP: https://www.sap.com/central-asia-caucasus/insights/industry-5-0.html (дата обращения: 25.10.2023).

ленную среду, получают более значимое влияние на производственные процессы, но и большую ответственность как контролеры виртуальных средств. Человек опять находится в центре производственного процесса, но его активность дополняется интеллектуальными системами и виртуальными помощниками, что позволяет нивелировать грань между разными типами промышленных рабочих, обеспечив высокую степень заменяемости людей между собой, а не людей машинами[9].

Коботы дополняют и расширяют производственные возможности индивида с помощью инновационных технологических средств, но не подменяют и не заменяют человеческий фактор механическим девайсом. Востребованными оказываются интеллектуальные персональные возможности труда. Ю.А. Аренс, Н.А. Каткова, Е.А. Халимон, И.С. Брикошина подчеркивают особенности Индустрии 5.0 как сферы сотрудничества между людьми и интеллектуальными системами. «При этом речь идет о роботах, помогающих людям работать лучше быстрее, используя передовые технологии: интернет вещей, большие данные и технологии виртуальной реальности. Люди и системы будут действовать как партнеры, а не как конкуренты» [5, с. 15]. Австралийский исследователь С. Нахаванди делает акцент на том, что система «работник – кобот» является человекоцентричной и гуманистичной в отличие от технологий Индустрии 4.0 [6].

Совместные роботы функционируют в качестве «умного» помощника человека, быстро и гибко реагируя на человеческие инструкции и действия. Тем самым достигается синергетический эффект на основе объединения сильных сторон человека (креативности) и преимуществ механических устройств (быстродействие)[10].

Коботы дополняются экзоскелетами – новыми особыми технологическими устройствами, помогающими вовлечь в экономическую активность людей со скромными физическими и ментальными способностями, а также работников в отдаленных районах базирования.

Технологические усовершенствования в индустрии 5.0 способствуют формированию персонализированной человеколюбивой автоматизации, свидетельством повышения значимости которой служит возникновение новой должности во многих крупных компаниях – цифровых экосистемах, должность *Chief Robotics Officer* (*CRO*) – дирек-

[9] Индустрия 5.0: виртуальная фабрика, цифровые двойники и промышленная метавселенная. Бизнес-журнал. 2023. Март. https://b-mag.ru/industrija-5-0-virtualnaja-fabrika-cifrovye-dvojniki-i-promyshlennaja-metavselennaja/ (дата обращения: 28.10.2023).

[10] Industry 5.0: Adding the Human Edge to Industry 4.0 Индустрия 5.0: добавление человеческого потенциала в Индустрию 4.0. Аналитика SAP. SAP insights. https://www.sap.com/central-asia-caucasus/insights/industry-5-0.html (дата обращения: 28.10.2023).

тор по робототехнике, обеспечивающий синергию между людьми и машинами.

Претерпевает значительные изменения и интеллектуальная «база» промышленности – искусственный интеллект. Искусственный интеллект Индустрии 5.0 базируется на принципе роевого интеллекта. Роевой интеллект (*swarm intelligence*) характеризует коллективное поведение элементов (частиц) децентрализованной самоорганизующейся сложной системы. Множество агентов (в ИТ их называют боиды[11]) локально взаимодействуют между собой и с окружающей средой. Аналог машинного роевого интеллекта находится в биологической системе разумного группового поведения (муравьев, пчел, волков). Роевой интеллект базируется на нескольких важных принципах, в том числе: гибкость в принятии коллективного решения; самоорганизация; независимость от качества управления; масштабируемость; мультизадачность[12] [8].

Искусственный интеллект в Индустрии 5.0 выступает в качестве помощника человека, не заменяя естественный интеллект. Человек действует как креативный директор программ ИИ, что обеспечивает

---

[11] *boids* (*birds id* – птичьи объекты) – так в 1986 г. американский К. Рейнольдс назвал свою программу, имитирующую несинхронизированные взаимодействия птиц в стае [7].

[12] Специалисты так характеризуют качества роевого интеллекта: « К преимуществам РИ можно отнести сразу несколько аспектов: 1) надежность выполнения проектов. Проекты, над которыми работает колония, не зависят от эффективности участия каждого конкретного агента. Более того, даже если некоторые особи делают что-то неправильно или вообще гибнут, это никак не отражается на конечном результате; 2) гибкость в принятии решений. Группа агентов, объединенная в рамках РИ, способна чрезвычайно быстро реагировать как на внешние угрозы, так и на внутренние проблемы в колонии; 3) самоорганизация – это одно из самых интересных свойств в системах РИ. Отсутствие центра контроля и командования позволяет колонии принимать быстрые, верные и беспрецедентно гибкие решения и быть полностью независимой от качества управления; 4) масштабируемость. Управление небольшой группой людей требует определенных усилий, а руководство большой организацией – громадных усилий. Чем больше народа задействовано в организации, тем ниже неэффективность всего этого объединения. Колония боидов, действующая по принципам РИ, эффективна всегда. Она может быть образована как несколькими агентами, так и десятками – сотнями тысяч. Рой любого масштаба не требует никакого руководства и максимально рационально сам решает все поставленные перед ним задачи; 5) предсказательная способность. Рой умеет «предсказывать» действия раздражителя. Поскольку все решения принимаются в колонии децентрализованно, они могут опережать поведение среды или раздражителя. Возможны случаи, когда рой начинает правильно реагировать на некое событие из будущего до того, как это событие начинает происходить; 6) мультизадачность. Самоорганизация роя и независимость действий агентов делают возможным выполнение нескольких задач сразу. (*Лагутенков А.* Роевой интеллект, или Не только человек обладает сознанием. // БИТ. Бизнес & Информационные технологии. 2018. № 3 (76). https://bit.samag.ru/archive/article/1983 (дата обращения: 29.10.2023)).

как промышленную устойчивость, так и экологическую гармонию. Способность быстро и эффективно реагировать на любые изменения в окружающей среде (достоинство искусственного интеллекта) дополняется и формируется во взаимодействии с людьми в режиме реального времени. В частости, этому способствует умное зондирование – использование человеческого мозга как прямого контроля производственных процессов и источника сигнала для автоматизированных систем. Специальная гарнитура фиксирует активацию мозга расширенного оператора и передает сигнал механическому девайсу (например, роботизированной руке). Это позволяет перейти к экологически устойчивым технологическим услугам.

Доступность системных ресурсов компьютера по требованию (бизнес-модели *IaaS* «инфраструктура как услуга» (*Infrastructure as a Service*), *SaaS* «программное обеспечение как услуга» (*Software as a Service*), *NaaS* «сеть как услуга» (*Net as a Service*)) делает возможным присоединяться к крупной цифровой экосистеме даже небольшим фирмам (например, малым наукоемким предприятиям) и отдельным индивидам. Тем самым новая технология позволяет стирать различия между отраслями и сферами деятельности, объединяя в одну ЦЭС самые разнородные виды экономической активности (промышленное производство, транспорт и логистику, финансы, торговлю и постпродажное обслуживание).

Производство 5.0 опирается на двухстороннюю взаимообратную связь между ресурсами, продуктом и потребителем. Место однонаправленного движения продукта от выпускающей структуры к рынку и далее к конечному потребителю занимает двухсторонний процесс потоков информации от производства к клиенту, с одной стороны, и от клиента к производству, с другой. Потребитель участвует в разработке и настройке продуктов для своих собственных нужд. Массовая кастомизация как интерактивный диалог между потребителем и производителем заменяет эпоху массового производства стандартизированных товаров. Это дает возможность создавать полностью персонализированные продукты и развивать сознательное потребление на стороне клиента.

Нас привлекают несомненные положительные технологические последствия Индустрии 5.0 – энергоэффективность, эффективность использования ресурсов, циркулярная экономика с минимизацией отходов, устойчивое развитие промышленности. Эти позитивные характеристики стимулировали некоторых исследователей выдвинуть концепцию интеллектуальных киберсоциальных экосистем как объектов Индустрии 5.0 в качестве будущего (и немного уже настоящего) «золотого века» человеческой цивилизации. Так, А.В. Бабкин , Е.В. Шкарупета, В.А. Плотников в своей статье, раскрывая различные подходы

и эволюцию взглядов на данную проблему, указывают, что «На стыке промышленных эволюций четвертого и пятого этапов возникают новые объекты – интеллектуальные киберсоциальные экосистемы, использующие меняющиеся под воздействием сквозных цифровых технологий сильные стороны киберфизических экосистем в сочетании с человеческим и искусственным интеллектом... Киберсоциальная экосистема позволяет выявить влияние киберфизических систем на человека и наоборот…» [9, с. 47]. Они также подчеркивают возрастающую роль человека: «В киберфизической экосистеме в Индустрии 4.0 люди рассматривались в качестве источников информации для киберфизических систем, т. е. датчиков (человек как сенсор). В киберсоциальной экосистеме Индустрии 5.0 человек становится со-творцом, неотъемлемой частью киберсоциальной экосистемы (человек как непосредственный компонент экосистемы)» [9, с. 50].

Однако так ли все безоблачно в виртуальном мире цифровых экосистем?

Проанализируем влияние Индустрии 5.0 на структуру и поведение деловой организации.

Деловая организация в индустрии 5.0: возможности и угрозы

Деловая организация является ключевым субъектом экономической деятельности, обеспечивая людей товарами и услугами и объединяя разрозненные хозяйственные элементы в единую национальную экономику. Поскольку Индустрия 5.0 оказывает влияние на формат и поведение деловой организации, постольку трансформации подвергается фундамент экономической жизни страны.

Исчезновение классической фирмы – таков главный итог развития Индустрии 5.0.

Технологические нововведения, характерные для Индустрии 5.0, элиминируют или значительно ослабляют признаки классической фирмы. Традиционно фирма, как основной производящий субъект экономики, характеризуется такими свойствами, как:

- самостоятельный экономический агент;
- юридическая независимость (юридическое лицо);
- организационная самостоятельность;
- коллектив людей (трудовой коллектив);
- производственная самостоятельность;
- финансовая самостоятельность.

Фирма как субъект хозяйствования имеет в собственности или управлении имущество, необходимое для осуществления своей деятельности и являющееся обеспечением обязательств.

В Индустрии 5.0 действующим лицом становится цифровая экосистема, функционирующая на принципах виртуализации (путем создания цифровых двойников), платформизации и использования мобильной экономики. ЦЭС объединяет элементы, разрозненные во времени, пространстве и типах отраслей.

Если для классической фирмы роль в экономическом пространстве заключалась в создании ценностей (путем производства товаров и оказания услуг), то для ЦЭС (гибридной фирмы) ключевая функция состоит в соединении спроса и предложения (поставщиков и потребителей контента) для создания ценностей. Вместо материальных продуктов цифровые экосистемы предлагают товары и услуги «по требованию». Конечно в итоге что-то где-то необходимо производится, но так как клиенты ориентируются на виртуальные торговые точки и виртуальные финансовые учреждения, многие ЦЭС по факту превращаются в цифровых «диких кошек» («*wild cats*»). Подобно тому, как в экономике США в XIX в. частные банки очень быстро создавались и так же быстро исчезали на просторах Америки (с деньгами клиентов), получив за это наименование «диких кошек» (которых сложно поймать), современная деловая организация виртуального типа может легко трансформироваться из добросовестного хозяйствующего субъекта к призрачную фирму-однодневку. Искушение тем более велико, что цифровые инструменты позволяют создавать сайты, внешне похожие на Интернет-источники крупных компаний и банков, но уводящие посетителей к мошенническим схемам. Например, Д. Кукобин, анализируя в своей статье так называемые ловушки цифровых мошенников, на примере компании *RuStore* показал, что только за 2023 г. было выявлено более 10 тыс. фальшивых интернет-приложений, включая сайты известных онлайн платформ *Sberbank Online*, *Yandex.Money*, *Binance*, *Telegram*[13].

В первую очередь от интернет-мошенников страдают индивидуальные граждане. Так, в 2021 г. без согласия клиента было совершено около одного миллиона интернет-операций на сумму 13,6 млрд руб., что больше аналогичных показателей за 2020 г. почти на 40%. Доля возвращенных средств составила всего 7%[14]. Бизнес также страдает от действий интернет-мошенников. Поддельные аккаунты, добавление

[13] *Кукобин Д.* Ловушки цифровых мошенников: как распознать и защититься? // ComNews. 23.10.2023. https://www.comnews.ru/digital-economy/content/229628/2023-10-23/2023-w43/1016/lovushki-cifrovykh-moshennikov-kak-raspoznat-i-zaschititsya (дата обращения: 28.10.2023).

[14] *Стригин А.* Основным инструментом для цифрового мошенничества остается сотовый телефон // Российская газета. 17.05.2022 г. https://rg.ru/2022/05/17/osnovnym-instrumentom-dlia-cifrovogo-moshennichestva-ostaetsia-sotovyj-telefon.html (дата обращения: 1.11.2023).

в корзины интернет-магазинов товаров со стороны поддельных пользователей-пустышек для того, чтобы создать дефицит некоторых товаров, фальшивые адреса для рассылки рекламных писем, махинации с кликами (фрод-клики) и лайками, некорректные заказы – это лишь небольшой объем недобросовестной конкуренции в виртуальном пространстве, результатом которой становятся реальные потери компаний. Например, фрод-клики в рекламе приносят рекламодателям годовой ущерб в размере более 40 млрд долл.[15]

Согласно Министерству внутренних дел РФ, каждое четвертое преступление совершается с использованием ИТ-технологий [10, с. 63]. Исследование, проведенное А. Сергеевым и О. Широковой среди пользователей интернет-ресурсов, показало, что только 44% респондентов информированы в достаточной степени о наличии и видах интернет-мошенничества, чтобы предпринимать эффективные меры защиты [10, с. 69]. При этом 86% респондентов заявляют о том, что они прямо или косвенно сталкивались с цифровым мошенничеством [10, с. 63].

Исследователи Эдинсбургского университета – С. Анстис, С. Барнетт, С. Чен, Н. Леонард, Р. Дейберт – анализируя негативные внешние последствия киберпространства для гражданского общества, писали о том, что в 2019 г. газета *The New York Times* сообщала, что услуги цифрового шпионажа оцениваются рынком в 12 млрд долл. США [11, p. 251].

С цифровыми экосистемами связана проблема и самостоятельности в принятии деловых решений, а следовательно, определение деловых предприятий для целей статистического учета. Стирание граней между промышленностью, торговлей, транспортом, финансами, между различными отраслями экономики приводит к тому, что отдельные производящие элементы ЦЭС не являются фирмами в экономическом смысле, хотя продолжают в статистике учитываться в качестве предприятий той или иной отрасли. Например, цифровая экосистема «Сбер» может быть отнесена к самым разным отраслям: аптека; доставка посылок; перевозка грузов; покупки товаров; музыка; такси – таков неполный перечень тех услуг, за которыми мы обращаемся в Сбербанк. Собственно финансовые (банковские) услуги занимают все более сокращающуюся долю деловых операций «Сбера». Расплывчатость отраслевой активности ЦЭС означает риск искажения статистической информации, которая используется в том числе и для принятия экономических решений в сфере государственной политики.

[15] Цифровое мошенничество: виды, угрозы для бизнеса, способы борьбы. https://botfaqtor.ru/blog/tsifrovoe-moschennichestvo-i-ego-vidy/ (дата обращения: 20.10.2023).

Цифровые экосистемы и их элементы регистрируются как юридические лица. Статус юридического лица влечет за собой определенные обязательства, залогом выполнения которых служит деловое имущество. Однако зачастую ЦЭС не обладают никаким (или очень минимальным) материальным имуществом, а активы включают всего лишь программное обеспечение (которое также может браться в аренду в виде цифрового «облака». В рамках ЦЭС преобладает креативный класс свободных художников (предпринимателей, творцов, блогеров, мастеровых) – «производство» без торговой марки, без расчетного счета в банке, без имущества.

Таким образом, формальность юридического лица не обеспечивает добросовестность в деловых виртуальных отношениях. Имущественная ответственность классической фирмы по своим обязательствам не может быть реализована в гибридной деловой организации Индустрии 5.0.

К слишком формальному представлению ЦЭС как юридического лица добавляется функционирование цифровых экосистем в рамках плоских сетей. В отличие от Индустрии 4.0, где преобладают многоуровневые иерархические сети, технологическая база Индустрии 5.0 объединяет самые разные по составу и масштабу элементы виртуального мира в одноранговую сеть. Исследования В. Агиррегабирия, Дж. Гу, Ю. Луо, П. Мира [12], а также анализ Б. Херковича. и Х. Рамоса [13] свидетельствуют о том, что в отличие от иерархических сетей с четко выраженной направленностью управляющего импульса сверху вниз, по довольно жесткой вертикали от высшего менеджмента к менеджменту низшего звена, в плоских сетях, доминирующих почти повсеместно в отраслях 5.0, ключевой особенностью является отсутствие «ответственного лица», поскольку руководящие функции обладают свойством перемещаться от одного узла сети к другому по мере продвижения информационных потоков среди равных, а не иерархических агентов. Кто в таком случае несет итоговую ответственность за деловые операции в сетевых рамках?

На рынке сетевые цифровые гиганты действуют как новые монополии (на это, например, указывают Ю. Авайя и В. Кришна, анализируя информационный обмен в картелях [14]). Появляются новые формы цифровой монопольной власти, основанные на внимательности клиентов. Внимание, осознанное принятие решений оказывается редким ресурсом в эпоху информационного изобилия. Так как виртуальные платформы собирают очень большой объем информации о своих посетителях (даже еще не клиентах), алгоритмический менеджмент позволяет проводить очень тонкие формы ценовой дискриминации для всех участников цифрового взаимодействия, как для продавцов контента и поставщиков ресурсов, так и для покупателей [15].

Исследователи Г. Эллисон, С. Эллисон, А. Волицки, Н. Роос, В. Смирнов отмечают возникновение эффекта запутывания (*obfuscation effect*) – манипулирование поведением рациональных потребителей [16; 17; 18]. Традиционно считается, что потребитель отклоняется от оптимизирующего поведения в силу недостаточной рациональности (ограниченной рациональности). Однако цифровые механизмы позволяют запутывать даже рационально мыслящих индивидов. Эффект запутывания состоит в том, что цифровые монополии время от времени понижают цены на некоторые из своих товаров. Потребители повышают закупки этих товаров, а из-за невнимательности клиентов спрос на такие продукты продолжает расти даже тогда, когда цены увеличились. Межвременной разброс цен может быть значительным, но отследить всевозможные ценовые варианты не всегда просто. По времени заказа, по региону исполнения заказа, по особенностям клиента платформы цены на один и тот же товар могут существенным образом различаться. ЦЭС проводят стратегию динамического ценообразования, которое никак не регулируется и не подпадает под действие антимонопольных законов.

Внутренняя структура ЦЭС как гибридной фирмы опирается на децентрализацию управления при удаленной работе большинства (если и не всего) персонала. Нерегулярность, нестабильность членов трудового коллектива (преобладает проектная работа со временным персоналом и творческие одиночки) превращает наем работника в услугу «по требованию», что означает исчезновение четких структурных элементов классической фирмы. Если с одной стороны рынка труда мы видим отсутствие стабильного трудового коллектива, то с другой стороны наблюдается отсутствие работодателя. Алгоритмический менеджмент позволяет предоставлять работу «по требованию», участнику платформы тогда, когда в этом есть необходимость. Виртуальная платформа балансирует спрос на труд с предложением труда без прямого участия человеческого фактора.

Алгоритмический менеджмент отыскивает даже небольшие временные и пространственные анклавы, в которых может быть задействован работник, повышая тем самым интенсивность его труда. Экономисты Е. Ризи и Р. Пронцато [19] показали, что эффективная, на первый взгляд, деятельность работника в условиях алгоритмического менеджмента, на самом деле оказывается цифровой потогонной системой, поскольку виртуальная платформа активна 24 часа в день, 7 дней в неделю, 365 дней в год. Соответственно, таков и контроль за деятельностью человека в рамках цифровой реальности. В то же время процедура обеспечения индивида работой и его зарплата находится вне понимания самого работника, так как этот механизм обеспечивается программными, а не человеческими средствами. Как показывает исследование деятельности компании *Uber* в Португалии (Лиссабон),

цифровые экосистемы могут порождать новые формы отчуждения труда [20] в виде чрезмерной интенсификации труда при платформенном капитализме. Следствием цифровой интенсификации трудовых усилий становятся проблемы с физическим и психическим здоровьем работника и риск быстрого выгорания из-за чрезмерной и мало понятной рабочей нагрузки.

Под действием виртуализации рыночные отношения приобретают гибридный характер: стирается грань между производителем (поставщиков продукта), торговцем и потребителем. Цифровые экосистемы прибегают к стратегиям использования клиентов в качестве рекламиста и соавтора продукта. Разнообразные ценовые скидки предоставляются тем индивидам, которые оставляют отзывы о товаре в Интернете (как правило, хвалебные), ссылаются на товар в своих блогах и социальных сетях. При разработке нового продукта виртуальные платформы предлагают для публичного обсуждения и голосования варианты оформления, особенности структуры или элементы содержания. Тем самым ЦЭС оказывают непосредственное влияние на конкурентный ландшафт: деловые организации соперничают не друг с другом, а с текущими и потенциальными клиентами.

* * *

Фундаментальные новации и кардинальные преобразования в цифровом информационном поле позволяют говорить о формировании новой экономической реальности XXI в. – Индустрии 5.0. Цифровая эпоха переходит от пространства «Индустрия 4.0» к пространству «Индустрия 5.0» с качественно другими свойствами. В пространстве «Индустрия 5.0» классическая фирма перестает быть ключевым игроком экономической реальности, уступая место новой экономической сущности – цифровой экосистеме (ЦЭС). При этом новые явления Индустрии 5.0 как создают благоприятные возможности для развития отраслей, рынков и национальных экономик, так и формируют особые риски и угрозы для экономических агентов, производителей и потребителей.

Технологические новации в виде перспективной связки «человек-кобот», представление ИТ программ как «облачных» услуг «по требованию» практически всем желающим, опора на интегрированные операционные системы, мультифункциональность и гибкость роевого интеллекта расширяют творческие возможности людей в рамках традиционных производственных процессов. Вместе с тем стирание границ между отраслями и видами экономической деятельности в рамках виртуальных гибридных компаний нового поколения, цифровая интенсификация труда при помощи алгоритмического менеджмента, распространение плоских сетей с минимальными уровнями деловой ответ-

ственности формируют новое экономическое пространство, в котором развиваются цифровые монопольные эффекты, цифровое мошенничество разного рода и сложности понимания взаимосвязи между работой и вознаграждением для рядовых сотрудников цифровых экосистем. Это создает финансовые, рыночные и психологические риски как для отдельных участников экономических цифровых процессов, так и для экономической безопасности национального государства.

Повышение благосостояния всех участников Индустрии 5.0 связано с нахождением оптимального баланса между прибыльностью и устойчивостью, между финансовыми и социальными аспектами цифровых взаимодействий, между рутинными и творческими компетенциями работника. И здесь ведущая роль принадлежит государству. Регулирование и экономическая политика должны поставить в центр своего внимания реальные цифровые экосистемы, а не ограничиваться наблюдением за деятельностью юридически зарегистрированных фирм.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016.
2. *Агеев А.И.* Управление цифровым будущим // Мир новой экономики. 2018. Т. 12. № 3. С. 6–23. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-3-6-23.
3. *Galushenko A., Olefirenko A.* Paradigm of Integrated Enterprise Managing (IEM) System as Universal (Organization-Independent) Enterprise Operating System from Real Digital Transformation of Real Economy to Economical Singularity // Asian Business Research Journal. 2020. No. 5. Pp. 28–42.
4. *Olefirenko A., Galuschenko A.* Major Features, Benefits, and Prerequisites for Intelligent Enterprise Managing System // Research in Social Sciences and Technology. 2018. Vol. 3. No. 3. Pp. 68–91.
5. *Аренс Ю.А., Каткова Н.А., Халимон Е.А., Брикошина И.С.* Пятая промышленная революция – инновации в области биотехнологий и нейросетей // E-Management. 2021. Т. 4. № 3. С. 11–19. https://doi.org/10.26425/2658-3445-2021-4-3-11-19 (дата обращения: 28.10.2023).
6. *Nahavandi S.* Industry 5.0 – A Human-Centric Solution. Sustainability. 2019. Vol. 11. No. 16: 4371. https://doi.org/10.3390/su11164371 (accessed 21.10.2023).
7. *Raynolds C.W.* Flocks, Herds, and Schools: A Distributed Behavioral Model // Computer Graphics. 1987. Vol. 21. No. 4. Pp. 25–34.
8. *Водолазский И.А., Егоров А.С., Краснов А.В.* Роевой интеллект и его наиболее распространенные методы реализации // Молодой ученый. 2017. № 4 (138). С. 147–153. https://moluch.ru/archive/138/38900/ (дата обращения: 31.10.2023).
9. *Бабкин А.В., Шкарупета Е.В., Плотников В.А.* Интеллектуальная киберсоциальная экосистема индустрии 5.0: понятие, сущность, модель // Экономическое возрождение России. 2021. № 4 (70). С. 39–62.
10. *Сергеев А.Ю., Широкова О.В.* Мошенничество в цифровом обществе в условиях социальных изменений // Цифровая социология. 2023. Т. 6. № 1. С. 59–71.

11. *Anstis S., Barnett S., Chan S., Leonard N., Deibert R.* The negative externalities of cyberspace insecurity and instability for civil society // In Cyberspace and Instability / Eds. Chesney R., Shires J., Smeets M. Edinburgh. Edinburgh University Press. 2023. Pp. 240–277.
12. *Aguirregabiria V., Gu J., Luo Y., Mira P.* Diffusion of COVID-19 in Social and Production Networks: Simulation Evidence from a Dynamic Model // Annals of Economics and Statistics. 2021. June. No. 142. Pp. 179–210.
13. *Herskovic B., Ramos J.* Acquiring Information through Peers // The American Economic Review. 2020. Vol. 110. No. 7. Pp. 2128–2152.
14. *Awaya Y., Krishna V.* Information Exchange in Cartels // The RAND Journal of Economics*. 2020. Vol. 51. No. 2. Pp. 421–446.
15. *Biglaiser G., Cremer J.* The Value of Incumbency When Platforms Face Heterogeneous Customers // American Economic Journal: Microeconomics. 2020. Vol. 12. No. 4. Pp. 229–269.
16. *Ellison G., Ellison S.F.* Search, Obfuscation and Price Elasticities in the Internet // Econometrica. 2009. Vol. 77. No. 2. Pp. 427–452.
17. *Ellison G., Wolitzky A.* A Search Cost Model of Obfuscation // The RAND Journal of Economics*. 2012. Vol. 43. No. 3. Pp. 417–441.
18. *Roos N., Smirnov V.* Collusion with Intertemporal Price Dispersion // The RAND Journal of Economics*. 2020. Vol. 51. No. 1. Pp. 158–188.
19. *Risi E., Pronzato R.* Smart Working is not so Smart: Always-On Lives and the Dark Side of Platformisation // Work Organisation, Labour & Globalisation. 2021. Vol. 15. No. 1. Pp. 107–125.
20. *Leonardi E., Pirina G.* Uber in the Portuguese Gig Economy: a Laboratory for Platform Capitalism // Work Organisation, Labour & Globalisation. 2020. Vol. 14. No. 2. Pp. 46–63.

*RAND Corporation («РЭНД корпорейшн»), США признан нежелательной организацией в России.

REFERENCES

1. *Schwab K.* The Forth Industrial Revolution. M.: Eksmo, 2016 (In Russ.).
2. *Ageev A.I.* Management of the Digital Future // The World of New Economy. 2018. Vol. 12. No. 3. Pp. 6–23. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-3-6-23 (In Russ.).
3. *Galushenko, A., Olefirenko, A.* Paradigm of Integrated Enterprise Managing (IEM) System as Universal (Organization-Independent) Enterprise Operating System from Real Digital Transformation of Real Economy to Economical Singularity // Asian Business Research Journal. 2020. No. 5. Pp. 28–42.
4. Olefirenko A., Galuschenko A. Major Features, Benefits, and Prerequisites for Intelligent Enterprise Managing System // Research in Social Sciences and Technology. 2018. Vol. 3. No. 3. Pp. 68–91.
5. *Arens Yu.A., Katkova N.A., Khalimon E.A., Brikoshina I.S.* The Fifth Industrial Revolution as Innovations in Biotechnology and Neuronets // E-Management. 2021. Vol. 4. No. 3. Pp. 11–19. https://doi.org/10.26425/2658-3445-2021-4-3-11-19 (accessed: 28.10.2023). (In Russ.).
6. *Nahavandi, S.* Industry 5.0 – A Human-Centric Solution. Sustainability. 2019. Vol. 11. No. 16: 4371. Available at: https://doi.org/10.3390/su11164371 (accessed 21.10.2023)
7. *Raynolds C.W.* Flocks, Herds, and Schools: A Distributed Behavioral Model // Computer Graphics. 1987. Vol. 21. No. 4. Pp. 25–34.

8. *Vodolazskiy I.A., Egorov A.S., Krasnov A.V.* Swart Intellect and Its Methods of Realization // Young Researcher. 2017. No. 4 (138). Pp. 147–153. https://moluch.ru/archive/138/38900/ (accessed: 31.10.2023). (In Russ.).
9. *Babkin A.V., Shkarupeta E.V., Plotnikov V.A.* Intellectual Cyber-Social Ecosystem of Industry 5.0: Definition, Nature, Model // Economic Revival of Russia. 2021. No. 4 (70). Pp. 39–62. (In Russ.).
10. *Sergeyev A.Yu., Shirokova O.V.* Fraud in a Digital Society in the Context of Social Change // Digital Sociology. 2023. Vol. 6. No. 1. Pp. 59–71. (In Russ.).
11. *Anstis S., Barnett S., Chan S., Leonard N., Deibert R.* The negative externalities of cyberspace insecurity and instability for civil society // In Cyberspace and Instability / Eds. Chesney R., Shires J., Smeets M. Edinburgh. Edinburgh University Press. 2023. Pp. 240–277.
12. *Aguirregabiria V., Gu J., Luo Y., Mira P.* Diffusion of COVID-19 in Social and Production Networks: Simulation Evidence from a Dynamic Model // Annals of Economics and Statistics. 2021. June. No. 142. Pp. 179–210.
13. *Herskovic B., Ramos J.* Acquiring Information through Peers // The American Economic Review. 2020. Vol. 110. No. 7. Pp. 2128–2152.
14. *Awaya Y., Krishna V.* Information Exchange in Cartels // The RAND Journal of Economics*. 2020. Vol. 51. No. 2. Pp. 421–446.
15. *Biglaiser G., Cremer J.* The Value of Incumbency When Platforms Face Heterogeneous Customers // American Economic Journal: Microeconomics. 2020. Vol. 12. No. 4. Pp. 229–269.
16. *Ellison G., Ellison S.F.* Search, Obfuscation and Price Elasticities in the Internet // Econometrica. 2009. Vol. 77. No. 2. Pp. 427–452.
17. *Ellison G., Wolitzky A.* A Search Cost Model of Obfuscation // The RAND Journal of Economics*. 2012. Vol. 43. No. 3. Pp. 417–441.
18. *Roos N., Smirnov V.* Collusion with Intertemporal Price Dispersion // The RAND Journal of Economics*. 2020. Vol. 51. No. 1. Pp. 158–188.
19. *Risi E., Pronzato R.* Smart Working is not so Smart: Always-On Lives and the Dark Side of Platformisation // Work Organisation, Labour & Globalisation. 2021. Vol. 15. No. 1. Pp. 107–125.
20. *Leonardi E., Pirina G.* Uber in the Portuguese Gig Economy: a Laboratory for Platform Capitalism // Work Organisation, Labour & Globalisation. 2020. Vol. 14. No. 2. Pp. 46–63.

Дата поступления рукописи: *02.11.2023 г.*

*RAND Corporation («РЭНД корпорейшн»), США признан нежелательной организацией в России.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Розанова Надежда Михайловна – доктор экономических наук, профессор, сотрудник кафедры микро- и макроэкономического анализа экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-3660-0625
happyeconomics@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda M. Rozanova – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Department of Micro- and Macroeconomic Analysis, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-3660-0625
happyeconomics@list.ru

INDUSTRY 5.0: A GOLDEN AGE OR A LEAP INTO THE DARK?

Technological innovations of the XXI century are introducing Industry 5.0 into our life, with its special economic characteristics and interfirm activity. The article presents a scientific analysis of the new phenomena generated by Industry 5.0, and the new trends that will determine our economic reality in the next 15–20 years. The robotized mechanistic reality of Industry 4.0 is gradually being replaced by human-oriented, sociocentric, ecological and sustainable human-cobot system, where a human performs the role of a creative participant assisted by a collaborative robot partner. A digital ecosystem is replacing a classical firm, which generates both new possibilities for economic development and new risks in terms of digital monopolization within virtual industries. The optimal balance between profitability and sustainability requires efficient government regulation based on a deep understanding of the nature of Industry 5.0.

Keywords*: industrial economics, Industry 5.0, innovations, digital economy, firm, digital ecosystems.*

JEL: A13, D20, D21, F01, L10, L20, O14, O30, 033.

С.А. БРАТЧЕНКО
кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

НЕСОГЛАСОВАННОСТЬ ЦЕЛЕЙ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ[1]

В научной литературе, посвященной целеполаганию в государственном управлении, достаточно часто отмечается факт несогласованности целей. В качестве объекта данного исследования было выбрано целеполагание в государственном управлении проектами, такими как Единый план, национальные и федеральные проекты, государственные программы и др. Изучение проблемы позволило предложить типологию несогласованности целей государственного управления проектами. В общей сложности в государственном управлении проектами было выделено 14 разных типов коллизии целей. Каждый случай несогласованности целей в государственном управлении требует своего решения, поскольку каждый из них снижает качество государственного управления. Особенно критичной представляется несогласованность национальных, стратегических и операционных целей в рамках Единого плана, в результате чего могут оказаться недостигнутыми как стратегические цели отдельных проектов/программ, так и национальные цели.

Ключевые слова: *качество государственного управления, цели государственного управления, государственное управление проектами, государственная программа, национальный проект, несогласованность целей, коллизия целей, стратегические и операционные цели, национальные цели.*

УДК: 338.24

EDN: KDHKXU

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_78_108

[1] Статья подготовлена в рамках темы государственного задания ФГБУН Институт экономики РАН «Институциональные аспекты развития модели государственного управления в контексте реализации стратегических задач российской экономики»

Введение

В настоящее время страна переживает сложный период: расходы в связи с проведением специальной военной операции ложатся дополнительным бременем на бюджет, а произведенная для этой цели продукция расходуется в соответствии со своим назначением и таким образом изымается из воспроизводственного цикла. И это при том, что необходимость решения «ординарных» задач социально-экономического развития остается такой же актуальной. Это порождает двоякую управленческо-финансовую проблему: с одной стороны, повышенную нагрузку на бюджет. В условиях дефицита весьма важно, чтобы каждый рубль принес максимальную отдачу, и ни один рубль не был потрачен зря. С другой стороны, в этих условиях становится особенно важным, чтобы все поставленные цели были достигнуты, а все задачи – решены. В «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»[2] недостаточно эффективное государственное управление относится к основным вызовам и угрозам экономической безопасности страны. В современных условиях проблема повышения качества государственного управления, его эффективности и результативности, без преувеличения, может быть признана приоритетной.

Одним из условий высокого качества государственного управления выступает целеполагание: «целеполагание как процесс постановки целей – это отправная точка всего процесса стратегического планирования. Качество формирования и формулировки набора целей в конечном счете определяет траекторию и саму возможность их достижения» [6, с. 5]. При этом в практике российского государственного управления (далее – ГУ) «издержки низкого качества целей и ошибок целеполагания не оцениваются, хотя могут быть велики» [6, с. 6]. Более подробно проблема целеполагания в ГУ (на примере государственных программ) рассмотрена в работе [11].

В этой связи следует отметить, что в научной литературе, посвященной данной проблематике, кроме проблемы выбора некорректных или неоптимальных целей достаточно часто отмечается факт несогласованности целей в разных областях ГУ. Например, в вопросах регулирования малого и среднего предпринимательства [1], пространственного развития [2; 4], управления финансами [20], в том числе на макроуровне, в вопросах стратегического планирования [6; 29; 38], в национальных проектах и государственных программах [18; 24; 32].

[2] Утверждена Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 // https://docs.cntd.ru/document/420398070.

В качестве объекта настоящего исследования было выбрано целеполагание в государственном управлении проектами, такими как Единый план, национальные и федеральные проекты, государственные программы (далее – ГП) и др.

В рамках объекта исследования представляется важным не только выявить факты коллизии целей, но и понять, почему, по каким причинам эти факты могут иметь место. А для того чтобы понять причины, сначала следует выявить типологию, поскольку у разных видов несогласованности целей могут быть разные причины и разные последствия. Задача настоящего исследования – выделить разные типы рассогласованности целей в государственном управлении проектами, чтобы на следующем этапе нашего исследования попытаться выявить причины этой несогласованности (забегая вперед, укажем, что во многих случаях подобные коллизии имеют институциональные корни).

Проектный подход в государственном управлении

В литературе, посвященной государственному управлению, понятие «проектное управление» иногда понимается слишком буквально, относя к проектному управлению только управление национальными, федеральными и др. проектами и так называемыми пилотными государственными программами. Между тем «классики» теории управления проектами (К. Грей, Э. Ларсон; Р. Ньютон; С. Портный) в качестве критерия отнесения к проекту выделяют три признака:

– четкая, заранее определенная цель, которую нужно достичь;
– определенные сроки (продолжительность проекта, точка начала и завершения проекта заранее зафиксированы);
– использование определенного/фиксированного количества выделенных/имеющихся ресурсов (финансовых, трудовых, материальных, оборудования, информации и др.) [17, с. 16–17; 45, p. 10; 44, p. 3].

Проектное управление – исторически один из излюбленных инструментов государственного управления, позволяющий быстро и эффективно решать важнейшие государственные задачи. В качестве примеров успешных государственных проектов, реализованных в разные эпохи, можно привести строительство пирамиды Хеопса, Транссиба, совместный советско-американский проект «Союз-Аполлон», проведение Зимних олимпийских игр 2014 г. в Сочи; в качестве долгосрочной государственной программы (хоть она так и не называлась) – программу индустриализации СССР, разбитую на несколько этапов (с привязкой к пятилетним планам).

На основании вышеуказанных критериев к проектам совершенно правомерно можно отнести все государственные программы (а не

только так называемые приоритетные или пилотные государственные программы, подпадающие под действие постановления Правительства РФ от 15.10.2016 № 1050 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации»),[3] целевые комплексные программы, а также множество других проектов, реализуемых государством. Именно с позиций проектного управления рассматривают госпрограммы ряд авторов [40, с, 149; 36, с. 287]. Единый план, агрегирующий в себе содержание 46 госпрограмм, 14 национальных и 75 федеральных проектов, 42 стратегических инициатив и иных документов [23, с. 44], можно определить как мета-проект.

Проектный менеджмент становится все более важным инструментом обеспечения эффективного государственного развития [41, с. 30]. Проекты и программы, реализуемые государством, обладают рядом особенностей, что предполагает доработку и адаптацию традиционных методов управления проектами. К особенностям разработки и реализации государственных программ и проектов можно отнести:

– многоуровневость;
– участие большого числа организаций и учреждений;
– многоцелевой характер программ и проектов;
– необходимость получения обратной связи от гражданского общества по оценке эффективности реализации государственных проектов, оценке результативности отдельных проектов, в том числе с привлечением независимых экспертов [41, с. 580].

Стратегические и операционные цели в государственном управлении

Изучение вопроса о коллизии целей в государственном управлении проектами мы начнем с содержательного рассмотрения дихотомии «стратегическая цель» – «операционная цель».

Общеизвестно, что цели управления должны быть SMART (Specific, Measurable, Achievable, Relevant, Time bound), то есть конкретными, измеримыми, достижимыми, уместными и привязанными ко времени, – это сформулировал *Д.* Доран еще в 1981 г. [43, pp. 35–36]. Это необходимое условие реализуемости управления. Не всегда помнят, что эти требования сформулированы применительно к *операционным целям*.

[3] Неслучайно на странице «Нормативная правовая база» официального портала Государственных программ Российской Федерации (https://programs.gov.ru/Portal/regulatory_legal_framework) в качестве заглавного документа размещен текст Постановления Правительства РФ от 31 октября 2018 г. № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации».

Стратегическими целями, формулируемыми на этапе первичного целеполагания, обычно выступает решение какой-либо задачи или проблемы. Именно поэтому они обычно не отвечают критериям SMART – они качественные и носят долгосрочный (часто неопределенный во времени) характер; достижение стратегических целей характеризуется изменением состояния объекта управления, его бывает трудно четко идентифицировать и контролировать (особенно, когда объектом управления выступает такая сложная социально-экономическая система, как страна).

Именно поэтому в операционном управлении вместо стратегических обычно используются *операционные цели*, обладающие свойствами SMART. Чаще всего операционная цель формулируется в виде значений набора показателей (индикаторов).

Стратегические и операционные цели исполняют разные *функции* в процессе управления.

Действительной целью государственного управления является решение какой-либо социально-экономической проблемы или социально-экономической задачи, то есть *достижение стратегических целей* (в том числе при управлении государственными проектами), а не достижение операционных целей (целевых значений показателей). С точки зрения государства важно, чтобы в результате реализации, например, ГП «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» действительно повысилась конкурентоспособность российской промышленности. И не важно, будут ли при этом достигнуты целевые значения таких индикаторов данной ГП, как «объем экспорта несырьевых неэнергетических промышленных товаров» или «соотношение импорта продукции и валовой добавленной стоимости обрабатывающих производств».

Если критерием успешности управления является достижение стратегической цели, то такой критерий мы называем *качеством управления*[4], – при условии соответствия стратегической цели интересам (предназначению) организации (института, государства)[5].

[4] В этом же ключе о качестве управления высказывается Е.В. Охотский, характеризующий качество управления как действие, которое приближает к установленной цели [34, с. 25].

[5] Требование соответствия целей и результатов управления национальным интересам и стратегическим национальным приоритетам фигурирует в ст. 5 Стратегии национальной безопасности РФ, а также в законе о стратегическом планировании. Среди ученых эту точку зрения отстаивает, например, С.В. Казанцев: «национальными являются цели, отвечающие национальным интересам и выражающие их в форме желаемого результата, намеченного к достижению в установленное время» [22, с. 142].

Операционные цели используются в оперативном управлении в качестве аппроксимации стратегических целей, их *основная функция* – возможность оперативного контроля за *предполагаемым* продвижением к стратегической цели. Категория «предполагаемый» является в данном предложении существенной: *достижение операционных целей (плановых значений индикаторов) далеко не всегда обеспечивает достижение стратегических целей*, в том числе в государственном управлении [9, с. 16; 19, с. 29–30]. В этих ситуациях операционные цели могут не исполнять свои функции, и *достижение операционных целей (значений показателей) перестает быть индикатором достижения стратегических целей.* Так, эксперты отмечают, что ««смартирование» цели – хорошее и правильное начинание. Но иногда получается так, что цель удовлетворяет правилу SMART, но перестает соответствовать реальной проблеме или определять политику в соответствующей сфере» [42].

Поэтому *операционные цели не являются эквивалентом стратегических, заменить стратегическую цель* (решение социально-экономической проблемы или задачи) на *операционную* (то есть на систему показателей) *без существенного ущерба для качества управления нельзя.* В этом же кроется и *ограниченность операционных целей:* они активно используются в оперативном управлении, но в стратегическом, долгосрочном и среднесрочном управлении *могут играть только вспомогательную роль*.

На необходимость выделения двух типов целей в государственном управлении указывают академики С.Ю. Глазьев, В.В. Ивантер, В.Л. Макаров, А.Д. Некипелов (подчеркивая, что «необходимым условием стратегического планирования является четкое целеполагание, в том числе разделение целей – критериев успешности развития (фундаментальных целей и целей второго уровня с измеримыми макроиндикаторами) и инструментальных целей» [14, с. 16][6]), О.С. Сухарев [40, с. 148] и др.

Научные и педагогические сотрудники вероятно помнят один из так называемых майских указов, предусматривающих «повышение к 2018 году средней заработной платы ... преподавателей образовательных учреждений высшего профессионального образования и научных сотрудников до 200% от средней заработной платы в соответствующем регионе[7]». Логика Указа понятна: чтобы увеличить отдачу от отечественной науки, нужно, в частности, повысить привлекательность научной деятельности, сократить отток ученых и талантливой молодежи за

[6] Терминология в данной области еще не устоялась, поэтому различные авторы используют разные термины. В данном случае фундаментальные цели соответствуют стратегическим, а цели второго уровня, инструментальные цели – операционным.

[7] Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. №597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». https://docs.cntd.ru/document/902345103?marker.

рубеж и в отечественный коммерческий сектор по финансовым мотивам. На практике вместо реального исполнения Указа массово наблюдалась симуляция его выполнения: манипуляции со штатным расписанием, понижение в должностях, перевод на пониженные ставки с сохранением содержания, функции и объема работ, на что указывают А.Е. Городецкий и Н.С. Зиядуллаев [16, с. 11–12]. *Согласно отчетам, указ был выполнен, целевое значение индикатора было достигнуто,* в то время *как содержательные (стратегические) цели указа достигнуты не были* (привлекательность научной деятельности, как и сумма денег, получаемая научными и педагогическими работниками на руки, практически не изменилась[8]).

Этот пример выступает прекрасным аргументом в пользу того, что разделение стратегических и операционных целей в управлении действительно имеет место, каждая из них имеет свои функции в управлении, и поэтому оба этих типа целей должны активно и сознательно использоваться в управлении. Однако критерием успешности управления должна оставаться стратегическая цель. Потому что в вышеуказанном примере стратегическая цель (значительное повышение привлекательности научной деятельности) была заменена на операционную «... 200% от средней заработной платы в соответствующем регионе». И в результате этой замены стратегической цели на операционную, операционная цель была достигнута, а стратегическая – нет.

Именно *достижение стратегических (а не операционных) целей является критичным с точки зрения развития организации/института/государства.* Это ключевой момент всей парадигмы управления в целом, и государственного управления в частности.

Типы несогласованности целей при государственном управлении проектами

При изучении различных проектов, реализуемых в государственном управлении, было выявлено множество прецедентов несогласованности целей. Была предпринята попытка классификации выявленных коллизий, представленная ниже[9].

---

[8] Эта ситуация имеет место во многих вузах *до сих пор*: преподаватели при фактической нагрузке 800-900 часов формально оформлены на 0,5-0,75-0,8 ставки (и получают соответствующее вознаграждение), а руководство вуза отчитывается о высоких ставках, соответствующих требованиям Указа № 597.

[9] Целеполагание в случае операционной цели включает в том числе и количественное определение целевого значения. В практике управления весьма важно установить обоснованное значение для цели – достижимое и в достаточной степени напряженное. Это отдельная проблема, рассматриваемая, например, в [38, с. 36]. В данной работе эта проблема не является предметом анализа, мы рассматриваем только содержательные цели.

Несогласованность целей в рамках одного проекта (национального проекта, государственной программы и др.)

1. *Несогласованность между названием проекта/программы и стратегическими целями проекта/программы.* В качестве примера можно привести ГП «Развитие сельского хозяйства» и ГП «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности», в которых стратегические цели не соответствуют названию программы: в названиях обеих программ присутствует слово «развитие», предполагающее качественные изменения, а в виде стратегических целей выступают количественные изменения (в обеих программах – индекс производства).

2. *Несогласованность стратегических и операционных целей в рамках одного проекта (национального проекта, государственной программы и др.)*

Научная литература полна подобными примерами, однако обычно авторы не используют терминологию «стратегическая цель» и «операционная цель», а описывают непосредственно ситуацию. На то, что «показатели и индикаторы недостаточно увязаны с ожидаемыми результатами», указывают С.Н. Сильвестров с соавторами [38, с. 34; 25, с. 17], С.В. Казанцев [22], А.Г. Коломиец: «Целевые показатели программы не определяют в должной мере количественные и/или качественные характеристики не только ожидаемых результатов, но и целей программы» [24, с. 155].

Такая коллизия была обнаружена для целого ряда проектов, как уже завершившихся, так и находящихся в процессе реализации: для Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом до 2035 года [27]; для национального проекта «Экология» [26]; для Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия [18]; для ГП «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков» [24]; для ГП «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» [32, с. 176–177], для ГП «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» [10]. Аналогичная картина наблюдается в соотношении стратегических и операционных целей региональных проектов. Например, для регионов Дальневосточного федерального округа «основной проблемой региональных программ развития образования является недостаточная согласованность их целей и решаемых задач» [4, с. 87].

Причина видится, с одной стороны, в «отсутствии системного подхода к целеполаганию, который проявляется в расхождении целей, задач, целевых показателей и ожидаемых результатов, ... в отсутствии критерия соответствия индикаторов целям» [6, с. 21–22]. С другой стороны, к таким результатам может приводить «министерский принцип разработки подобных программ» [40, с. 153], когда исполнители под-

бирают удобные для выполнения операционные цели в ущерб достижению стратегических, а вышестоящие инстанции утверждают поступившие документы, не вдаваясь в детали имеющей место коллизии. Заместитель председателя Счетной палаты РФ Г.С. Изотова[10] в связи с этим отмечала: «часто заложенные показатели не имеют отношения к жизни. Вместо экономики для людей мы строим экономику показателей» [31, с. 21].

Каковы *последствия несогласованности стратегических и операционных целей?* Самое главное: как отмечалось выше, *достижение операционных целей (плановых значений индикаторов) далеко не всегда обеспечивает достижение стратегических целей.* А поскольку в действующей институциональной конструкции критерием успешности реализации проекта выступает достижение запланированных значений индикаторов[11], то в случае наличия коллизии целей реализация проекта признается успешной, но на практике не приводит к:

– действительному повышению конкурентоспособности промышленности (для ГП «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности») [10];
– обеспечению продовольственной безопасности (для Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия) [18];
– и т. п. (ряд примеров может быть продолжен).

3. Отдельной проблемой выступает *несогласованность содержательных и финансовых целей* государственных проектов: «не прослеживается взаимосвязь между стратегическими целями и бюджетным процессом, отсутствует прямая и непосредственная связь между стратегическим целеполаганием и практикой формирования и реализации государственных программ, с финансированием и использованием иных ресурсов в целях реализации стратегий» [39, с. 442]. Очень четко эта проблема раскрыта на примере ГП «Социальная поддержка граждан» в работе [28]. А.Г. Коломиец полагает, что решение данной проблемы

[10] В настоящее время исполняющая обязанности Председателя Счетной палаты РФ.

[11] Для государственных программ, согласно «Правилам формирования сводного годового доклада о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации», которые были утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 15 мая 2023 г. № 752. https://docs.cntd.ru/document/1301568705. До этого действовали «Правила формирования сводного годового доклада о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации», которые были утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 июля 2019 г. № 903. https://docs.cntd.ru/document/560662721?marker=7DS0KE. Критерий успешности реализации государственной программы в обоих «Правилах...» аналогичен.

«предполагает перестройку управления государственными финансами» [24, с. 150], поскольку «в рамках Закона № 172-ФЗ нет четко установленного нормативного разграничения, позволяющего увязать стратегическое и бюджетное планирования» [3, с. 33, 35].

Последствия этой коллизии очевидны – недостаточное финансирование выступает не только в виде причины, но и в качестве алиби в случае недостижения целей проекта (как операционных, так и стратегических) для лиц, отвечающих за его выполнение.

Коллизия целей совокупности государственных проектов

История активного использования инструментов государственного проектного управления в Российской Федерации насчитывает уже почти два десятилетия: в 2005 г. было объявлено о реализации Приоритетных государственных проектов, в 2010 – о Государственных программах, в 2018 – о Национальных проектах, в 2021 г. – о Едином плане. Глядя «сверху», в целях этих проектов можно выделить несколько типов коллизий.

1. Множественность проектов, имеющая закономерным следствием значительно большую *множественность целевых параметров* [6, с. 21]. Так, в 2020 г. реализовывалось 13 национальных проектов и 43 государственные программы (см. данные в табл. 1). В 2018 г. только в рамках государственных программ Минэкономразвития РФ в качестве куратора было вынуждено отслеживать 9 208 целевых позиций[12]. «При таком множестве частных целей совершенно теряется цель общая, теряется тот образ России, который государство хотело бы воплотить» [37, с, 69].

Каковы практические *последствия множественности целей?* Весьма и весьма важные. По идее, из логики управления, МЭР должно управлять достижением целей. Но при таком количестве целевых параметров невозможно сознательно управлять достижением такого количества целей. Как максимум – это можно лишь механически отслеживать их статус, что и имеет место быть: *Минэкономразвития* занимается мониторингом показателей проектов, а не управлением проектами. То есть *из субъекта управления проектами превращается в статиста.*

2. Другой коллизией является *дублирование* различных проектов (и, как следствие, их целей), например, национальных проектов и государственных программ (что видно даже из названий проектов, представленных в табл. 1).

[12] См. Сводный годовой доклад о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации по итогам 2018 года. https://programs.gov.ru/Portal/analytics/quarter_report_to_government.

Таблица 1

Государственные программы и национальные проекты, реализовывавшиеся в 2020 г.*

Государственные программы (43)	Национальные проекты (13)
Здравоохранение	Здравоохранение
Образование	Образование
Социальная поддержка, Пенсионная система, Доступная среда (3)	Демография
Культура	Культура
Занятость	Производительность труда и занятость
Охрана окружающей среды	Экология
Жилье	Жилье и городская среда
Развитие транспорта	Безопасные и качественные автодороги, Модернизация и расширение магистральной инфраструктуры (2)
Наука и технологии + Научно-технологическое развитие (2)	Наука
Экономическое развитие	
Развитие промышленности, АПК (2)	
Развитие отраслей (10)	
	Малое и среднее предпринимательство
Информационное общество	Цифровая экономика
	Международная кооперация и экспорт
Эффективное государство (4)	
Сбалансированное региональное развитие (6)	
Национальная безопасность (6)	

* в скобках указано число проектов.
Источник: составлено автором.

Например, ГП «Научно-технологическое развитие» имеет пересекающиеся цели с как минимум шестью национальными проектами: «Развитие образования», «Содействие занятости населения», «Экономическое развитие и инновационная экономика», «Информационное общество», «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», «Сбалансированное региональное развитие» [32, с. 179].

Последствия: вследствие дублирования усилий, с одной стороны, и отсутствия координации этих усилий, с другой стороны, в этом случае имеет место неэффективная трата ресурсов (как финансовых, так и всех остальных – кадров, времени, используемого оборудования, и т. п.).

Эта коллизия была весьма актуальна до 2021 г. (до принятия так называемого Единого плана, который свел воедино и упорядочил целевые ориентиры, содержащиеся в различных государственных проектах; подробнее целеполагание в рамках Единого плана будет рассмотрено ниже).

3. Имеет место и противоположная проблема – *несогласованность целей между различными, но сходными по целям государственными проектами*.

Прежде всего, речь идет о *несогласованности целей федеральных и региональных программ и проектов* [5; 15], при этом «региональные показатели устанавливались без учета реальных возможностей субъектов в отсутствии прозрачной методики их определения» [31, с. 21].

Таблица 2

Анализ преемственности некоторых национальных целей и задач 2020 г. по сравнению с 2018 г.

Национальные цели и задачи	
май 2018 г.	**июль 2020 г.**
Обеспечение устойчивого естественного роста численности населения РФ	Сохранение населения, здоровье и благополучие людей
Вывести Россию в число пяти крупнейших экономик мира	Не предусматривается
Выйти на темпы прироста производительности не менее 5% в год	Не предусматривается
Не предусматривается	Рост инвестиций в основной капитал на уровне не менее 70% по сравнению с показателем 2020 г.
Не предусматривается	Рост экспорта несырьевых неэнергетических товаров не менее чем на 70% по сравнению с 2020 г.
Продолжительность жизни должна возрасти до 78 лет к 2024 г.	Продолжительность жизни должна возрасти до 78 лет к 2030 г.
Сократить в два раза уровень бедности в России к 2024 г.	Сократить в два раза уровень бедности в России к 2030 г.
Увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50% от их общего числа	Не предусматривается
Не предусматривается	Увеличение вложений в отечественные решения в ИТ-сфере в четыре раза по сравнению с показателем 2019 г.

Источник: [25, с. 22].

Последствия. В такой ситуации «региональная система управления столкнется с институционально обусловленной избыточной отчетностью по достижению показателей, поскольку возникнет необходимость завершить отчетность по ранее имеющимся показателям и параллельно отчитываться по новым показателям Единого плана» [12, с. 121], а также «может потенциально привести к стремлению отрапортовать о результатах, достижение которых «дорисовывается» или «фабрикуется» на разных уровнях управления» [12, с. 121].

4. Еще одной проблемой является *временная несогласованность* – слишком частая смена целевых ориентиров без должной преемственности. Цели еще не достигнуты – а их достижение уже отменили и сформулировали похожие, но другие (см. табл. 2) [25, с. 22; 12, с. 121]. «Эмпирическим путем выявляется, что пересмотр «правил игры» в сфере стратегического планирования осуществляется примерно каждые два года – при том, что горизонт планирования национальных проектов и государственных программ охватывает не менее восьми лет» [18, с. 17].

С.Н. Сильвестров с соавторами полагают, что это «служит тревожным сигналом о том, что процесс стратегического планирования ... выходит из-под контроля» [25, с. 21].

Последствия: это дезорганизует исполнителя и снижает его «КПД».

Несогласованность целей в рамках Единого плана

Последующее развитие событий показало, что власти осознают проблемы и предпринимают конкретные шаги по разрешению вышеуказанных проблем.

20 мая 2019 г. в рамках реализации 9 национальных целей, сформулированных в Указе Президента РФ № 204 от 7.05.2018 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», Правительством РФ был принят «Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года».

В развитие темы 26 мая 2021 г. было принято Постановление Правительства РФ №786 «О системе управления государственными программами Российской Федерации» (далее – Постановление №786), а 1 октября 2021 г. Распоряжением Правительства РФ № 2765-р был утвержден «Единый план по достижению национальных целей развития РФ на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года» (далее – Единый план). Единый план аккумулирует усилия правительства, средства федерального и региональных бюджетов, частные средства для решения ключевых социально-экономических задач России, интегрируя в себе содержание 46 госпрограмм, 14 национальных и 75 федеральных проектов, 42 стратегических инициатив и иных документов [23, с. 44].

Согласно замыслу, *институциональная конструкция Единого плана выступает инструментом достижения национальных целей,* сформулированных в Указе Президента РФ № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21 июля 2020 г.: «Постановка национальных целей, обеспеченных соответствующими национальными проектами, означает попытку перехода к новой модели социально-экономического развития страны – модели «больших вызовов». В структуре целей социально-экономического развития страны были выделены наиболее масштабные актуальные цели, достижение которых в очерченные сроки требует мобилизации финансовых, организационных и интеллектуальных ресурсов России и слаженной работы всех государственных и частных институтов» [18, с. 7].

Большим шагом вперед является то, что Единый план представляет собой не набор проектов, а единый мета-проект, в котором элементы национальных и федеральных проектов, а также государственных программ систематизированы и упорядочены.

Несмотря на большую проделанную работу, *проблема несогласованности целей в рамках Единого плана не была решена.*

1. Поскольку Единый план содержит еще и *региональное измерение,* ряд авторов отмечает, «что положения Единого плана в значительной мере не скоординированы с положениями стратегических планов на региональном уровне» [12, с. 120]. В некотором смысле это нормально, невозможно одномоментно решить все проблемы. С принятием Единого плана это расхождение стало еще более очевидным; это нормально, это большой и перспективный пласт сотрудничества между федеральной и региональной ветвями власти.

2. Основная идея и основное преимущество Единого плана – построение стройной иерархической системы целей (дерева целей), сводящейся к пяти национальным целям[13]. В процессе построения дерева целей происходил отбор целей. В результате *некоторые цели и целевые показатели не вошли в число национальных целей и/или в Единый план,* несмотря на то что они, по мнению некоторых ученых, являются важнейшими/критичными, часть из них входила в число национальных целей 2018 г.[14] (К числу таких целей, по мнению специалистов, относится, например, снижение смертности населения трудоспособного возраста [35, с. 734]).

[13] В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. №474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

[14] В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

3. *Сложная взаимосвязь* национальных проектов, государственных программ и иных видов проектов в рамках Единого плана:

– один национальный проект (далее – НП) может реализовываться через несколько государственных программ (примером может служить НП «Демография», реализуемый посредством ГП «Развитие образования», «Развитие физической культуры и спорта», «Социальная поддержка граждан»);
– а реализация одной государственной программы может обеспечивать выполнение нескольких национальных проектов (так, реализация ГП «Экономическое развитие и инновационная экономика» обусловливает выполнение трех НП) [3, с. 32].

Аналогичная ситуация наблюдается с федеральными проектами, федеральными целевыми программами, ведомственными программами, региональными проектами, цели которых «переплетаются».

Кроме того, такая ситуация «приводит, с одной стороны, к определенной перегрузке руководителей государственных программ, реализующих несколько национальных проектов, а с другой стороны, – к размыванию ответственности из-за нечетко выстроенной иерархии проектов и программ» [3, с. 33].

4. С принятием Постановления № 786 и утверждением Единого плана возникли две других весьма важных проблемы:

– несогласованность стратегических целей и операционных целей внутри одного проекта значительно усугубилась;
– имеет место несогласованность национальных целей и операционных целей национальных проектов и государственных программ.

Рассмотрим эти проблемы подробнее.

4.1. На примере анализа пяти государственных программ, реализуемых в рамках Единого плана и нацеленных на развитие различных отраслей экономики и промышленности в целом (см. рис.[15], размещенный в Приложении), мы видим, что *несогласованность между стратегическими и операционными целями*, относящимися к одному проекту (национальному проекту, государственной программе), *в рамках Единого плана сохранилась* в полной мере:

– выше мы уже упоминали о том, что стратегические цели ряда государственных программ (ГП «Развитие сельского хозяйства» и ГП «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности») не соответствуют названию программы, поскольку они имеют целью количественный рост и, таким образом, не предполагают развития, то есть качественных изменений;

[15] Следует отметить, что на рисунке в силу недостатка пространства отражено только по одной операционной цели для каждой ГП.

– приведенные на рисунке операционные цели госпрограмм (за исключением ГП «Развитие энергетики») не соответствуют названию и/или стратегическим целям программ, поскольку также не предполагают качественного развития, а только количественный рост. И только в ГП «Развитие энергетики» приведенная на рисунке операционная цель («Удельный расход топлива на отпуск электроэнергии») предполагает технологическое развитие.

Однако *в рамках Единого плана роль стратегических целей государственных программ (национальных проектов) кардинально изменилась* (по сравнению с ситуацией до принятия Постановления № 786).

До 2021 г. *необходимость достижения стратегических целей госпрограмм предполагалась, но их эффективное достижение не было обеспечено институциональным механизмом* (это зависело от того, насколько квалифицированно выбрана операционная цель и насколько хорошей аппроксимацией стратегической цели она является), в силу чего стратегическая цель в результате выполнения программы или проекта *могла оказаться не достигнутой* (подробнее см. выше, п. 4.1). То есть в конструкции, действовавшей до 2021 г., стратегическим целям отводилась второстепенная роль.

Согласно Постановлению № 786, «*эффективность государственных программ, по замыслу разработчиков, обеспечивается посредством их синхронизации с национальными целями,* содержанием Единого плана» [13, с. 167]. В действительности это означает, что операционные цели (показатели) госпрограмм и нацпроектов увязываются с достижением национальных целей, в результате чего *стратегические цели государственных проектов de facto выпали из процесса управления, перестали быть целями,* «результатом, на достижение которого направлено действие человека» [8].

4.2. *Несогласованность национальных целей с операционными целями национальных проектов и государственных программ,* которые должны обеспечивать достижение национальных целей.

На актуальность этой же проблемы указывает, например, С.Н. Бобков, который, сопоставляя национальные цели[16] и паспорта национальных проектов, пришел к выводу о наличии противоречий между национальными целями и операционными целями национальных проектов. Так, «выдвинутая в Указе Президента цель повышения реальных доходов граждан и снижения к 2024 г. в два раза бедности оказалась не воплощенной в национальный проект/программу, подтверждающую направленность развития России на обеспечение гражданам высоких качества и уровня жизни... Принятый Минтруда России

[16] Утверждены Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

приказ от 29 ноября 2018 г. № 748[17] свидетельствует об ограниченности подхода Правительства к реализации этих важнейших национальных целей» [7, с. 80]. Было показано, что «преодоление выявленных противоречий национальных целей и национальных проектов потребует существенной доработки действующих и формирования новых национальных проектов в части решения проблем занятости, повышения реальных денежных доходов, снижения в два раза бедности и сокращения избыточного социально-экономического неравенства» [7, с. 94].

Непосредственные *последствия* этой коллизии – то, что *при достижении операционных целей национальных проектов и государственных программ* (а именно они в действующей институциональной конструкции выступают предметом мониторинга/контроля) *национальные цели, с большой вероятностью, остаются недостигнутыми*, несмотря на то что именно национальные цели выступают приоритетом государственного управления.

На деле это означает следующее.

1. *Попытка сведения всех задач государственного развития (и, соответственно, целей госпрограмм) к пяти национальным целям является неэффективной:* потому что если стоит задача «обеспечения темпа роста ВВП страны выше среднемирового», то эта задача количественная, и повышать конкурентоспособность промышленности или конструировать и строить отечественные самолеты для этого не надо; повышение конкурентоспособности промышленности и развитие авиастроения – неадекватные, слишком дорогие, слишком медленные, дающие слишком низкую отдачу средства для повышения темпов роста экономики; эту задачу возможно гораздо легче решить другими средствами, например, добывая больше нефти и газа.

2. В действующей конструкции достижение каждой национальной цели обеспечивается посредством реализации значительного количества государственных проектов (национальных проектов, государственных программ). В силу этого становится *весьма затруднительным определить вклад каждого проекта в достижение национальной цели* (в том числе в случае, когда этот вклад недостаточен). Тем более *трудновыполнимой представляется работа по координации достижения национальных целей*, особенно с учетом того, что за реализацию разных проектов отвечают разные министерства и ведомства.

3. Привязка национальных целей к операционным целям государственных проектов происходит *a posteriori*, к уже «готовым» проектам,

[17] Приказ Минтруда РФ от 29 ноября 2018 г. № 748 «О реализации в субъектах Российской Федерации пилотных проектов, направленных на достижение до 2024 года национальных целей социально-экономического развития по повышению реальных доходов граждан, снижению уровня бедности в два раза».

поскольку изначально национальные проекты и государственные программы были разработаны для достижения иных целей. В силу этого *достижение операционных целей национальных проектов и государственных программ,* разработанных для достижения иных целей и входящих сейчас в состав Единого плана, лишь симулирует достижение национальных целей и поэтому *может не обеспечивать достижение национальных целей;* а если достижение операционных целей и содействует достижению национальных целей, то это происходит неоптимальным образом.

4. Попытка существенно уменьшить число приоритетов государственного управления была обоснованной попыткой решить насущную проблему государственного управления, «захлебывающегося» под «валом» разнородных, мало связанных друг с другом целей (см. пункт выше о множественности целей))[18]. Однако страна – слишком сложный объект управления, чтобы пяти целей, даже целей самого верхнего уровня, оказалось достаточно. Как отмечают Е.Б. Ленчук и В.И. Филатов: «Безусловно, *заявленные социальные цели крайне важны, но для будущего развития страны этого явно недостаточно.* Утвержденные во исполнение указов президента РФ и национальных проектов стратегические цели практически не затрагивают производственный потенциал национальной экономики, который как раз и формирует предпосылки экономического роста и повышения глобальной конкурентоспособности страны» [30, с. 16–17].

Если мы рассмотрим тематику государственных программ: почему при существовании ГП «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» разрабатывается ГП «Развитие авиационной промышленности»? Ведь авиационная промышленность, будучи отраслью промышленности, подпадает под действие госпрограммы о развитии промышленности вообще? Да, но этого недостаточно. И поэтому была разработана отдельная госпрограмма для развития авиационной промышленности.

Именно поэтому попытка увязать необходимость «удовлетворения потребностей российских авиаперевозчиков» в самолетах отечественного производства посредством производства и поставки определенного (планового) количества самолетов с темпами роста российской экономики является, называя вещи своими именами, профанацией.

Целей должно быть столько, сколько нужно. Стратегических целей, являющихся истинной целью государственного управления, как минимум должно быть не меньше числа государственных программ.

---

[18] При этом следует отметить, что *попытка кардинально сократить число целей* государственного управления до пяти в действительности *не увенчалась успехом* – потому что пять национальных целей – это «вершина айсберга» Единого плана, который содержит много тысяч целевых параметров (включающих мероприятия и контрольные точки).

5. Поскольку показатели увязаны теперь с национальными целями, роль стратегических целей кардинально изменилась. Стратегические цели продолжают фигурировать в паспорте программы. Но теперь они играют только роль «изначального импульса» при выборе операционных целей. При этом реалии таковы, что, как отмечалось выше, операционные цели могут не соответствовать стратегическим целям. Однако в данной конструкции это соответствие никого не волнует, потому что критичным здесь выступает указание на национальную цель.

Благодаря увязке показателей госпрограмм с национальными целями *стратегические цели* государственных проектов/программ (повышение конкурентоспособности промышленности, развитие авиационной промышленности и удовлетворение потребностей авиаперевозчиков, и т. п.) *выпали из поля зрения государственного управления.* А это критично. Потому что, повторюсь, *именно достижение стратегических целей, решение конкретных социально-экономических проблем и задач,* число которых явно более пяти, *является истинной целью государственного управления.*

В действующей институциональной конструкции достижение стратегических целей государственных проектов/программ не предусмотрено, только национальных. А национальных целей только пять, что недостаточно для полноценного социально-экономического развития страны.

То есть конструкция, предусмотренная Постановлением № 786, в попытке решить одну проблему, создала другие проблемы, не менее значимые и не менее насущные, которые настоятельно требует своего решения.

В противном случае у нас проблемы повышения конкурентоспособности российской промышленности и развития отечественного авиастроения никогда не будут решены.

Несогласованность целей государственного управления проектами и государственной экономической политики

Отдельной проблемой выступает несогласованность целей государственных проектов с целями макроэкономической политики. В данном вопросе можно выделить два аспекта.

1. *Несогласованность целей макроэкономической политики и национальных целей.* Типичным примером является последовательная жесткая монетарная политика Центрального банка РФ, одним из излюбленных инструментов которой является повышение ключевой ставки. Так, 30 октября 2023 г. ключевая ставка была поднята до 15%. Такая политика препятствует достижению по крайней мере трех из пяти национальных целей:

– цели «Комфортная и безопасная среда для жизни», в рамках которой предусматривается улучшение жилищных условий не менее

5 млн семей ежегодно. В текущих условиях приобретение квартиры становится практически невозможным: в ответ на повышение ключевой ставки банки закономерно изменили условия по потребительским кредитам. Так, уже через день после демарша Центробанка, 1 ноября 2023 г. ВТБ объявил о повышении ставки по рыночным ипотечным программам. Ставка по ипотеке начинается в ВТБ с 16,4%[19]. Это означает, что чтобы приобрести хотя бы не очень большую квартиру, для которой требуется кредит размером, например, 10 млн руб., человек должен выплачивать по 137,7 тыс. руб. в месяц в течение 30 лет. Лишь весьма небольшая часть нашего населения в состоянии выплачивать по кредиту 137,7 тыс. руб. в месяц (кроме того, людей с такими доходами вряд ли удовлетворит квартира за 10 млн руб.).

– Кроме того, это означает, что практически всю трудовую жизнь человек должен работать «на квартиру» (взяв в кредит, например, 10 млн. руб, по таким ставкам он должен будет вернуть банку 49,5 млн. руб, то есть в 4,95 раза больше, чем он взял), ограничивая себя во всем: в качественном отдыхе и культурном досуге, в рождении детей, etc. Таким образом, политика Центробанка одновременно препятствует достижению другой национальной цели – «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей», предполагающей обеспечение устойчивого роста численности населения Российской Федерации.
– В рамках национальной цели «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство» стоит задача «обеспечения темпа роста валового внутреннего продукта страны выше среднемирового при сохранении макроэкономической стабильности»[20] (для справки: в 2022 г. мировая экономика выросла на 3,3%[21]). Очевидно, что брать новые кредиты на развитие и расширение производства под такой процент можно только от безвыходности. Но и в этом случае результат очевиден. Как заявил вице-президент АВТОВАЗа по внешним связям и взаимодействию с акционерами Сергей Громак: «в следующем году в связи с ростом ставок расходы на обслуживание кредитов составят уже 17 млрд руб. ... Эти деньги, которые в связи с ростом ключевой ставки мы вынуждены будем отдать банкам, мы, по сути, изымаем из нашей инвестици-

[19] ВТБ повышает ставки по рыночным ипотечным программам. 01.11.2023. https://frankmedia.ru/144434.

[20] В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. №474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

[21] https://www.interfax.ru/business/905188.

онной программы, из проектов по обновлению модельного ряда. Это, конечно, влечет снижение конкурентоспособности»[22].

2. *Несогласованность целей документов стратегического планирования и целей, зафиксированных в государственных проектах* (национальных проектах, государственных программах). В теории «государственные программы, охватывающие приоритеты в различных сферах экономики, должны быть согласованы с приоритетами макроэкономической политики и «работать» на их обеспечение» [40, с. 149]. На практике же зачастую наблюдается «недостаточная обоснованность целей и задач программ, обеспечивающих решение наиболее важных проблем, формирующих наиболее перспективные направления социально-экономического развития» [36, с. 288].

Р.Р. Гумеров подробно разбирает подобные прецеденты в своей работе [18], сопоставляя Доктрину продовольственной безопасности[23] и Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия[24]. В частности, он отмечает, что основной индикатор ГП (Индекс производства продукции сельского хозяйства) «не отражает ни один из основных критериальных признаков продовольственной безопасности и лишь косвенным образом характеризует ее состояние. ... Использование индекса производства продукции и ему подобных показателей в качестве целевого индикатора государственной программы – типичный пример смешения постоянных (процессных) функций государственного управления с проектными функциями, когда управление нацелено на решение конкретной, уникальной задачи и получение специфических результатов в ограниченные сроки» [18, с. 13].

«В национальном проекте «Международная кооперация и экспорт» поставлена другая амбициозная цель – увеличения к 2025 г. экспорта продукции агропромышленного комплекса по сравнению с 2017 г. в 2,1 раза (рост должен составить 210,6%). ... При этом рост валовой продукции сельского хозяйства в этот же период должен составить 116,3%. Таким образом, развитие отечественного АПК принимает ярко выраженную экспортоориентированную направленность. Выбор подобной модели выглядит по крайней мере спорным при наличии почти 19 млн недоедающих граждан и при поставленной цели за этот же период вдвое сократить бедность» [18, с. 13–14].

[22] Госкомпании попросили субсидировать кредиты на фоне роста ключевой ставки. 01.11.2023. https://www.rbc.ru/economics/01/11/2023/6541026c9a79478b29c360a0?from=column_2.

[23] Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 года №20.

[24] Утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июля 2012 г. № 717.

На аналогичные проблемы в области развития машиностроения указывают в своей работе Л.В. Оболенская и Е.Л. Морева [33].

Все вопросы, поставленные в этом пункте, требуют настоятельного решения.

Выводы

1. Коллизия целей в государственном управлении проектами является одной из значимых причин неудовлетворительного качества государственного управления. Изучение проблемы позволило предложить типологию несогласованности таких целей, которая приведена в табл. 3.

Таблица 3

Типы несогласованности целей в государственном управлении проектами

Где наблюдается	Содержание коллизии
В рамках одного проекта	Между стратегическими и операционными целями
	Между названием и целями проекта
	Между содержательными и финансовыми целями проекта
В совокупности проектов ГУ	Множественность целевых параметров совокупности проектов
	Дублирование целей в разных проектах
	Наличие разных, но сходных по целям проектов
	Между национальными целями и целями государственных проектов (до 2021 г.)
	Временная несогласованность: слишком частая смена целевых ориентиров
В Едином плане	Между Единым планом и региональными программами
	Некоторые критичные цели не вошли в Единый план
	Сложная взаимосвязь национальных проектов, государственных программ и иных видов проектов в рамках Единого плана
	Стратегические цели государственных проектов/программ выпали из поля зрения государственного управления
Между целями экономической политики и проектами ГУ	Между целями макроэкономической политики и национальными целями
	Между целями документов стратегического планирования и целями государственных проектов

Источник: составлено автором.

2. Особенно критичными в этом списке представляется следующее:
– несогласованность стратегических и операционных целей в рамках одного проекта/программы, в результате чего достижение операционных целей проекта не обеспечивает достижение стратегических целей проекта, в то время как достижение стратегических целей является действительной целью государственного управления;
– то, что в конструкции Единого плана стратегические цели государственных проектов и программ de facto перестали быть целями государственного управления, достижение стратегических целей государственных проектов/программ в рамках Единого плана не предусмотрено;
– в Едином плане предусмотрено достижение только национальных целей. А национальных целей только пять, что недостаточно для полноценного и всестороннего социально-экономического развития страны;
– с другой стороны, поскольку привязка национальных целей происходит к уже «готовым» проектам, которые изначально составлялись для достижения совершенно иных целей, то достижение операционных целей данных проектов совершенно не гарантирует достижение национальных целей.

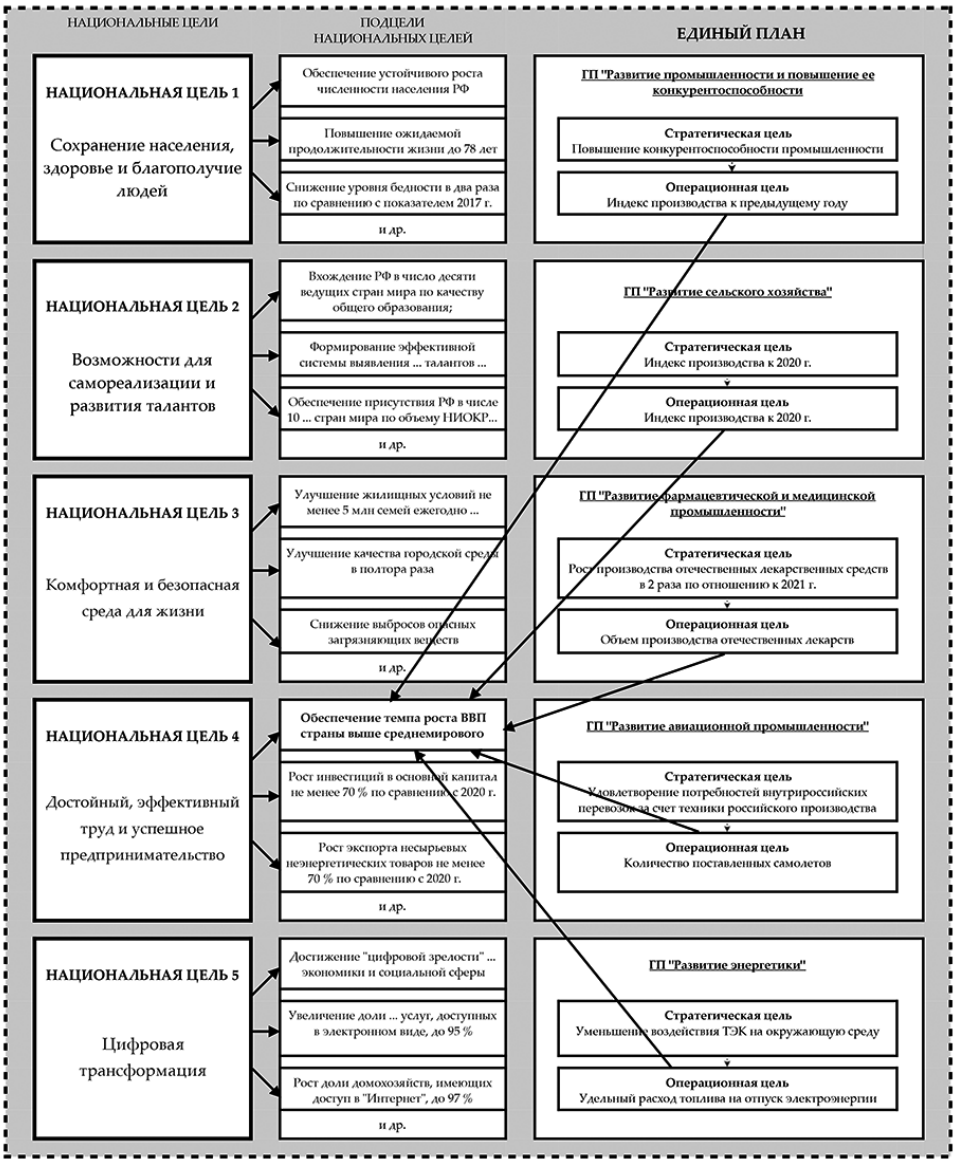
То есть конструкция, предусмотренная Постановлением № 786, в попытке решить одну проблему, создала другие проблемы, не менее значимые и не менее насущные, которые настоятельно требуют своего решения.

В противном случае проблемы повышения конкурентоспособности российской промышленности (ГП «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности») и развития отечественного авиастроения (ГП «Развитие авиационной промышленности») никогда не будут решены. А реализация госпрограмм и иных госпроектов будет вместо этого симулировать достижение национальных целей. При этом национальные цели тоже могут быть не достигнуты.

3. Каждый случай несогласованности целей в государственном управлении проектами требует своего решения, поскольку каждый из них снижает качество государственного управления.

Соответственно, для каждого случая коллизии целей необходимо проанализировать причины, ее (коллизию) породившие, а также практические возможности для ее разрешения, на основании чего станет возможным представить рекомендации для решения имеющейся проблемы. Мы надеемся это сделать в нашем следующем исследовании. Забегая вперед, укажем, что многие из этих коллизий имеют институциональные корни.

Приложение

Источник: составлено автором.

Рис. Схематическое изображение связей национальных целей и целей Единого плана (указана лишь небольшая часть целей)

ЛИТЕРАТУРА

1. *Астафьева А.Д.* Пути совершенствования современной системы государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства // Экономика и предпринимательство. 2016. №8. С. 312–315.
2. *Афиногенов Д.А., Кочемасова Е.Ю., Сильвестров С.Н.* Стратегическое планирование: проблемы и решения // Мир новой экономики. 2019. № 13(2). С. 23–31. DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-2-23-31.
3. *Бауэр В.П., Ерёмин В.В., Смирнов В.В.* Проектный подход к согласованию бюджетных процедур и ресурсного обеспечения реализации национальных проектов// Экономика. Налоги. Право. 2020. №13(3). С. 28–41. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-3-28-41.
4. *Беляков С.А., Куклин В.Ж., Токарева Г.С.* Анализ целей и задач региональных программ развития образования // Экономика образования. 2015. № 2. С. 81–91.
5. *Беляевская-Плотник Л.А., Сорокина Н.Ю.* Синхронизация приоритетов социально-экономического развития Российской Федерации и регионов в документах стратегического планирования // Региональная экономика. Юг России. 2022. Т. 10, № 1. С. 16–26. DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2022.1.2.
6. *Блохин А.А., Адамян Э.А., Китаев А.Е., Миронова И.И.* Сравнительные оценки параметров целей государства и других субъектов управления российской экономикой // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2019. № 2. С. 3–25.
7. *Бобков В.Н.* Теоретико-методологические подходы к разрешению противоречий национальных целей и национальных проектов // Научные труды Вольного экономического общества. 2019. №3. С. 77–99.
8. Большая психологическая энциклопедия / [А.Б. Альмуханова и др.]. М.: Эксмо, 2007.
9. *Братченко С.А.* Качество государственного управления: теоретический, методологический и институциональный аспекты: Доклад. М.: Институт экономики РАН, 2021.
10. *Братченко С.А.* Качество управления и результативность в практике государственного управления (на примере управления государственными программами) // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 10–1. С. 247–260.
11. *Братченко С.А.* Целеполагание в государственных программах в зеркале российской научной литературы // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2023. № 3. С. 55–64.
12. *Бушенева Ю.И.* Проблемы декомпозиции показателей Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации в региональной экономической политике // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 6. С. 118–124. https://doi.org/10.24158/pep.2023.6.16.
13. *Гегедюш Н.С.* Современные подходы к управлению государственными программами в контексте повышения результативности и эффективности бюджетных расходов // Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2022. Т. 9. №2. С. 162–171.
14. *Глазьев С.Ю., Ивантер В.В., Макаров В.Л., Некипелов А.Д., Татаркин А.И., Гринберг Р.С. и др.* О стратегии развития экономики России // ЭНСР. 2011. № 3(54).
15. *Глухих П.Л.* Политика регионального развития: анализ государственных приоритетов // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2014. № 20. С. 23–27.

16. *Городецкий А.Е., Зиядуллаев Н.С.* Трансформация экономики и общества: приоритеты национальной безопасности и российские реалии // Общество и экономика. 2019. №9. С. 5–19.
17. *Грей К.Ф., Ларсон Э.У.* Управление проектами: Практическое руководство. М.: Издательство «Дело и Сервис», 2003.
18. *Гумеров Р.Р.* Реализация национальных целей в предлагаемой модели стратегического народно-хозяйственного планирования // Российский экономический журнал. 2019. № 5. С. 3–24.
19. *Гумеров Р.Р., Гусева Н.В., Солнцева Л.И.* Оценка качества государственных программ: итоги апробации многокритериальной модели (результаты, проблемы, возможности) // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2021. № 4. С. 28–38.
20. *Зобнин Ю.А., Линг В.В.* Проблемы стратегического планирования развития банковской системы Российской Федерации // Экономика и предпринимательство. 2015. № 10-1. С. 107–113.
21. *Казакова С.М., Климанов В.В.* Трансформация целей развития Арктической зоны Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 96–110. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-96-110.
22. *Казанцев С.В.* Подход к оценке осуществления национальных целей // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник: материалы XX Национальной научной конференции с международным участием. М.: ИНИОН, 2021. Вып. 16. Ч. 1. С. 142–146.
23. *Козлова С.В., Братченко С.А., Свирина Л.Н., Грибанова О.М.* Эффективность и качество управления государственным имуществом в контексте национальных целей // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 5. С. 31–56.
24. *Коломиец А.Г.* К новому качеству управления государственными финансами // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 2. С. 147–161.
25. *Крупнов Ю.А., Сильвестров С.Н., Старовойтов В.Г.* Проблемы и противоречия стратегического планирования // Российский экономический журнал. 2022. № 6. С. 15–30. https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-6-15-30.
26. *Лебедева М.А.* Проблемы реализации национального проекта «Экология» в Российской Федерации // Журнал экономических исследований. 2022. № 6. С. 17–24.
27. *Лебедева Н.А.* Проблемы и особенности реализации Транспортной стратегии Российской Федерации до 2035 года // Научный результат. Экономические исследования. 2023. № 2. С. 74–84.
28. *Лев М.Ю., Колпакова И.А.* Бюджетные факторы реализации государственных программ и национальных проектов в системе экономической и социальной безопасности России // Экономика, предпринимательство и право. 2020. № 5. С. 1521–1534.
29. *Ленчук Е.Б.* Стратегическое планирование в России: проблемы и пути решения // Инновации. 2020. № 2. С. 24–28.
30. *Ленчук Е.Б., Филатов В.И.* Стратегическое планирование как инструмент снижения неопределенности в условиях глобальной экономической трансформации //Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 4. С. 7–24.

31. *Мартыненко С.В.* Как контролировать достижение национальных целей // Журнал «Бюджет». 2020. №1. С. 20–22.
32. *Наумов С.Н., Сорокин И.А.* Оценка государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» на предмет соответствия национальным целям развития Российской Федерации на период до 2024 года // Друкеровский вестник. 2020. № 1. С. 168–182.
33. *Оболенская Л.В., Морева Е.Л.* Проблема согласованности целей в документах стратегического планирования на примере машиностроительного комплекса // Безопасность бизнеса. 2021. №4. С. 3–8.
34. *Охотский Е.В., Фролов С.С.* Качество целеполагания – базовое условие эффективного государственного управления // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2020. № 1. С. 21–42.
35. *Перхов В.И., Корхмазов В.Т.* Реализация национального проекта «Здравоохранение» в условиях пандемии COVID-19 // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2022 г. № 5. С. 725–742.
36. *Савкина Р.В.* Национальные проекты в системе мер по достижению целей эффективного развития экономики // Инновации и инвестиции. 2020. № 4. С. 287–293.
37. *Сафронов А.В.* Основные организационные условия реализации долгосрочных планов развития России // Идеи и идеалы. 2015. № 1. С. 68–80.
38. *Сильвестров С.Н., Крупнов Ю.А., Старовойтов В.Г.* Определение и реализация национальных целей развития в российском стратегическом планировании // Российский экономический журнал. 2021. № 1. С. 32–44.
39. *Смирнова О.О., Бочарова Л.К., Беляевская-Плотник Л.А., Богданова Ю.Н.* Концептуальные подходы к формированию архитектуры документов стратегического планирования в России // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2019. Т. 10. № 4. С. 440–456. https://doi.org/10.18184/2079-4665.2019.10.4.440-456.
40. *Сухарев О.С.* Институциональная инфраструктура согласования национальных стратегических приоритетов и государственных программ // Научные труды ДонНТУ. Серия: экономическая. 2011. Вып. 40-1. С. 148–155.
41. Управление проектами: фундаментальный курс: учебник / А.В. Алешин, В.М. Аньшин, К.А. Багратиони и др.; под ред. В.М. Аньшина, О.Н. Ильиной; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013.
42. *Хотулёв Е.Л., Наумов С.Н., Блохин А.А.* Новые вызовы программно-целевого управления: поиск ответов и решений: научный доклад / Е.Л. Хотулёв, С.Н. Наумов, А.А. Блохин; Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития России. М.: ВАВТ, 2019.
43. *Doran G.T.* There's a S.M.A.R.T. way to write management goals and objectives // Management Review. 1981. Vol. 70. No. 11. Pp. 35–36.
44. *Newton R.* Project Management Step by Step: How to Plan and Manage a Highly Successful Project. Pearson Education. 2016.
45. *Portny S.E.* Project Management For Dummies. Wiley Publishing, Inc. 2007.

REFERENCES

1. *Astafyeva A.D.* Ways to improve the modern system of state support for small and medium-sized businesses // Economics and entrepreneurship. 2016. No. 8. Pp. 312–315. (In Russ.)
2. *Afinogenov D.A., Kochemasova E.Yu., Silvestrov S.N.* Strategic planning: problems and solutions // The world of the new economy. 2019. No.13(2). Pp. 23–31. DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-2-23-31. (In Russ.)
3. *Bauer V.P., Eremin V.V., Smirnov V.V.* Project approach to the coordination of budget procedures and resource support for the implementation of national projects. Economy. Taxes. Right. 2020. №13(3). Pp. 28-41. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-3-28-41. (In Russ.)
4. *Belyakov S.A., Kuklin V.Zh., Tokareva G.S.* Analysis of goals and objectives of regional education development programs // Economics of Education 2015. No. 2. Pp. 81–91. (In Russ.)
5. *Belyaevskaya-Plotnik L.A., Sorokina N.Y.* Synchronization of priorities of socio-economic development of the Russian Federation and regions in strategic planning documents // Regional economy. South of Russia. 2022. Vol. 10. No. 1. Pp. 16–26. DOI: https://doi.org/10.15688/re .volsu.2022.1.2. (In Russ.)
6. *Blokhin A.A., Adamyan E.A., Kitaev A.E., Mironova I.I.* Comparative estimates of the parameters of the goals of the state and other subjects of management of the Russian economy // Bulletin of the Moscow University. Series 6. Economy. 2019. No. 2. Pp. 3–25. (In Russ.)
7. *Bobkov V.N.* Theoretical and methodological approaches to resolving contradictions between national goals and national projects // Scientific works of the Free Economic Society. 2019. No. 3. Pp. 77–99. (In Russ.)
8. The Great Psychological Encyclopedia / [A.B. Almukhanova et al.]. M.: Eksmo, 2007. (In Russ.)
9. *Bratchenko S.A.* The quality of public administration: theoretical, methodological and institutional aspects: Report. M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2021. (In Russ.)
10. *Bratchenko S.A.* Management quality and effectiveness in public administration practice (on the example of state program management) // Economy: yesterday, today, tomorrow. 2021. No. 10-1. Pp. 247–260. (In Russ.)
11. *Bratchenko S.A.* Goal-setting in state programs in the mirror of Russian scientific literature // Management and business administration. 2023. No. 3. Pp. 55–64. (In Russ.)
12. *Busheneva Yu.I.* Problems of decomposition of indicators of the Unified Plan for achieving the national development goals of the Russian Federation in regional economic policy // Society: politics, economics, law. 2023. No. 6. Pp. 118–124. https://doi.org/10.24158/pep.2023.6.16. (In Russ.)
13. *Gegedyush N.S.* Modern approaches to the management of state programs in the context of improving the effectiveness and efficiency of budget expenditures // Bulletin of the RUDN. Series: State and Municipal Administration. 2022. Vol. 9. No. 2. Pp. 162–171. (In Russ.)
14. *Glazyev S.Yu., Ivanter V.V., Makarov V.L., Nekipelov A.D., Tatarkin A.I., Grinberg R.S., etc.* About the strategy of development of the Russian economy // ENSR. 2011. No. 3(54).

15. *Glukhikh P.L.* Regional development policy: Analysis of state priorities // Strategy of sustainable development of Russian regions. 2014. No. 20. Pp. 23–27. (In Russ.)
16. *Gorodetsky A.E., Ziyadullaev N.S.* Transformation of economy and society: priorities of national security and Russian realities // Society and Economy. 2019. No. 9. Pp. 5–19. (In Russ.)
17. *Gray K.F., Larson E.U.* Project management: A practical guide. M.: Publishing House "Business and Service". 2003. (In Russ.)
18. *Gumerov R.R.* Implementation of national goals in the proposed model of strategic national economic planning // Russian Economic Journal. 2019. No. 5. Pp. 3–24. (In Russ.)
19. *Gumerov R.R., Guseva N.V., Solntseva L.I.* Evaluation of the quality of state programs: results of testing a multi-criteria model (results, problems, opportunities) // Management and business administration. 2021. No. 4. Pp. 28–38. (In Russ.)
20. *Zobnin Yu.A., Ling V.V.* Problems of strategic planning of the development of the banking system of the Russian Federation // Economics and entrepreneurship. 2015. No. 10-1. Pp. 107–113. (In Russ.)
21. *Kazakova S. M., Klimanov V. V.* Transformation of the development goals of the Arctic zone of the Russian Federation // State and municipal administration. Scientific notes. 2022. No. 1. Pp. 96–110. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-96-110. (In Russ.)
22. *Kazantsev S.V.* Approach to assessing the implementation of national goals / Russia: trends and prospects of development. Gentes sordes: massae Vestrae Rectae Rectae in praedestinatione laborantes laborantes. M.: INION. 2021. Issue 16. Part 1. Pp. 142–146. (In Russ.)
23. *Kozlova S.V., Bratchenko S.A., Svirina L.N., Gribanova O.M.* Efficiency and quality of state property management in the context of national goals // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2021. No. 5. Pp. 31–56. (In Russ.)
24. *Kolomiets A.G.* Towards a new quality of public finance management // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2020. No. 2. Pp. 147–161. (In Russ.)
25. *Krupnov Yu.A., Silvestrov S.N., Starovoitov V.G.* Problems and contradictions of strategic planning // Russian Economic Journal. 2022. No. 6. Pp. 15–30. https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-6-15-30. (In Russ.)
26. *Lebedeva M.A.* Problems of implementation of the national project "Ecology" in the Russian Federation // Journal of Economic Research. 2022. No. 6. Pp. 17–24. (In Russ.)
27. *Lebedeva N.A.* Problems and features of the implementation of the Transport strategy of the Russian Federation until 2035 // Scientific result. Economic research. 2023. No. 2. Pp. 74–84. (In Russ.)
28. *Lev M.Yu., Kolpakova I.A.* Budgetary factors of implementation of state programs and national projects in the system of economic and social security of Russia // Economics, entrepreneurship and law. 2020. No. 5. Pp. 1521–1534. (In Russ.)
29. *Lenchuk E.B.* Strategic planning in Russia: problems and solutions // Innovation. 2020. No. 2. Pp. 24–28. (In Russ.)
30. *Lenchuk E.B., Filatov V.I.* Strategic planning as a tool for reducing uncertainty in the context of global economic transformation //Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences No. 4. 2023. C. 7–24. (In Russ.)
31. *Martynenko S.V.* How to control the achievement of national goals // Journal budget. 2020. No. 1. Pp. 20–22. (In Russ.)

32. *Naumov S.N., Sorokin I.A.* Evaluation of the state program of the Russian Federation "Scientific and technological development of the Russian Federation" for compliance with the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2024 // Drukerovsky Vestnik. 2020. No. 1. Pp. 168–182. (In Russ.)
33. *Obolenskaya L.V., Moreva E.L.* The problem of consistency of goals in strategic planning documents on the example of a machine-building complex // Business security. 2021. No. 4. Pp. 3–8. (In Russ.)
34. *Okhotsky E.V., Frolov S.S.* The quality of goal–setting is the basic condition for effective public administration // Bulletin of the Moscow University. Ser. 21. Management (state and society). 2020. No. 1. Pp. 21–42. (In Russ.)
35. *Perkhov V.I., Korkhmazov V.T.* Ruinas vestrae vestrae viris vestrae crucifiguntur uterinorum "asinorum" positus est insensatus covid-19 / Uoluit nunc uvas vescuntur et paria lepra. 2022. No. 5. Pp. 725–742. (In Russ.)
36. *Savkina R.V.* National projects in the system of measures to achieve the goals of effective economic development // Innovations and investments. 2020. No. 4. Pp. 287–293. (In Russ.)
37. *Safronov A.V.* The main organizational conditions for the implementation of long-term development plans of Russia // Ideas and ideals. 2015. No. 1. Pp. 68–80. (In Russ.)
38. *Silvestrov S.N., Krupnov Yu.A., Starovoitov V.G.* Definition and implementation of national development goals in Russian strategic planning // Russian Economic Journal. 2021. No. 1. Pp. 32–44. (In Russ.)
39. *Smirnova O.O., Bocharova L.K., Belyaevskaya-Plotnik L.A., Bogdanova Yu.N.* Conceptual approaches to the formation of the architecture of strategic planning documents in Russia // MIR (Modernization. Innovation. Development). 2019. Vol. 10. No. 4. Pp. 440–456. https://doi.org/10.18184/2079-4665.2019.10.4.440-456 (In Russ.)
40. *Sukharev O.S.* Institutional infrastructure of coordination of national strategic priorities and state programs // Scientific works of DonNTU. Series: economic. 2011. Issue 40-1. Pp. 148–155. (In Russ.)
41. Project management: fundamental course: textbook / A.V. Aleshin, V. M. Anshin, K. A. Bagrationi, etc.; edited by V.M. Anshin, O.N. Ilyina; National research university "Higher School of Economics". Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2013. (In Russ.)
42. *Khotulev E.L., Naumov S.N., Blokhin A.A.* New challenges of program-target management: search for answers and solutions: scientific report / E.L. Khotulev, S.N. Naumov, A.A. Blokhin; All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of Russia. M.: VAVT, 2019. (In Russ.)
43. *Doran G.T.* There's a S.M.A.R.T. way to write management goals and objectives // Management Review. 1981. Vol. 70. No. 11. Pp. 35–36.
44. *Newton R.* Project Management Step by Step: How to Plan and Manage a Highly Successful Project. Pearson Education. 2016.
45. *Portny S. E.* Project Management For Dummies. Wiley Publishing, Inc. 2007.

Дата поступления рукописи: *16.10.2023 г*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Братченко Светлана Анатольевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-5066-0678
svetlana.bratchenko@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Svetlana A. Bratchenko – Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-5066-0678
svetlana.bratchenko@gmail.com

INCONSISTENCY OF GOALS IN STATE GOVERNANCE

In the scientific literature devoted to goal-setting in state governance, the fact of inconsistency of goals is quite often noted. The object of this study is goal-setting in state projects, such as The unified plan for achieving national development goals…, national and federal projects, state programs, etc. The study of the problem allowed the author to propose a typology of inconsistency in the goals of state project administration. In total, 14 different types of goal collisions were identified in the state project administration. Each case of goal inconsistency in state governance requires its own solution, since each of them reduces the quality of state governance. The inconsistency of national, strategic and operational goals within The unified plan… is particularly critical, as it may result in failure to achieve both the strategic goals of individual projects/programs and national goals.

Keywords: *quality of state governance, goals of state governance, state project administration, state program, national project, inconsistency of goals, conflict of goals, strategic and operational goals, national goals.*

JEL: E65; H43; H83.

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

П.А. ОРЕХОВСКИЙ
доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

СОВЕТСКИЙ СТРУКТУРАЛИЗМ: Е. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, С. СТРУМИЛИН, Н. ВОЗНЕСЕНСКИЙ, Ю. ЯРЕМЕНКО

Структурализм — относительно молодое направление экономических исследований, однако в России он уже имеет свою историю. Первые споры вокруг темпов и пропорций советской экономики начались еще в 1920-х годах. Дискуссии между «генетиками» и «телеологами» велись тогда достаточно открыто. Генетики отстаивали традиционалистский подход, опираясь на исчерпание восстановительного импульса и необходимости возвращения страны к «нормальным», среднемировым темпам роста и норме накопления в 16–18%. Телеологи, опираясь на «закон социалистического накопления» и «теорию двух регуляторов», были уверены в возможностях ускоренного развития, даже «отправной вариант» первой пятилетки предусматривал достижение нормы накопления более 20%. И в конце концов, несмотря на чудовищные ошибки большевистского руководства, допущенные при проведении коллективизации, телеологи оказались правы. Вторая пятилетка была более успешной — плановая норма накоплений была снижена, увеличен выпуск товаров народного потребления, от карточек удалось перейти к плановому товарообороту. Идея ускоренного развития и открытие закона социалистического накопления принадлежала Е. Преображенскому, но реализация, в том числе через плановые расчеты, осуществлялась С. Струмилиным, а с третьей пятилетки — Н. Вознесенским. Окончание послевоенного периода и смерть И. Сталина ознаменовала конец «адаптационной модернизации». Планы восьмой пятилетки по опережающему росту отраслей группы «Б» над группой «А» оказались сорваны. К концу 1970-х годов экономика СССР свалилась в неизбежную стагнацию. Экономисты того времени давали алармистские прогнозы о падении темпов роста и предлагали мероприятия по выходу из кризиса, но все они носили паллиативный характер. В это же время появляется структуралистская теория «многоуровневой экономики» Ю. Яременко, содержащая целый ряд «еретических положений», противоречащая как марксизму, так и неоклассическому «мейнстриму». Несмотря на свою плодотворность, она была проигнорирована как плановиками, так и советским руководством.

Ключевые слова: *структурализм, нэп, генетики, затухающая кривая, телеологи, структурный кризис, многоуровневая экономика.*

УДК: 330.35, 338(091)

EDN: LFGKKN

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_109_133

Введение

Структурализм – относительно молодое направление в экономической теории. Конечно, подавляющее большинство экономистов признает большую важность структурных сдвигов для экономического развития. Тем не менее одновременно с этим большинство экономистов – назовем их традиционалистами – используют модели экономического роста, где центральными факторами являются капитал, рабочая сила и природные ресурсы. Для структуралистов же главной причиной роста является так называемая «*совокупная производительность*» факторов, которая, в свою очередь, определяется именно отраслевой, пространственной и институциональной структурами экономики.

Пояснить вышеприведенное различие можно на примере старого спора о механизме послевоенного роста между Э. Деннисоном, использовавшем традиционное маржиналистское объяснение, и структуралистами. Характеризуя этот спор, историк Г. Ван дер Вее указывает: «Деннисон предположил, что из-за недостаточно оптимального использования ресурсов реальная эффективность производства может быть ниже, чем его потенциал. Устранив этот "зазор", можно придать экономике дополнительный импульс развития и посредством этого изменить структуру экономики. Используя в своих исследованиях этот динамический элемент, Деннисон, таким образом, признал факт нестабильности экономического роста.

Это положение составляет "сердцевину" концепции структуралистов. Один из них, Ингмар Свеннисон, использовал эти подходы в своем исследовании межвоенного экономического развития. Для экономистов этого направления экономический рост не сводится к увеличению национального продукта в полной гармонии с технологическим прогрессом. Наоборот, такой рост сопровождается постоянным изменением составляющих производства. Он выражает подъем и упадок промышленных отраслей и постоянное перераспределение труда и капитала между различными секторами экономики и географическими регионами…

Джон Корнволл, Агнус Мэддисон и Герхард Менш использовали структурный и динамический подходы в своих исследованиях экономического роста Запада после войны. Главный вопрос, который встает при использовании структурного подхода, – в какой степени труд и капитал проявляют гибкость и мобильность, необходимые для развития, поддержки и ускорения изменения экономической структуры? Уже сама постановка этого вопроса ставит под сомнение арифметику роста Деннисона, который исходил из факта существования гибкого и мобильного состояния труда и капитала» [2, с. 96–98].

Среди советских экономистов не было открытых сторонников неоклассических моделей роста, хотя экономисты-математики, принадлежавшие к школе системы оптимального функционирования экономики (СОФЭ), использовали такие модели. О соответствующих дискуссиях в среде экономистов-математиков пойдет речь в разделе, посвященном Ю.В. Яременко. Намного более распространенными были относительно простые, двухсекторные модели, опиравшиеся на схемы воспроизводства К. Маркса. Хотя следует подчеркнуть, что в 1920-х годах, когда велись первые активные дискуссии, посвященные темпам и пропорциям советской экономики, часть выдающихся исследователей, таких как А. Чаянов, Н. Кондратьев, В. Громан, использовали инструментарий анализа, близкий к неоклассическому подходу. Тем не менее их представления о замедлении экономического роста, конечно же, не были связаны с неоклассическими моделями. Так, хорошо известная производственная функция Кобба–Дугласа получает распространение в конце 1920-х годов, когда дискуссии экономистов в СССР уже начинают сворачиваться по политическим причинам.

Наряду с уже упомянутой марксовой двухсекторной моделью в СССР применялся балансовый метод. Последний, с некоторой натяжкой, можно рассматривать как специфическую интерпретацию «частичного равновесия» (достигаемого на отраслевых рынках) А. Маршалла. Иногда в работах того времени можно встретить апелляции и к общему равновесию, но оно понималось скорее как своеобразный упрощенный аналог формулы всеобщего денежного обращения и использовалось для оценок (и управления) инфляцией в рамках количественной теории денег. Это имело мало общего с моделями роста на основе межотраслевого баланса В. Леонтьева, которые стали использоваться в СССР только в 1960-е годы. В связи с этим деление советских экономистов времен нэпа на «традиционалистов» и «структуралистов» можно применять только с большой долей условности.

В экономической истории, как, впрочем, и в истории советской экономической мысли, особый интерес представляют два периода. Один из них – период нэпа и перехода к первой пятилетке: именно тогда велись наиболее острые и плодотворные дискуссии. Второй период – конец 1960-х – 1970-е годы – оценивается историками как «период застоя». По нашему мнению, в обоих периодах наблюдалось то, что в современной экономической теории определяют термином «структурный кризис». Однако в первом случае советские экономисты и хозяйственные руководители смогли относительно успешно, несмотря на чудовищные ошибки политического руководства, провести структурную перестройку. Во втором же случае этого сделать не удалось, что – опять-таки в сочетании с большими политическими ошибками – привело к краху СССР.

В эти периоды в СССР работало большое количество талантливых экономистов, которые, безусловно, внесли важный вклад в развитие теории и практики. В то же время, по нашему мнению, в такие переломные эпохи есть фигуры ученых, которые можно назвать «ключевыми». Они становятся таковыми в силу того, что высказывают какие-то принципиальные позиции, следование или отказ от которых в очень большой мере предопределяет успех или неудачу экономической политики руководства страны. При этом, с точки зрения «изощренности» выдвигаемых ими теоретических концепций, они могут как уступать, так и превосходить своих современников. Однако последние, развивая, например, концепцию «длинных волн», как Н. Кондратьев, или решая большой класс задач, связанных с оптимизацией производства, как Л. Канторович, оказываются несколько в стороне от структурных проблем. Это ни в коем случае не принижает научных заслуг этих выдающихся ученых.

По нашей, в данном случае весьма субъективной оценке, такими ключевыми фигурами для первого периода являются Е. Преображенский, С. Струмилин и Н. Вознесенский. Для второго периода такую роль выполняет Ю. Яременко. Судьба его полузабытой модели «многоуровневой экономики» хорошо иллюстрирует то обстоятельство, что механизм торможения и последующего краха советской экономики еще долго будет занимать внимание историков.

«Затухающие» темпы роста и закон «социалистического накопления»

«Экономическое чудо» нэпа и его окончание достаточно хорошо описано в отечественной научной литературе. Приведем следующие официальные данные по цензовой промышленности:

Естественно, что в 1920-х годах такой показатель, как ВВП, не рассчитывался. К концу этого периода статистики начинают работать с агрегатом «народного дохода». К тому же столь высокие темпы роста (даже в кризисном, неурожайном 1924 г. прирост продукции составил 16,7%) явно связаны с недостаточным учетом инфляционного фактора (см. табл. 1). Но дело, собственно, не в этом. Высокие темпы роста восстановительного периода начали постепенно замедляться, сталкиваясь с ограничением по наличию свободных мощностей. О неизбежности такой нормализации впервые написал В.Г. Громан, который исходил из представления об объективной необходимости «равновесного» развития народного хозяйства: «Основным критерием оценки динамики хозяйственных процессов должен быть принцип приближения к равновесию, т. е. к соразмерности развития различных взаимно обусловливающих друг друга элементов народного хозяйства.

Таблица 1

Цензовая промышленность и темпы ее роста (год к году)

Отрасли промышленности	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
1. Валовая продукция в ценах 1926/1927, млн руб.	1 924,9	2 512,0	3 829,2	4 469,5	7 436,1	10 276,9	12 051,2	14 754,7	18 337,7
2. Темпы прироста, %	–	30,5	52,4	16,7	66,4	38,2	17,3	22,4	24,3
3. Группа «А», млн руб.	814,3	1 090,3	1 785,5	1 959,4	3 121,1	4 303,9	5 372,1	6 365,2	7 945,1
4. Темпы прироста группы «А», %	–	33,9	63,8	9,7	59,3	37,9	24,8	18,5	24,8
5. Группа «Б», млн руб.	1 110,6	1 421,7	2 043,7	2 510,1	4 315,0	5 973,0	6 679,1	8 389,6	10 393,6
6. Темпы прироста группа «Б», %.	–	28,0	43,7	22,8	71,9	38,4	11,8	25,6	23,9

Источник: Народное хозяйство СССР. Стат. справочник 1932. М., Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство, 1932. С. XXXIV–XXXV.

Всякое нарушение этого принципа со стороны объективных условий, или же вследствие несоответствия плановых мероприятий принципу соразмерности и пропорциональности в развитии отдельных сторон народного хозяйства, немедленно отражается самым отрицательным образом на общем ходе хозяйственного развития» [7, с. 92]. Именно с этим равновесием В.Г. Громан связывает «эмпирический закон», который впоследствии получил название закона затухающей кривой. Рассматривая взаимодействие цен, денежной и товарной массы, опираясь на выводы комиссии, которая работала под руководством его идеологического противника – С.Г. Струмилина, Громан указывает: «Все исчисления комиссии сделаны из определенного предположения о неизбежности замедления скорости оборота денег, причем был принят, по предложению В.А. Базарова, определенный темп постепенного ослабления процесса замедления (потухающая кривая).

Мы считаем спорным применение ко *всяким* (выделение слова через разрядку В. Громаном здесь и далее заменено курсивом. – *П.О.*) элементам народного хозяйства принципа потухающей кривой: тот элемент народного хозяйства, который находится в минимуме, должен догнать опередивший, а денежная масса находится именно в минимуме.

До сих пор денежная масса шла *впереди*, процесс замедления был совершенно очевиден, и нет никаких оснований думать, что этот эмпирический закон уже изжит нами.

Что такой закон есть – сознают многие. В частности, руководитель нашего денежного обращения тов. Сокольников ищет таких же эмпирических законов, как и мы» [8, с. 137–138]. Далее Громан делает вывод о необходимости продолжения «опережения» денежной массы над товарной, но это уже частности. Главным же было объяснение высокого темпа промышленности большим ущербом (по сравнению с сельским хозяйством), который она понесла во время войны. По мере же окончания восстановительного периода должно было установиться и новое равновесие между темпами роста группы «А», группы «Б», сельским хозяйством и остальными сферами, что сопровождалось общей «потухающей кривой».

Стоит отметить, что похожую, но еще более развитую аргументацию, основанную на идеях тектологии А.А. Богданова, в поддержку замедления темпов роста приводил и В.А. Базаров – друг и коллега В. Громана по Госплану. Эту позицию разделял и Н.Д. Кондратьев.

Представление о «равновесии» было характерно для того направления экономической мысли, которое выше было определено как «традиционалистское». Окончание восстановительного периода означало возврат России – СССР к среднемировым, «нормальным» темпам экономического роста, а также «нормальным» макроэкономическим

пропорциям[1]. Последнее означало, например, что норма накопления должна была установиться на уровне 15–20%. Вряд ли это могло позволить добиться обещанного большевиками быстрого экономического роста производительных сил, освобожденных от капиталистических, отсталых «производственных отношений». Нужны были средства для наращивания капитальных вложений, но в условиях «равновесия» их источники были весьма ограничены. Поездка В.Г. Громана на Генуэзскую конференцию в 1922 г., где предполагалось добиться смягчения позиций западных инвесторов, потерявших свои средства после Октябрьской революции, мало что дала в этом отношении.

Принципиально другой позиции придерживался Е.А. Преображенский, которого, на мой взгляд, можно считать первым советским структуралистом. Свои знаменитые «законы социалистического накопления» он сформулировал еще в 1924 г. Учитывая, что нэп представлял собой многоукладную экономику, причем «уклады» связывались со спецификой собственности и управления, а не с техникой, Преображенский ставил вопрос об экономическом механизме, который обеспечил бы развитие и победу социалистического уклада. Следуя за логикой К. Маркса, он пришел к следующим лапидарным формулировкам: «Основной закон первоначального социалистического накопления является центральной движущей пружиной всего советского государственного хозяйства… мы можем этот закон в той его части, которая касается перераспределения материальных ресурсов производства, формулировать следующим образом. *Чем более экономически отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства, чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент социальной революции, тем относи-*

[1] У В.Г. Громана представления о равновесии доходили до определенной экзотики. Как справедливо указывает А. Эрлих: «Громан ослабил свою позицию некоторыми эксцентричными статистическими выкладками. По его словам, он установил, что пропорции объемов товарной продукции промышленности и сельского хозяйства во второй и третий годы восстановления приближалась к соотношению 63:37, что было характерно, согласно его подсчетам, для 1913 г. Громан трактовал это как свидетельство того, что 1) изменения в ценах начиная с предвоенного периода имели тенденцию компенсировать почти полностью сдвиги в соответствующих уровнях производства и 2) устойчивое увеличение предложения промышленных товаров вместе с последовательным снижением себестоимости благодаря улучшению использования производственных мощностей сблизит лезвия “ножниц” и приведет не только общий объем производства в денежном выражении, но и соответствующие сельскохозяйственные и промышленные цены к довоенному уровню» [19, с. 95]. Фиксация определенных пропорций в количественных показателях, конечно, сильное огрубление, но является идеальной иллюстрацией того, что в экономической теории не является структурализмом.

тельно больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на отчуждение части прибавочного продукта досоциалистических форм хозяйства, и тем меньше будет удельный вес накопления на его собственной производственной базе, т. е. тем меньше оно будет питаться прибавочным продуктом работников социалистической промышленности. Наоборот, чем более экономически и индустриально развитой является та или другая страна, в которой побеждает социальная революция, тем больше то материальное наследство в виде высокоразвитой индустрии и капиталистически организованного земледелия, которое получает пролетариат этой страны от буржуазии после национализации, чем меньше удельный вес в данной стране докапиталистических форм производства и чем более для пролетариата данной страны является необходимым уменьшить неэквивалентность обмена своих продуктов на продукты бывших колоний, тем более центр тяжести социалистического накопления будет перемещаться на производственную основу социалистических форм, т. е. опираться на прибавочный продукт собственной промышленности и собственного земледелия» (курсив Е. Преображенского. – *П.О.*) [13, с. 131–132].

Кроме этого, Е. Преображенский также формулирует теорию «двух регуляторов». Первый – это закон социалистического накопления, второй – закон ценности: «Особенность существующей у нас товарно-социалистической системы хозяйства в том и заключается, что в ее пределах действуют одновременно *два закона* (курсив Е. Преображенского – *П.О.*) с диаметрально противоположными тенденциями. Вторым из этих двух законов является закон ценности… В законе ценности концентрируется вся сумма тенденций товарного и товарно-капиталистического элементов нашего хозяйства, а также вся сумма влияний на нашу экономику мирового капиталистического рынка» [13, с. 147].

Таким образом, Преображенский характеризует советскую экономику как институционально и технологически *неоднородную*. Именно это обстоятельство и позволяет отнести его взгляды к структуралистским, в отличие от других наследников К. Маркса, сторонником которого Преображенский считал себя вполне искренне. Однако система законов у Маркса является институционально однородной, законы первоначального, всеобщего капиталистического накопления, стоимости (ценности), тенденции нормы прибыли к понижению – все они «действуют в одну сторону». Идея же «двух регуляторов» – это вариант двухсекторной экономики, которая встречается у экономистов второй половины XX в. довольно часто. Один из самых известных вариантов – работа нобелевского лауреата У.А. Льюиса, который выделял «капиталистический» сектор промышленности, где доходы занятых регулировались предельной производительностью, и «некапиталистический», аграрный сектор, где наблюдалось «перенаселение» и оплата

«выравнивалась по средней». Переток работников между секторами сопутствовал экономическому росту, индустриализации и модернизации (в данном случае понимаемой как становление капиталистических институтов) [22]. Легко заметить, что после завершения модернизации оплата труда в аграрном секторе также должна регулироваться предельной производительностью, и в целом экономика становится однородной.

«Новая экономика» Преображенского была сконструирована не так. Ускоренное развитие социалистического сектора и в конечном счете переход его на собственную финансовую базу (с одновременным окончанием действия закона первоначального социалистического накопления) не означала ликвидацию неоднородности. Оба регулятора сохраняют свое значение и для полностью социалистической экономики. Стоит отметить, что в этом отношении Преображенский предвосхитил все последующие дискуссии о соотношении «планомерности» и «товарно-денежных» отношений среди политэкономов социализма. Но главным, конечно же, был «телеологический» подход Преображенского, который, собственно, и лежал в основе социалистического накопления. Другими словами, политическое руководство страны ставило задачи социалистического строительства при тех ограничениях по сбалансированности структуры, которые накладывало действие «закона ценности».

В этом отношении у Преображенского не было непримиримых противоречий с «генетиками», и в первую очередь с В.А. Базаровым, который делал акцент на важности сбалансированного развития, учета тех пропорций, которые уже сложились в прошлых периодах развития. При этом стоит подчеркнуть также достаточно сдержанный, почти академический тон риторики как самого Преображенского, так и «генетиков». Однако к проекту планов первой пятилетки, во многом основанных на идее «первоначального социалистического накопления», Преображенский уже не имел отношения. За свою принадлежность к «левой оппозиции» он в 1927 г. был сначала исключен из ВКП(б) и Общества старых большевиков, а в 1928 г. вместе с другими лидерами «левых» был выслан из Москвы. Телеологический подход на практике стали реализовывать уже совсем другие люди.

С.Г. Струмилин, Н.А. Вознесенский: «риторика вражды» и адаптационная модернизация

С.Г. Струмилин был ярким представителем теологического подхода и постоянным оппонентом генетиков. Он, как и Н.А. Вознесенский, относится к одному из специфических направлений структурализма – к конструктивизму. Для представителей этого направле-

ния более важным является «проект будущего», который они хотят построить, чем знание прошлого и настоящего. Струмилин заявлял об этом предельно откровенно: «Мы говорим, что всякий перспективный план заключает в себе элементы предвидения и предуказания. Кондратьев требует от нас, чтобы изучая социально-экономические закономерности, мы на основе этого делали плановые выводы *в порядке предвидения* (здесь и далее разрядка текста Струмилина заменена курсивом – *П.О.*). А мы исходим из определенной *целевой установки* и пользуемся анализом социальных закономерностей лишь для проверки осуществимости поставленных перед собой заданий… Совершенно иная установка у ученых типа Кондратьева, который хочет сказать, что даже наши цели должны быть выведены из анализа сущего и прошлого. Сущее и прошлое целиком должны определить наше будущее» [16, с. 280].

Такая конструктивистская установка действительно радикально меняла подход к «должному». Если «генетики», говоря о методологии планирования, использовали своеобразный метод «узких мест», отталкиваясь от динамики развития сельского хозяйства, то телеологический подход опирался на промышленность, на то, что сейчас принято называть «прорывными технологиями», «полюсами роста» и т. п. При этом Струмилин использовал «риторику вражды» по отношению к своим коллегам, вместе с которыми он работал в Госплане: «Идеологическое окружение, в котором нам приходилось жить и работать, не могло не оказать своего тлетворного влияния и в практике, и в теории планирования. Громан и Кондратьев экспертно врали о тяжкой участи эксплуатируемой деревни в СССР, а "левые" оппортунисты в нашей партии, приняв эту экспертизу на веру, возвели ее в целую "теорию" первоначального социалистического накопления и пытались осуществить ее на практике путем крайне вредной политики повышения отпускных цен ВСНХ. Громан и Базаров создали теорию, в котором "содействуя *развитию производительных сил*, государственная власть – по их словам – была *вынуждена* (?) пойти на *развязывание кулацкого хозяйства*", и, дав крайне механистическую трактовку идеи хозяйственного равновесия, широко использовали в ней пресловутый богдановский "закон минимума", развернутый в целую серию "лимитов", обеспечивающих "затухание" темпов нашего развития. А правые оппортунисты в нашей *партии и в своем отношении к судьбам кулацкого хозяйства*, в тенденции к равнению по минимумам в нашем строительстве как будто нарочно пытались *оправдать на практике* "абстрактную" теорию названных идеологов» [16, с. 62].

Стоит отметить, что Струмилин даже не называет автора «закона первоначального социалистического накопления» по имени, несмо-

тря на то, что и план первой пятилетки, и его реализация были тесно связаны с идеями Е. Преображенского. В рамках той же риторики вражды Струмилин разделывается с другими своими противниками, давая ссылки на процесс «Промпартии» и другие «процессы», начавшиеся в конце 1920-х годов. Речь идет о первых опытах планирования, в частности, о «Перспективном плане металлургической промышленности на 1923/24–1927/28 гг.», разработанного инженером Гартваном, – о «пятилетке Гартвана» (1923/24–1927/28, представлено Главным Управлением Металлопромышленности (ГУМП)) – факт превысил план по разным показателям в 2–3 раза (по прибыли – в 10 раз), о «пятилетке Калинникова» (тот же период, 32 отрасли промышленности) – факт превысил план в 2 раза, о «пятилетке Неопиханова» (тот же период, транспорт), также превышение факта над планом в разы, о «пятилетке Кондратьева» (сельское хозяйство), неравномерное выполнение (в отдельные годы факт значительно превышал план, но ближе к концу периода факт частично приблизился к плану, частично стал ниже. Если сравнивать темпы роста, то за первые три года был достигнут прирост в 36%, а эта цифра закладывалась на 5 лет. Однако к 1928 г. общий прирост составил всего 40%). Все эти расхождения Струмилин приписывал *вредительской позиции* инженеров и экономистов, которые *специально* разрабатывали заниженные планы, стремясь сдержать развитие советской экономики.

Борьба вокруг «отправного» и «оптимального» вариантов первой пятилетки хорошо известна и много раз описана. В данной небольшой работе нет смысла останавливаться на этой истории еще раз. Стоит напомнить разве что о том, что даже в варианте оптимального плана предусматривалась норма накопления в 25%, что критиковалось «традиционалистами» как стремление большевиков к «сверхиндустриализации» и «перенакоплению». На деле же в ходе выполнения первой пятилетки норма накопления превысила 40%, капиталовложения обеспечивались внеэкономическим принуждением и насильственным изъятием зерна в ходе коллективизации, что вызвало голод. Причина последнего была не только в принуждении колхозников к бесплатной сдаче продукции государству, но и в сокращении поголовья скота и обрабатываемой земли (хотя по отчетам посевные площади все время росли, но валовая продукция сельского хозяйства сократилась). Последнее явилось следствием «эффекта храповика» – слома мотивационного механизма в сравнительно богатых крестьянских хозяйствах, которые уже не хотели возвращаться к «общине». С подобного рода голодом столкнулись первые американские колонисты в Плимуте и Джеймстауне, которых объединили в «колхоз» для выплаты долга перед Виргинской компанией (Джеймстаун) и Томасом Уэстоном и его партнерами

(Плимут)[2]. В результате СССР потерял не только несколько миллионов человек в мирное время, но и производительность в сельском хозяйстве была отброшена на пару десятилетий назад, при этом голод охватил наиболее обеспеченные и производительные аграрные регионы. Применяя известную характеристику в отношении большевистского руководства, можно сказать, что это было *хуже, чем преступление*, – это была ошибка.

Тем не менее, учитывая вышесказанное, возникают вопросы: Как «генетики» могли давать настолько неверные прогнозы? Как при таком «оптимальном телеологическом» планировании можно было добиться успехов в выполнении первой пятилетки? Почему социально-экономическое перенапряжение не закончилось срывом в длительную стагнацию, что много раз имело место среди послевоенного развития стран Африки, Азии, Латинской Америки, пытавшихся реализовать различные варианты стратегии «догоняющего развития»?

Доминирующий историко-экономический нарратив об экономическом росте СССР, сформировавшийся в конце 1980-х годов, включает в себя «голодомор», ГУЛАГ, политические репрессии 1937–1938 гг. и «атмосферу страха», которая пронизывала все «сталинское общество». Любопытно, что российские историки, продолжающие придерживаться этого нарратива, в последнее время стали выпускать работы, характеризующие возможности и размах частного предпринимательства и теневой экономики, что прямо противоречит их же собственному тезису о тоталитарном контроле, якобы пронизывавшем все «государство рабочих и крестьян» [16]. Думается, однако, что карательные органы аргентинской хунты, маоистского Китая или антикоммунистического режима Сухарто в Индонезии вряд ли уступали по «эффективности» сталинскому НКВД. Однако экономические результаты были очень разными.

По моему мнению, главными факторами успеха структурной перестройки, предпринятой «телеологами», было счастливое сочетание их веры в тезис Маркса о том, что более развитая страна показывает

[2] «Через шесть месяцев пребывания в Виргинии из 104 человек, отплывших из Лондона, в живых остались только 38, хотя страна была плодородна, а во многих отношениях и гостеприимна… Большинство присоединилось к выжившим поселенцам Джеймстауна, и наступила катастрофа: “времена голода”. За шесть месяцев население сократилось с примерно 500 человек до 60…
Колонисты бездельничали, потому что большинство из них подписало договор, который обязывал их трудиться семь лет, внося плоды своего труда в общий котел, до получения статуса полноценного колониста. Они не платили за свой переезд, и предполагалось, что они своим трудом возместят компании эти расходы» [1, с. 53–54]. То же самое произошло и в Плимуте, причем колонисты прибыли туда на знаменитом «Мейфлауэре».

отстающим будущее (вообще говоря, неверный), знание того, какую структуру экономики они хотят получить, и достаточно высокий уровень культуры экономической работы. При этом вторая пятилетка была уже намного успешнее первой. Характерные данные о норме накопления приводит Н.А. Вознесенский, ставший в 1938 г. председателем Госплана (см. табл. 2).

Таблица 2

Структура народного дохода во второй пятилетке (факт) и третьей (план), %

	1937 г. (факт)	**1942 г. (план)**
Фонд потребления	73,6	71,2
Фонд накопления,	26,4	28,8
в т. ч. резервы	1,9	0,3
	100	100

Источник: Вознесенский Н.А. Сочинения. 1931–1947. М.: Наука, 2018. С. 387.

Удельный вес фонда накопления во второй пятилетке резко снизился, результатом чего, в частности, была отмена продуктовых карточек, страна перешла к «розничному товарообороту» [14]. Тем не менее уже в третьей пятилетке темпы роста промышленности группы «А» должны были составить 107,0%, а группы «Б» – 72%. Из намеченных Госпланом будущих структурных сдвигов необходимо отметить следующие:

– «Создание второго нефтяного Баку и рассредоточение добычи топлива по всем районам потребления СССР;
– ликвидация частичной диспропорции между большим ростом промышленности и недостатком увеличения мощностей электростанций с тем, чтобы рост электростанций опережал рост промышленности;…
– определение задач третьей пятилетки как пятилетки специальных сталей и пятилетки химии;
– поощрение инициативы мест в развертывании производства предметов широкого потребления;
– создание новой текстильной базы на востоке СССР, особенно в районе Кузбасса…» [3, с. 388].

Н.А. Вознесенский сравнивал плановые показатели СССР 1942 г. и фактические показатели США 1937 г. Именно США долгое время служили для СССР образцом той экономики, которую требовалось построить, поэтому взгляды тогдашних «телеологов», на мой взгляд, представляют собой вариант адаптационной модернизации, суть

которой заключалась в заимствовании западной структуры экономики и приспособления ее «по месту» к особенностям СССР.

Следует отметить, что Н.А. Вознесенский использовал ту же риторику вражды, что С.Г. Струмилин[3]. Кроме того, он не оставил после себя теоретических работ, которые бы характеризовали его представления о моделях экономического роста. Поэтому об его «плановых установках» можно судить только косвенно, через основные показатели планов третьей и четвертой пятилеток, которые в целом сохраняют курс на форсированное индустриальное развитие СССР за счет относительного сдерживания народного потребления.

Структурный кризис 1970-х годов в СССР и Ю.В. Яременко

Одна из фундаментальных гносеологических проблем социализма – это сущность, которая не существовала, которую только нужно построить, но перед этим уже нужно понять [12]. Большевистское руководство в 1930-х годах решило эту проблему просто, назвав «победой социализма» то, что получилось по результатам выполнения первых пятилеток. Однако развитие экономики на этом не заканчивалось, надо было что-то строить и дальше.

Экстремальные условия Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления не оставляли большого выбора в средствах экономической политики. Но после смерти И. Сталина будущее резко стало неопределенным. В отличие от ситуации 1920-х годов, когда между «генетиками» и «телеологами» были споры вокруг темпов и пропорций, но не в отношении самой необходимости индустриализации, развития образования, здравоохранения и т. д., в 1950-е годы желательная структура будущей экономики была совсем неочевидна. Задним числом некоторые современные экономисты полагают, что надо было продолжать развитие на основе «сталинской модели» [5]. По моему мнению, в этом случае стагнация и экономический крах СССР наступили бы намного раньше.

[3] «Верхушка капиталистической интеллигенции в СССР, как это теперь достаточно ясно разоблачено, пыталась организовать контрреволюционные силы для реставрации капитализма. В этой “работе” между ними на теоретическом фронте образовалось довольно любопытное “разделение труда”. Рубин занимает “верхние этажи” экономического фронта, отвлекая внимание экономистов-коммунистов от конкретных экономических проблем. Специальные экономические дисциплины в это время пытались, и не всегда безуспешно, захватить такие герои контрреволюции, как Кондратьев, Юровский, Чаянов, а также Громан, Базаров, Гинзбург и др. В союзе с ними “Рамзины” осуществляли теоретическое и практическое вредительство в технико-экономических институтах» [4, с. 30].

В то время и в США, и в Западной Европе, на которых во многом ориентировались советские экономисты и планировщики, шел переход к обществу массового потребления. Ипотечные агентства, связанные с Советом по делам ветеранов США, запустили процесс индивидуального жилищного строительства, что, в свою очередь, привело к мультипликативному спросу на автомобили, холодильники, стиральные машины и другие товары длительного пользования: «С 1940 г. дома и квартиры сильно изменились. К примеру, в 1940 г., согласно данным Бюро переписи населения США, в 31% из них не было водопровода, а в 38% не было ванны или душа» [18, с. 58]. Запуск «поточного» жилищного строительства при Н.С. Хрущеве преследовал все те же цели – «догнать и перегнать».

Надо отдать должное работникам советского Госплана, пытавшимся начать структурную перестройку в восьмой пятилетке. Именно тогда был построен «АвтоВАЗ», стали осваиваться нефтегазовые богатства Западной Сибири. Но главный структурный сдвиг осуществить не удалось: в проектировки закладывалось опережение темпов роста промышленности группы «Б» над отраслями группы «А». Этот провал, по-видимому, был роковым – экономическая стагнация СССР к концу 1970-х годов стала неизбежной[4]. Табл. 3 наглядно характеризует и сохранение прежней структуры промышленности, и замедление темпов ее роста. Табл. 4 служит иллюстрацией постепенного снижения возможностей накопления и переходу к экономической стагнации.

Однако и на Западе экономическая ситуация в 1970-х годах перестала быть радужной: «В 1973 г. цены на нефть всего за несколько месяцев взлетели на 400%, и автомобильной промышленности, производившей вызывающе огромные и прожорливые машины, был нанесен сокрушительный удар. Сильно пострадали связанные с ней отрасли производства: прежде всего сталелитейная и металлообрабатывающая промышленность… За 1973–1975 гг. ВВП США упал на 6%, а безработица подскочила в два раза, до 9%. Западная Европа, гораздо сильнее зависевшая от ближневосточной нефти из Персидского залива, соот-

[4] Среди российских экономистов и историков до сих пор существует убеждение, что восьмая пятилетка была успешной, а главным ее содержанием были «косыгинские реформы», направленные на расширение прав [руководства] предприятий. Дальнейшее замедление темпов роста и брежневский «застой» при этом связывается с незаконченностью «косыгинской реформы». Эти убеждения странным образом соседствуют со «слепым пятном» в отношении радикальной «горбачевской реформы», в рамках которой не только «права предприятий» расширились до замены директивного плана заказом, но и полной демократизацией – переходу к выборности директоров. Результат известен. Тем не менее «косыгинская» и «горбачевская» реформы обсуждаются исключительно раздельно, что позволяет этот неприятный результат игнорировать.

Таблица 3

Темпы роста общего объема продукции промышленности за период 1940–1984 гг.

Годы	Вся промышленность	В том числе	
		производство средств производства (группа «А»)	производство предметов потребления (группа «Б»)
1940 = 1			
1960	5,2	6,6	3,2
1970	12	16	6,5
1975	17	23	9,0
1980	21	29	11
1984	24	33	13
1970 = 100			
1975	143	146	137
1980	178	183	165
1982	190	194	177
1984	206	211	192

Источник: Народное хозяйство СССР в 1984 г.: Стат. ежегодник ЦСУ СССР. М.: Финансы и статистика, 1985. С. 129.

Таблица 4

Использование национального дохода на потребление и накопление (в сопоставимых ценах 1973 г., млрд руб.)

	Национальный доход в целом	В том числе		Норма накопления, %	Темп прироста, %
		потребление	накопление и пр. расходы		
Восьмая пятилетка (1966–1970 гг.), всего	1 230	887	343	27,8	–
Девятая пятилетка (1971–1975 гг.), всего	1 647	1 191	456	27,7	33,9
Десятая пятилетка (1976–1980 гг.), всего	2 045	1 511	534	26,1	24,2
1980	437	329	108	24,7	–
Четыре года одиннадцатой пятилетки (1981–1984 гг.)	1 898	1 416	482	25,4	–
1981	451	342	109	24,2	3,2
1982	467	346	121	25,9	3,5
1983	484	357	127	26,2	3,6
1984	496	371	125	25,2	2,5

Источник: рассчитано автором по: данные ЦСУ: Народное хозяйство СССР в 1984 г. Стат. ежегодник ЦСУ СССР. М.: Финансы и статистика, 1985. С. 425.

ветственно и пострадала еще больше. ВВП Японии… упал впервые за послевоенный период. Но… кризис имел и долговременные последствия. Вся основанная на ископаемом топливе индустриальная экономика, которая выросла во второй половине XIX в., а в первой половине XX в. встала на рельсы массового производства, казалось, стремительно приближается к гибели.

В Англии в 1970-х годах Шеффилд и окружающая его промышленная зона потеряли более чем 150 тыс. рабочих мест только в сталелитейной индустрии; еще большие потери были в машиностроении… Рурская область… лишилась 100 тыс. рабочих мест… В результате кризиса был разорен главный промышленный регион США – 8 штатов Великих озер (Пенсильвания, Огайо, Мичиган, Иллинойс, Индиана, Висконсин, Миннесота, Нью-Йорк).

В 1970-е годы в США закрылось более тысячи заводов» [10, с. 20–21].

Теперь этот принято называть «деиндустриализацией» и «переходом к гибкому автоматизированному производству». Удельный вес занятых в промышленности богатых западных стран больше не вернулся к прежнему уровню, упав где в 1,5, а где и в 2 с лишним раза. Советские политэкономы назвали этот процесс «общим кризисом капитализма» и объявили, что «социализм находится в историческом наступлении», в то время как коммунистическое руководство на внешней арене договаривалось о «мирном сосуществовании двух систем».

В результате прежняя политика адаптационной модернизации стала полностью невозможной. Если отставание в производстве продовольствия и предметов потребления было еще терпимым, то запускать процесс деиндустриализации с последующей перестройкой отраслевой и пространственной структур экономики для коммунистических руководителей было полностью неприемлемо. Поэтому, вообще говоря, вызов, который стоял в 1970-х годах для экономистов и политического руководства СССР, был хуже, чем во времена нэпа. В 1920-х годах Запад предоставлял образец практики, а марксизм давал квазитеорическое объяснение того, что нужно было делать. Во времена «застоя» и теория, и практика перестали давать сколько-нибудь удовлетворительные ответы. Результатом было то, что многие экономисты стали делать прогнозы в стиле «затухающей кривой» В. Громана и В. Базарова. При этом – если сравнивать с 1920-ми годами – такие оценки не могли появиться в «открытой печати», все дискуссии проходили за закрытыми дверями, «риторика вражды» не прошла для советской экономической науки бесследно. Как вспоминал известный советский экономист-математик Э.Б. Ершов в 1999 г.: «Наука была скована всякими догмами. Тогда Институт экономики, будучи головным экономическим институтом, называл темпы роста на пятилетку 6,6% по национальному доходу, в то время как Госплан называл, допустим, 6,5 на пятилетку.

Анчишкин со товарищи в это время "имел наглость" сказать, что больше 4,2 не будет, а со временем будет 2,8 или 2,7. Это было воспринято как клевета на Советскую власть и на партию. В системе Госплана сказали: "Что вы себе позволяете?"…

… Другая группа исследователей, которая могла себе позволить такие прогнозы, была группа Михалевского. Третья возникла позднее вокруг Абела Аганбегяна, Вальтуха, Шатилова, которые на основе межотраслевых моделей делали прогнозы, показывающие неизбежность падения темпов.

Таким образом, все они подводили к мысли о необходимости кардинальных изменений, по крайней мере с начала 70-х годов. Анчишкин говорил о необходимости интенсификации; Аганбегян говорил об экономии материальных затрат; в ЦЭМИ говорили об изменении хозяйственного механизма» [14].

Ничего другого на базе неоклассических моделей, к тому времени широко применявшихся в СССР, несмотря на официальный марксистский дискурс, получить было невозможно. Алармизм постепенно становился хорошим тоном. Но интенсификация, экономия материальных затрат, как и «перестройка хозяйственного механизма», были лишь паллиативами, укладывавшимися в общий официальный курс. Несмотря на принимавшиеся партийные и правительственные постановления и решения, добиться качественных изменений не удавалось. В экономике СССР с конца 1970-х годов начался структурный кризис, который закончился, по сути, только в конце 1990-х годов.

Любопытно, что именно в это время Ю.В. Яременко создает свою теорию «многоуровневой экономики», которая представляет собой вершину советского структурализма, предоставляя, например, следующее определение: «Экономический рост… это, в первую очередь, не количественное увеличение производства, а процесс изменения состава ресурсов, их самовоспроизводство с постоянным выделением качественно новых элементов» [20, с. 68].

Важная посылка, на которой строится теория Яременко, – это отсутствие однородней связи между качеством ресурсов и их ценой, а заодно и между издержками, качеством и ценой. В условиях административного регулирования цен, в советской экономике такая посылка выглядела если не очевидной, то очень правдоподобной. Стоит отметить, что во многом эта посылка соответствует и условиям рыночной экономики, иначе шумпетерианский процесс «созидательного разрушения» был бы невозможен. Но Яременко не претендовал на большую общность своей теории, говоря в основном об СССР.

Слабая взаимосвязь между ценой ресурсов и качеством требовала другого механизма регулирования, который Я. Корнаи называл регулированием «в присутствии» цен [9]. Главным в развитии такой эко-

номики была система приоритетов, которая устанавливалась политическим и хозяйственным руководством страны. Как выразился бы Е. Преображенский, закон социалистического накопления диктовал приоритеты в направлениях капитальных вложений.

Другая важная особенность теории Яременко, которая в отличие от упомянутой выше посылки легко воспринималась советскими экономистами, – это возможность упорядочивания отраслей по принципу «низшие – высшие». Экономика представлялась в образе иерархической структуры (позднее такую же идею реализует С.Ю. Глазьев в своей популярной теории технологических укладов [6]). Чем выше уровень экономики, тем более качественных ресурсов для своего расширения он требует. Отсюда приоритеты в экономике однозначно можно определить только в случае «двухуровневой структуры». Когда же таких уровней становится больше, с приоритетами все не так однозначно. Кратко опишем варианты выбора:

1) направить качественные ресурсы на замещение некачественных (массовых) в низшие уровни – тогда экономика в целом будет потреблять меньше ресурсов. Это – ситуация замещения, для которой Яременко определял соответствующие коэффициенты;

2) направить качественные ресурсы на расширенное воспроизводство того же уровня иерархии;

3) направить ресурсы в расширение более высокого уровня, где существует дефицит ресурсов, для компенсации этого дефицита. В этом случае будет иметь ситуация компенсации, количественно определяемой через коэффициенты компенсации.

В выборе приоритетов между процессами замещения и компенсации, в сущности, и заключается структурная политика по Яременко. И если доминирование рыночного механизма (закона ценности, по Преображенскому) ведет к превышению эффектов замещения над эффектами компенсации, то желание принимать как можно более напряженные планы и форсировать рост ВВП вызывает превышение эффектов компенсации над эффектами замещения. Последнее сначала начинает ощущаться как дефицит качественных ресурсов, но по мере появления все новых уровней и передачи ресурсов туда дефицит становится всеобщим. И в этом различия между интерпретацией дефицита между Я. Корнаи и Ю. Яременко: первый полагал, что в основе дефицита лежит «мягкое бюджетное ограничение», второй – структурная несбалансированность. Попытка ликвидировать последнее путем ужесточения бюджетных ограничений может вызвать стагнацию и спад – победить дефицит таким образом не удастся.

Легко заметить, что такая интерпретация дефицита была очень близка к тому, что писали о «товарном голоде» при социализме Л. Крицман [11] и В. Базаров, а необходимость устранения «узких

мест», диспропорций близка к тому, на что указывали А. Богданов и В. Базаров. Однако дефицит как проблема, тормозящая рост при наличии сравнительно развитого денежного обращения и финансов, – это проблема именно многоуровневой экономики. В отношении же индустриализации и «двухуровневой» экономики Яременко замечал следующее: «На начальных этапах индустриализации, несмотря на ускоренный рост отраслей, способствующих увеличению удельного веса качественных ресурсов в их общем объеме, абсолютные масштабы этих верхних звеньев экономики могут быть таковы, что для поддержания их развития еще не требуется вовлечения в производство всего объема массовых ресурсов…, которыми располагает общество…

Экономика в этих условиях может отличаться достаточно четко выраженной двухуровневой структурой: предприятия с передовой технологией по разным направлениям опираются на производство, основанное на ручном труде… По мере приближения экономики к состоянию относительно полного вовлечения всей совокупности массовых ресурсов в хозяйственные процессы, связанные со структурной перестройкой, подобная форма развития становится нецелесообразной.

Особенностью экономики с двухуровневой структурой является способность к чрезвычайно быстрой концентрации средств в сферах ускоренного развития. Однако такая маневренность двухуровневой экономики лишь обратная сторона ее ограниченных возможностей в расширении качественного спектра хозяйственной структуры…» [20, с. 49–50].

Собственно, тем самым Яременко показал, что различные варианты «догоняющего развития» (основанные не только на преимущественном развитии тяжелой промышленности, как в СССР, но и добыче природных ископаемых, как в ОАЭ и/или Чили, легкой промышленности, радио- и автомобилестроении, как в Республике Корея, и т. д.) могут быть описаны как становление «двухуровневой экономики».

Предоставляла ли теория Яременко, в случае ее применения на практике, возможность избежать экономической катастрофы в СССР? В интервью С. Белановскому Яременко говорил: «я пытался объяснить, что то структурное пространство, в котором существует экономика, не адекватно рынку. Пока мы это пространство не нормализуем, пока структурные характеристики экономики не станут адекватны рыночным, до тех пор рыночная стихия будет оставаться для нашего общества разрушительной. Я имею в виду технологические перепады, перепады в издержках, негативные последствия освобождения цен. Нормализовать же структуру нашей экономики можно пока только с помощью централизованных усилий» [21, с. 232].

Вопрос о том, почему хозяйственное и политическое руководство СССР и РФ не слышало академика, директора Института народно-

хозяйственного прогнозирования АН СССР, тесно сотрудничавшего с Госпланом СССР, видимо, стоит адресовать историкам. С точки же зрения экономиста, так и должно быть. Посылки, на которых основывалась теория Яременко, выпадали как из марксистского дискурса, так и из того, что было принято называть мейнстримом. В повестке дня стояла либерализация цен, приватизация, налогово-бюджетная политика. КПСС 1980-х годов – это не ВКП(б) 1920-х годов – реализовать меры структурной политики не хотели и не могли коммунисты ни образца М. Горбачева и Н. Рыжкова, ни образца Е. Гайдара и А. Чубайса.

Заключение

История советского структурализма закончена. Сейчас работы основных его представителей интересуют разве что исследователей экономической мысли, реже – историков экономики. При этом основным «нервом» является противопоставление хороших «генетиков» кровожадным «сталинистам-телеологам», откуда повествование легко переносится в 1960-е –1970-е годы, где соответствующие роли отводятся «товарникам» и «антитоварникам».

Между тем проблемы роста продолжают оставаться в центре изучения. Продолжатели «неоклассиков» разработали теорию человеческого капитала, эндогенного экономического роста, институционалисты предложили классификацию порядков «открытого и закрытого доступа». На «стыке» неоклассики и структурализма была разработана «новая экономическая география».

После кризиса 2008–2009 гг., как ожидалось, появится новое объяснение происходящего, которое даст видение будущей структуры экономики. Однако консенсус достигнут только в отношении феномена замедления общемировых темпов экономического роста. Является ли это замедление результатом структурного кризиса западной экономики, экзогенных внешнеполитических шоков, перерождением режима либеральной демократии во что-то другое – вопросы остаются открытыми.

Тем временем российские исследователи вернулись к привычной расстановке сил. С одной стороны, дают свои прогнозы (часть из них вполне алармистские, обосновывающие в ближайшей перспективе спад, в долгосрочной – распад и вымирание) экономисты радикального «либерального» направления. Они претендуют на наследство «генетиков» и «товарников». В качестве их оппонентов выступают исследователи, в той или иной форме выступающие за «мобилизационную экономику», под которой понимается вариант «новой индустриализации». Условно назовем их «почвенниками», так как политически среди них есть как откровенные дирижисты, так и сторонники

ограниченно либеральной политики. Надо сказать, что их прогнозы зачастую являются не менее алармистскими.

У этих двух «партий» есть также свои «эталонные экономики». Либералы по-прежнему ориентируются на США, условные «почвенники» – на Китай. При этом последние уверены в том, что мировые Юг и Восток находятся в «историческом наступлении», а роль Запада уже никогда не будет прежней.

Тем временем в структуре и мировой, и российской экономики продолжает идти трансформация. Растет число занятых охранной деятельностью. Появилась и резко расширяется сфера «виртуальной реальности», все больше расчетов осуществляется в цифровых валютах.

Эта трансформация происходит преимущественно под влиянием «второго регулятора – закона ценности». И, наверное, пока у нас не появились свои новые Преображенские и Яременко, которые могли предвидеть будущую перспективную структуру экономики, обеспечивающую быстрое развитие страны, такую медленную, консервативную, пусть и не всегда эффективную работу рыночных механизмов в России следует только приветствовать.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бетелл Т.* Собственность и процветание. М.: ИРИСЭН, 2008.
2. *Ван дер Вее Г.* История мировой экономики. 1945–1990. М.: Наука, 1994.
3. *Вознесенский Н.А.* Академик Н.А. Вознесенский. Сочинения. 1931–1947. М.: Наука, 2018.
4. *Вознесенский Н.А.* Марксизм и контрреволюционный идеализм Рубина. О статье И. Рубина в пятой книге «Архива Маркса и Энгельса» // Вознесенский Н.А. Академик Н.А. Вознесенский. Сочинения. 1931–1947. М.: Наука, 2018. С. 21–30.
5. *Галушка А., Ниязметов А., Окулов М.* Кристалл роста к русскому экономическому чуду. М.: Наше завтра, 2021.
6. *Глазьев С.Ю.* Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВлаДар, 1993.
7. *Громан В.Г.* О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве // Плановое хозяйство. 1925. № 1. С. 88–101.
8. *Громан В.Г.* О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве // Плановое хозяйство. 1925. № 2. С. 125–141.
9. *Корнаи Я.* Дефицит. М.: Наука, 1990.
10. *Коткин С.* Предотвращенный Армагеддон. Распад Советского союза, 1970–2000. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
11. *Крицман Л.* Героический период великой русской революции (Опыт анализа т. н. «военного коммунизма»). М.–Л.: Гос. изд-во, 1925.
12. *Ореховский П.А.* Левая утопия в XXI веке // Общественные науки и современность. 2020. № 2. С. 162–175. DOI: 10.31857/S086904990009214-7.
13. *Преображенский Е.А.* Новая экономика (теория и практика): 1922–1928 гг. М.: Издательство Главархива Москвы, 2008.

14. *Сапов Г.* Три интервью с Э.Б. Ершовым (февраль–март 1999 г.). http://www.sapov.ru/staroe/si06.html (дата обращения: 04.11.2023).
15. *Соколов А.С.* Между карточками и товарооборотом: вторая советская пятилетка // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 2. С. 102–110. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_2_102_110.
16. *Струмилин С.Г.* Проблемы планирования в СССР. *Л.*: АН СССР, 1932.
17. *Хлевнюк О.* Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2023.
18. *Шиллер Р.* Иррациональный оптимизм: Как безрассудное поведение управляет рынками. М.: Альпина Паблишер, 2013.
19. *Эрлих А.* Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928. М.: *Дело*, 2010.
20. *Яременко Ю.В.* Теория и методология исследования многоуровневой экономики. М.: Наука, 1997.
21. *Яременко Ю.В.* Экономические беседы. Запись С.А. Белановского. М.: Центр исследований и статистики науки, 1999.
22. *Lewis W.A.* The Theory of Economic Growth. N.Y.: Routledge, 1959.

REFERENCES

1. *Bethell T.* Property and Prosperity. M.: IRISEN, 2008. (In Russ.).
2. *Van der Wee G.* History of the World Economy. 1945–1990. M.: Nauka, 1994. (In Russ.).
3. *Voznesensky N.A.* Academician N.A. Voznesensky. Essays. 1931–1947. M.: Nauka, 2018. (In Russ.).
4. *Voznesensky N.A.* Marxism and Counter-Revolutionary Idealism of Rubin. About I. Rubin's Article in the Fifth Book of the "Marx and Engels Archive" // Voznesensky N.A. Academician N.A. Voznesensky. Essays. 1931–1947. M.: Nauka, 2018. Pp. 21–30. (In Russ.).
5. *Galushka A., Niyazmetov A., Okulov M.* Crystal of Growth Towards the Russian Economic Miracle. M.: Nashe zavtra, 2021. (In Russ.).
6. *Glazyev S.Yu.* Theory of Long-Term Technical and Economic Development. M.: VlaDar, 1993. (In Russ.).
7. *Groman V.G.* On Some Patterns Empirically Detected in Our National Economy // *Planning Economy*. 1925. No. 1. Pp. 88–101. (In Russ.).
8. *Groman V.G.* On Some Patterns Empirically Detected in Our National Economy // *Planning economy*. 1925. No. 2. Pp. 125–141. (In Russ.).
9. *Kornai J.* Deficit. M.: Nauka, 1990. (In Russ.).
10. *Kotkin S.* Armageddon averted. The Collapse of the Soviet Union, 1970 – 2000. M.: New Literary Review, 2018. (In Russ.).
11. *Kritsman L.* The Heroic Period of the Great Russian Revolution (Experience in Analyzing the So-Called "Military Communism"). M.–L.: State publishing house, 1925. (In Russ.).
12. *Orekhovsky P.A.* Left Utopia in the 21st Century // Social sciences and modernity. 2020. No. 2. Pp. 162–175. DOI: 10.31857/S086904990009214-7. (In Russ.).
13. *Preobrazhensky E.A.* New Economics (Theory and Practice): 1922–1928 M.: Publishing House of the Main Archive of Moscow, 2008. (In Russ.).
14. *Sapov G.* Three interviews with E.B. Ershov (February–March 1999). http://www.sapov.ru/staroe/si06.html (date of access: 04.11.2023). (In Russ.).

15. *Sokolov A.S.* Between Cards and Trade Turnover: The Second Soviet Five-Year Plan // Issues of theoretical economics. 2021. No. 2. Pp. 102–110. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_2_102_110. (In Russ.).
16. *Strumilin S.G.* Problems of Planning in the USSR. L.: Academy of Sciences USSR, 1932. (In Russ.).
17. *Khlevnyuk O.* Corporation of Impostors. Shadow Economy and Corruption in the Stalinist USSR. M.: New Literary Review, 2023. (In Russ.).
18. *Shiller R.* Irrational Optimism: How Reckless Behavior Drives Markets. M.: Alpina Publisher, 2013. (In Russ.).
19. *Erlich A.* Discussions about Industrialization in the USSR. 1924–1928. M.: Delo, 2010. (In Russ.).
20. *Yaremenko Yu.V.* Theory and Methodology for Researching Multi-Level Economics. M., Nauka, 1997. (In Russ.).
21. *Yaremenko Yu.V.* Economic Conversations. Recorded by S.A. Belanovsky. M.: Center for Research and Statistics of Science, 1999. (In Russ.).
22. *Lewis W.A.* The Theory of Economic Growth. N.Y.: Routledge, 1959.

Дата поступления рукописи: *01.11.2023 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ореховский Петр Александрович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-2816-1298
orekhovskypa@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Petr A. Orekhovsky – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-2816-1298
orekhovskypa@mail.ru

SOVIET STRUCTURALISM: E. PREOBRAZHENSKY, S. STRUMILIN, N. VOZNESENSKY, YU. YAREMENKO

Structuralism is a relatively young area of economic research, but it already has its own history in Russia. The first debates over the rates and proportions of the Soviet economy began back in the 1920s. The discussions between "geneticists" and "teleologists" were quite open then. Geneticists defended the traditionalist approach, relying on the exhaustion of the restoration impulse and the need to return the country to "normal", average world growth rates and the accumulation rate of 16-18%. Teleologists relied on the "law of socialist accumulation" and the "theory of two regulators". They were confident in the possibilities of accelerated development; even the "starting version" of the 1st Five-Year Plan provided for achieving an accumulation rate of more than 20%. And in the end, despite the monstrous mistakes the Bolshevik leadership made during collectivization, the teleologists turned out to be right. The 2nd Five-Year Plan was more successful — the planned savings rate was reduced, the production of consumer goods was increased, and it was possible to switch from

cards to planned trade turnover. The idea of accelerated development and the discovery of the law of socialist accumulation belonged to E. Preobrazhensky, but its implementation, including through planned calculations, was carried out by S. Strumilin, and starting from the 3rd Five-Year Plan — by N. Voznesensky.

The end of the post-war period and the death of I. Stalin marked the end of "adaptive modernization". The 8th Five-Year Plan, which aimed for faster growth of Group B industries over Group A, failed to be fulfilled. By the end of the 1970s the Soviet economy fell into inevitable stagnation. Economists of that time gave alarmist forecasts about the decline in growth rates, and proposed measures to overcome the crisis, but all of those were palliative in nature. The structuralist theory of multi-level economy by Yu. Yaremenko appeared at the same time. This theory contained a number of provisions that could be called heretical, contradicting both Marxism and the neoclassical mainstream. Despite its fruitfulness, it was ignored by both planners and Soviet leaders.

Keywords: *structuralism, NEP, geneticists, damping curve, teleologists, structural crisis, multi-level economy.*

JEL: B14, B15, B31, B59, N14.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Н.В. КУЛИКОВА
кандидат географических наук,
руководитель Центра восточноевропейских исследований
ФГБУН Институт экономики РАН

И.С. СИНИЦИНА
кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник Центра восточноевропейских
исследований ФГБУН Институт экономики РАН

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ СО СТРАНАМИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

В статье рассматриваются тенденции развития торговли стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) с Россией; участие этих стран в экономической войне между Россией и Западом, влияние санкций на экономические отношения стран региона с Россией, процессы обхода санкций и организации схем экспорта в Россию товаров двойного назначения, ухода компаний стран региона из РФ. Особое внимание уделено последствиям энергетического кризиса и перестройки цепочек поставок ресурсов для экономики стран Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ). Делается вывод, что антироссийские санкции и энергетический кризис нанесли экономике стран ЦВЕ более существенный ущерб, чем большинству других стран ЕС, а также что шансы на восстановление экономических отношений между Россией и странами ЦВЕ в текущей геополитической ситуации не просматриваются.

Ключевые слова: *Россия, Восточная Европа, торговля, энергоносители, санкции, энергетический кризис, экономическая война, инфляция, экономический рост.*

УДК: 339.98

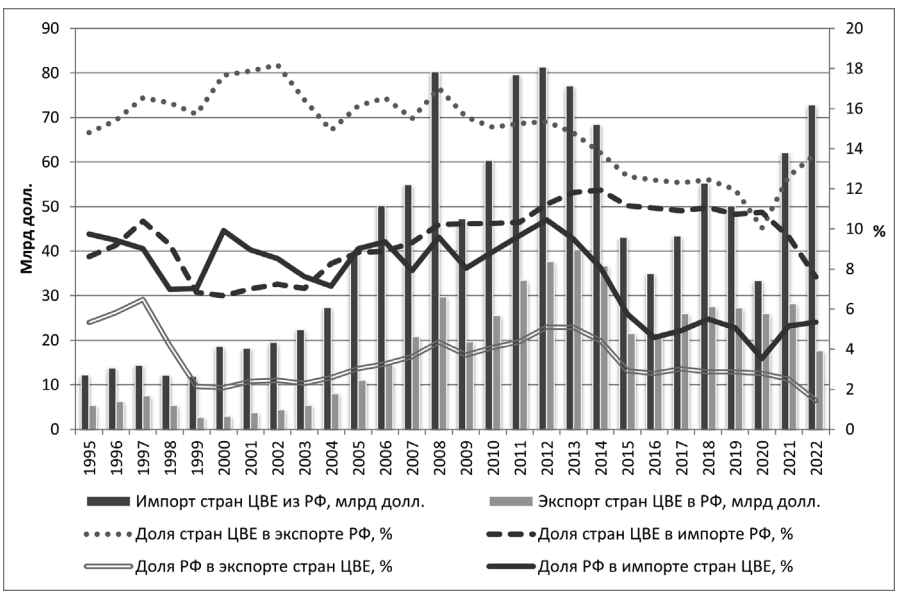
EDN: MCAYHP

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_134_156

Долгосрочные тенденции в развитии торговли стран ЦВЕ с Россией

Торговые отношения между РФ и странами ЦВЕ после распада СЭВ прошли путь от обвала в первой половине 1990-х годов до медленного восстановления в начале 2000-х годов и подъема с середины 2000-х гг., но на траекторию стабильного развития они так и не вышли (см. рис. 1)[1].

Колебания объемов экспортно-импортных поставок мало отразились на взаимном значении рынков стран-партнеров: доля России в экспорте стран ЦВЕ за последние 25 лет не только не достигла уровня середины 1990-х годов (6,5%), а напротив, испытав лишь небольшой подъем в 2008–2014 гг. (до 4–5%), снизилась до 2,5% в 2021 г. Доля России в импорте стран ЦВЕ формировалась на несколько более высоком уровне (максимальное значение – 10,3% в 2012 г.), но также снижалась, опустившись до 5,1% в 2021 г.[2]

Источник: рассчитано по UNCTADstat.

Рис. 1. Динамика товарооборота между Россией и странами ЦВЕ-16[3], 1995–2022 гг.

[1] Подробнее см. [3; 1, с. 30–50].

[2] Здесь и далее, если не указано иначе, статистические данные приводятся (или рассчитаны) по базе данных Eurostat.

[3] 11 стран ЦВЕ – членов ЕС (Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия, Эстония), четыре не входящие в ЕС бывшие республики СФРЮ (Босния и Герцеговина – БиГ, Македония, Сербия, Черногория) и Албания.

Значительные колебания объемов взаимной торговли были связаны с политическими и конъюнктурными, главным образом ценовыми, факторами. В результате мирового финансово-экономического кризиса стоимостной объем торговли между странами ЦВЕ и Россией в 2009 г. сократился на 40%. В последующие четыре года товарооборот полностью восстановился и даже превзошел докризисный уровень. Вследствие повышения мировых цен на главные экспортируемые из РФ товары – нефть, природный газ, металлы и другое сырье – российский экспорт в ЦВЕ рос высокими темпами, одновременно возрастал и экспорт из ЦВЕ в Россию, где экономика быстро восстанавливалась после мирового кризиса [3, с. 152].

С 2014 г. новый спад в торговле оказался еще более глубоким: за три года торговый оборот сократился почти на 55% [1, с. 34]. Это произошло вследствие обвала мировых цен на энергетические и сырьевые товары, а также экономического спада в России, снизившего спрос на российском рынке. Немаловажную роль сыграло также введение в 2014 г. антироссийских санкций ЕС из-за Крыма и ответного эмбарго России на ввоз продовольственной продукции из поддержавших санкции стран [1, с. 34–35]. Экономическое воздействие торговых ограничений на том этапе было не очень болезненным, поскольку запрещенный экспорт в РФ высокотехнологичного оборудования двойного назначения у стран ЦВЕ почти полностью отсутствовал, тогда как ограничения на экспорт продовольствия оказались относительно более чувствительными лишь для ряда стран – таких, как например, Польша. С 2017 г. товарооборот стал восстанавливаться, но эта тенденция была остановлена пандемией COVID-19, а затем и введением санкций против России в 2022 г.

Наряду со слабой динамикой товарооборота основной чертой взаимодействия России со странами ЦВЕ была резко выраженная асимметрия товарной структуры взаимных поставок.

В российском экспорте во все страны региона преобладало сырье, в первую очередь энергоносители, доля которых в импорте стран ЦВЕ из России до последнего времени мало менялась и варьировала от ¾ в Чехии до более чем 9/10 в Словакии. Доминирование в российском экспорте энергетических товаров, мировые цены на которые отличаются высокой волатильностью, стало ключевой причиной нестабильности его объема. В экспорте стран ЦВЕ в Россию резко возросла доля готовых промышленных товаров (с 65% в середине 1990-х годов до более чем 90% в конце 2010-х годов), в том числе более чем удвоилась доля машин и транспортных средств (с 22 до 45%), включая электронное и электротехническое оборудование [3, с. 154]. Таким образом, товарная структура торговли России со странами ЦВЕ напоминала торговые отношения между отсталыми и развитыми странами, когда сырье обменивается на широкую номенклатуру готовой продукции [1, с. 38].

Проблемы участия в экономической войне Запада с Россией для стран ЦВЕ

После начала СВО на Украине торгово-экономические отношения России со странами ЦВЕ столкнулись с новыми, острыми вызовами. С 22 февраля 2022 г. по 16 октября 2023 г. против РФ было введено 15242 санкций в дополнение к тем 2695, которые уже действовали ранее [9]. Экономические санкции были приняты в отношении финансового сектора, транспортного сообщения, торговых отношений.

Одной из мер давления на Россию стало отключение крупнейших российских банков от системы межбанковских платежей SWIFT. Операции с ЦБ России были запрещены, а его размещенные за рубежом активы заморожены, из-за чего Россия технически лишилась возможности расплачиваться с нерезидентами. Жесткие ограничения были введены в отношении транспортного сообщения. ЕС, как и ряд других стран, запретил полеты самолетов российских авиакомпаний над своей территорией. Принятый 8 апреля 2022 г. пятый пакет санкций содержал запрет на заход российских судов в порты ЕС и на перевозки грузов по его территории наземным российским и белорусским транспортом, включая транзитный. Запрет не распространялся только на перевозку фармацевтических препаратов и медицинских изделий, сельскохозяйственных и продовольственных товаров, а также на перевозки в гуманитарных целях [2, с. 18–19].

Европейский союз принял уже 11 пакетов санкций и готовится принять 12-й. Был ограничен доступ России к европейской промышленной продукции, прежде всего к высокотехнологичным товарам и оборудованию[4], запрещен импорт в ЕС традиционных продуктов российского экспорта, таких, например, как уголь, частично нефть и нефтепродукты, древесина, цемент, морепродукты и спиртные напитки. Страны ЦВЕ, будучи членами или кандидатами в члены ЕС, одни с энтузиазмом, другие подчиняясь общеевропейской дисциплине, поддержали введение всех этих санкций несмотря на то, что многие из них вступали в противоречие с национальными интересами этих стран. Не присоединились к новым санкциям, как и к санкциям за присоединение Крыма в 2014 г., только Сербия и БиГ, где этому воспрепятствовала Республика Сербская [2, с. 17].

Наиболее болезненным для стран ЦВЕ стало распространение санкций ЕС на энергетический сектор, предполагавшее отказ от импорта

[4] Прямой запрет на поставки затронул примерно одну треть европейского экспорта в Россию в стоимостном выражении. Доля транспортного оборудования в объеме запрещенной продукции составила 45%, химической продукции – 19%, электроники – 12%, станков – 11% [8].

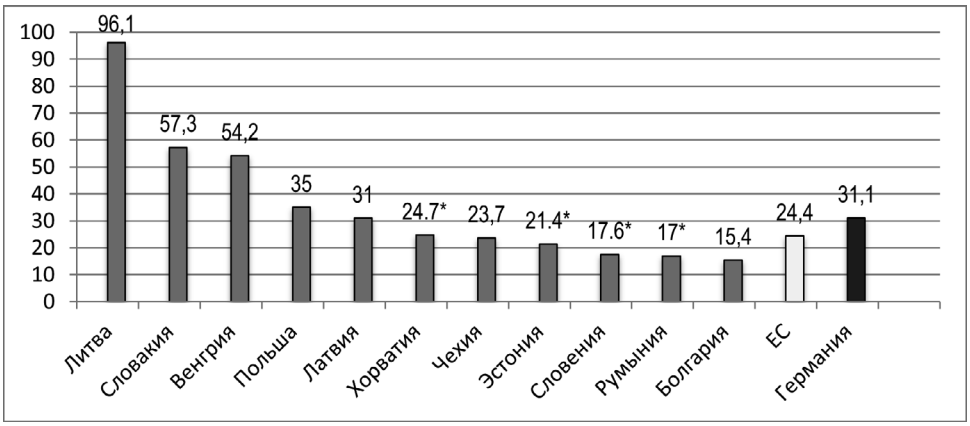
ряда энергоносителей из РФ. Многие из этих стран в силу исторических причин и географического положения находились в глубокой зависимости от снабжения российскими энергоресурсами [2, с. 19] (см. рис. 2). Если в целом по ЕС доля российских энергоносителей в энергобалансе в 2020 г. составляла менее ¼, то в Латвии и Польше на них приходилось около ⅓ совокупного потребления энергии, в Венгрии и Словакии – более половины, а в Литве – 96%.

Так, в 2021 г. Россия покрывала по газу почти 100% импортных потребностей Чехии, Латвии, БиГ, Северной Македонии, Сербии, Венгрии и от 50% до 80% Болгарии, Румынии, Словакии и Польши; по нефти и нефтепродуктам – от 30% до 77% импортных потребностей Словакии, Литвы, Польши, Венгрии, Эстонии, Румынии и Чехии; по углю и коксу – от 60 до 93% импортных потребностей Литвы, Болгарии, Эстонии, Хорватии, Польши, Румынии и Албании. Еще более очевидным становится значение российских поставок газа, нефти и угля, если рассматривать их доли в общем импорте соответствующих энергоносителей на фоне структуры энергобалансов стран ЦВЕ (см. рис. 3).

Ограничения энергопоставок из России начались с эмбарго на импорт российского угля с 10 августа 2022 г.; 5 декабря вступил в силу запрет на морские поставки российской нефти, а с 5 февраля 2023 г. – нефтепродуктов. Запрет не затронул поставки по нефтепроводу «Дружба». На этом настояли критически зависимые от российской нефти страны ЦВЕ, в частности Венгрия и Словакия. Полное нефтяное эмбарго создало бы для них проблемы из-за необходимости переналадки НПЗ, а также из-за отсутствия логистических возможностей для быстрой переориентации на альтернативных поставщиков. Послаблений добились также некоторые другие страны ЦВЕ – Болгария, Чехия, Хорватия [5, с. 14–15].

Неоднократно обсуждавшееся в ЕС введение газового эмбарго также встретило категорические возражения многих стран ЦВЕ – в частности, Венгрии, Словакии и Чехии – из-за важнейшей роли российского трубопроводного газа в их энергообеспечении. В Венгрии, например, за счет природного газа обеспечивается больше ⅓ энергопотребления, при этом 85% газа импортируется, и 95% этого импорта приходится на Россию.

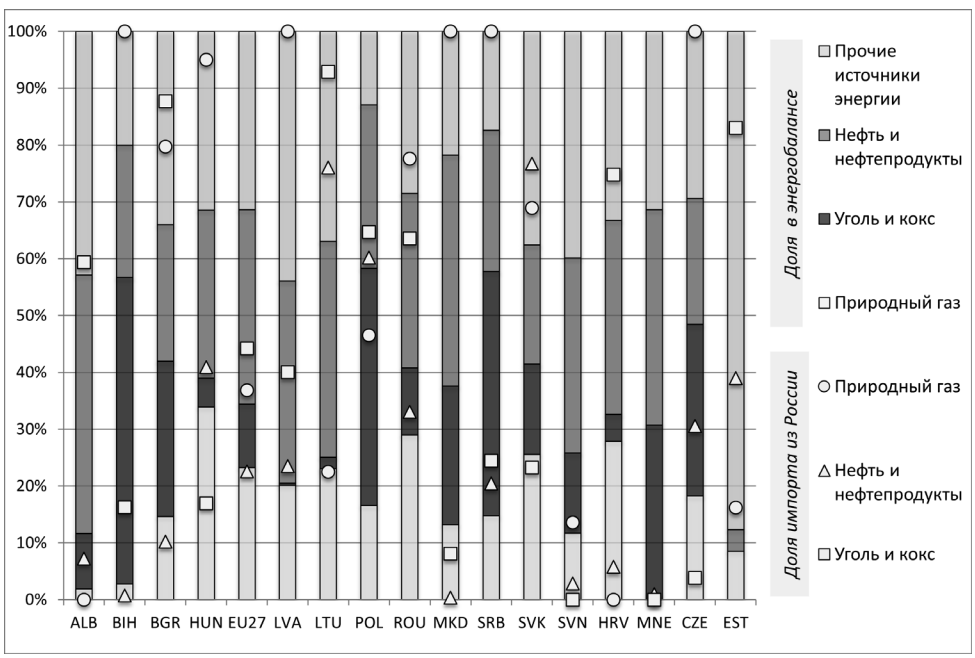
Воздержавшись от введения газового эмбарго, Европейская комиссия поставила перед странами задачу снижения зависимости от российского трубопроводного газа посредством его замещения сжиженным природным газом (СПГ) от альтернативных поставщиков и форсирования перехода на возобновляемые источники энергии. Однако поставки российского газа сократились и без ограничительных мер со стороны ЕС из-за запрета российского правительства использовать для его транспортировки польский участок газопровода «Ямал – Европа»,

* Оценки Eurostat.

Источник: [11].

Рис. 2. Доля российских энергоносителей в совокупном потреблении энергии ЕС и стран ЦВЕ– членов ЕС, 2020 г., %

Источник: рассчитано авторами по: Eurostat [NRG_TI_GAS, NRG_TI_OIL, NRG_TI_SFF, NRG_BAL_C] на основе данных о физических объемах и теплотворной способности импортируемых энергоносителей.

Рис. 3. Доля отдельных энергоносителей в энергобалансах стран ЦВЕ-16 и зависимость от их импорта из РФ, 2021 г.

из-за отказа Украины принимать газ через распределительную станцию «Сохрановка», находящуюся на территории ЛНР, а также из-за сокращения, а затем прекращения (из-за выведения газопровода из строя в результате диверсии) поставок по МГП «Северный поток».

Ситуация с поставками энергоресурсов из России привела к стремительному росту цен на газ и электроэнергию в Европе и стала угрожать их дефицитом в зимний период 2022/23 гг. Еврокомиссия начала рассматривать различные варианты преодоления энергетического кризиса, в частности путем ограничения энергопотребления в странах ЕС, совместных закупок ими энергоносителей. Предлагаемые меры вызвали возражения некоторых стран ЦВЕ. Так, Венгрия и Польша не поддержали план ЕС по сокращению потребления газа на 15% в период с 1 августа 2022 г. по 31 марта 2023 г. по сравнению со средними показателями за последние 5 лет [7]. Однако 5 августа 2022 г. этот план был принят, поскольку по регламенту он нуждался в поддержке большинства, а не всех стран-членов ЕС [2, с. 23].

Влияние санкционной войны на экономические отношения стран ЦВЕ с Россией

Санкции негативно сказались на экономических отношениях стран ЦВЕ с Россией, причем не только прямо, но и косвенно. Среди косвенных последствий – остановка инвестиций, прекращение взаимных поставок многих товаров, на которые санкционные ограничения формально не распространялись, формирование цепочек обхода санкций, развитие «теневой» торговли, добровольный, напрямую не требуемый санкциями, политически мотивированный массовый уход восточноевропейских компаний из РФ и ряда российских компаний из стран ЦВЕ.

Торговля

Для торговли стран ЦВЕ с Россией в 2022 г. и первом полугодии 2023 г. была характерна разнонаправленная динамика.

В 2022 г. стоимостной объем импорта из России в регион увеличился примерно в 1,2 раза, в основном вследствие его резкого роста в большинстве стран в I полугодии. В Хорватии, Венгрии и Словении, например, объем импорта из РФ в июне 2022 г. был в 3–6 раз больше, чем годом ранее, вследствие активных закупок российских энергоносителей в преддверии введения запретов на их импорт, а также резкого роста цен на сырье и углеводороды. Во II полугодии 2022 г. стоимостной объем импорта стран ЦВЕ из России постепенно сокращался, прежде всего вследствие снижения натуральных объемов поставок энергоресурсов (при сохранении высоких уровней цен). В целом за

2022 г., несмотря на значительный рост импорта из РФ, торговля стран ЦВЕ с другими партнерами развивалась быстрее и в результате доля России в их внешнеторговом обороте уменьшилась.

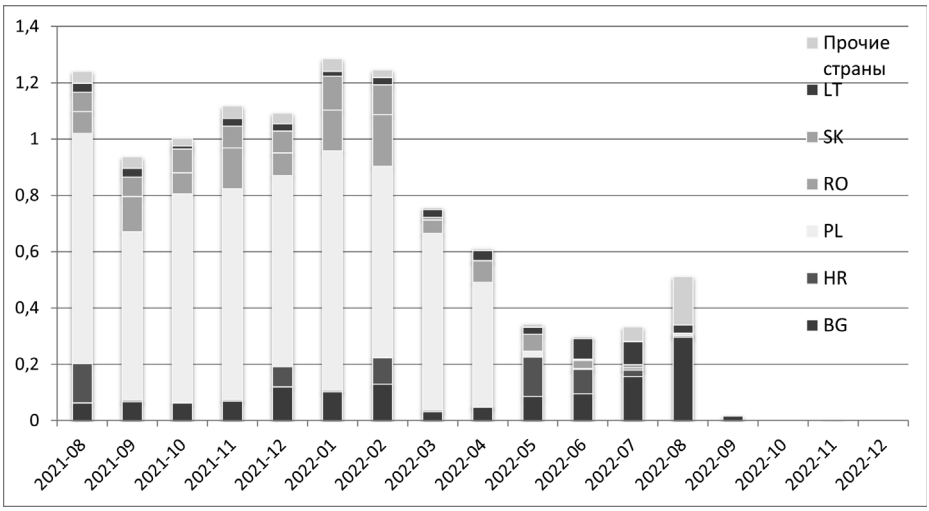
В январе 2023 г., после вступления в силу нефтяного эмбарго, стоимостной объем импорта стран ЦВЕ из России упал почти вдвое в годовом выражении, а к марту – почти в пять раз. Изменилась и его географическая структура: выросла доля поставок в Венгрию, Болгарию, Словакию и Словению и сократилась в другие страны. В I полугодии 2023 г., когда цены на газ и нефть на мировых биржах заметно снизились, объем импорта в регион из России сократился более чем в 3 раза год к году, в Польшу – почти в 7 раз, а в Хорватию, Словению, Румынию, Эстонию и Литву – в 10 и более раз.

Приведенные стоимостные показатели импорта из России отчасти затушевывают динамику реальных поставок, поскольку сравнение показателей за отдельные месяцы не дает представления о натуральном наполнении товарных потоков вследствие высокой волатильности цен на энергоносители в 2021–2022 гг. Картину сдвигов в импорте энергоносителей странами ЦВЕ из России дают его показатели в натуральном выражении (см. рис. 4, 5).

Так, с объявлением весной 2022 г. о введении в действие с 10 августа эмбарго на импорт российского угля объем его поставок в регион резко сократился, чему в большой мере поспособствовало досрочное прекращение импорта Польшей. Резко нарастили закупки «про запас» только Болгария, Хорватия и Словения. Впрочем, объем таких закупок у них был невелик.

С марта 2022 г. практически все страны ЦВЕ в той или иной мере нарастили импорт из России нефти и нефтепродуктов. Повышенный объем импорта сохранялся вплоть до ноября, то есть почти до момента введения в действие запрета на морские поставки сырой нефти, после чего объем нефтяных поставок из России значительно уменьшился. Со вступлением в силу эмбарго на поставки нефтепродуктов (февраль 2023 г.) сохранились лишь поставки, осуществлявшиеся по южной нитке нефтепровода «Дружба». Помесячные объемы нефтяных поставок в регион к середине 2023 г. сократились до 30–40% от «досанкционных» значений. При этом сокращение было значительно менее резким, чем в случае поставок в развитые страны ЕС[5], что объясняется высокой трубопроводной привязкой стран ЦВЕ к российской нефти, которая и обусловила введение переходного периода для тех из них, которые не имели возможности заместить российские трубопроводные поставки морскими от альтернативных поставщиков.

[5] В целом по ЕС-27 натуральный объем импорта нефти и нефтепродуктов из России в I полугодии 2023 г. составил лишь 18,3% от соответствующего периода 2022 г. [12].

Источник: Eurostat [DS-018995].

Рис. 4. Импорт угля странами ЦВЕ-11 из РФ в 2021–2022 гг., млн т

Источник: Eurostat [DS-018995].

Рис. 5. Импорт нефти и нефтепродуктов странами ЦВЕ-11 из РФ в 2021–2023 гг., млн т

Сокращение импорта в регион российского природного газа происходило постепенно примерно с середины 2021 г., главным образом вследствие сокращения поставок по трубопроводу «Ямал-Европа». В I квартале 2022 г. отмечался небольшой рост газовых поставок благодаря увеличению прокачки по Ямальскому газопроводу и транзита через Украину. Однако затем поставки в регион вновь значительно сократились, поскольку по Ямальской «трубе» они в мае прекрати-

лись, по украинскому маршруту опустились до минимального объема (и не восстановились до сих пор, оставаясь на уровне примерно ¼ его пропускной способности), а по «Северному потоку – 1» резко уменьшились в мае–июне и затем полностью прекратились. По оценкам Евростата, объем поставок газа из РФ в страны ЦВЕ снизился в I половине 2023 г. минимум в 2,5–3 раза [12].

Товарная структура импорта стран ЦВЕ из России в стоимостном выражении в 2022 г. не претерпела принципиальных изменений. Доля минерального топлива в нем даже выросла (до 78,5% против 66,9% в 2021 г.). В результате при общем росте стоимости импорта ЦВЕ-11 из России в 2022 г. по сравнению с 2021 г. на 23,1% импорт за вычетом энергоносителей сократился на 23,8%.

Среди количественно значимых позиций в наибольшей степени упал импорт металлических руд и металлолома (на 74,6%), продукции черной металлургии (на 48,3%), а также деревообработки (на 46%). Объем импорта продукции химической промышленности сохранился практически на прежнем уровне, но при этом отмечалось значительное падение импорта пластмасс и изделий из них (на 40–50%), фармацевтической продукции и моющих средств, которое было компенсировано ростом импорта продукции неорганической химии (на 25%) и минеральных удобрений (на 9,2%). Резко возрос также импорт агропродукции (на 78,4%), в первую очередь кормов для скота (в 3,8 раза), зерна (в 2,2 раза), растительных масел (на 69%) и рыбы (на 64%).

Что касается продукции машиностроения, то при и без того крайне малом удельном весе в импорте из РФ (около 2% в 2021 г.), ее стоимостной объем в 2022 г. уменьшился на 22,6%. Особенно значительным было сокращение покупок российских специализированных машин для отдельных отраслей (на 46%) и продукции транспортного машиностроения (на 45%).

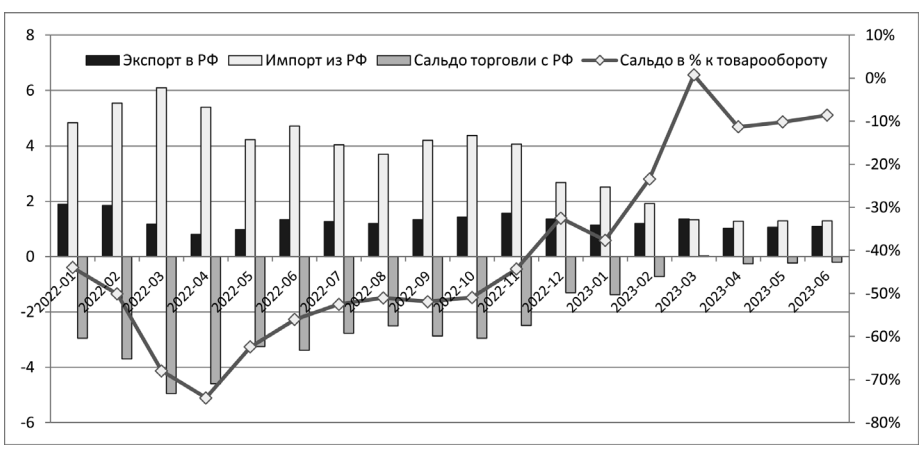
Стоимостной объем экспорта в Россию во всех без исключения странах ЦВЕ сократился уже в феврале-марте, и в апреле 2022 г. он составил в целом по региону менее 40% от объема апреля 2021 г. Особенно резким было падение экспорта из Румынии – почти в 10 раз, Чехии, Словакии, Польши и Венгрии – от пяти до трех с лишним раз год к году. Столь глубокий спад был связан со спецификой товарной структуры экспорта, на ¼ состоящего из изделий высокого и среднего технологического уровня, значительная часть которых подпала под санкционные ограничения ЕС. Кроме того, свою роль сыграли усложнение финансовых расчетов и затруднения с транспортным сообщением, а также решения многих восточноевропейских корпораций прекратить бизнес с Россией.

К середине года началась постепенная адаптация хозяйствующих субъектов к изменившимся условиям взаимодействия с Россией,

и в ряде стран наметилось некоторое восстановление объемов поставок товаров на российский рынок. Однако к январю 2023 г. только 5 стран (Словения, Хорватия, Болгария, Латвия и Эстония) вышли на объемы экспорта в Россию годовой давности или превзошли их (Словения, Хорватия). В Чехии, Словакии и Польше экспорт в РФ в январе 2023 г. сократился в 2–4 раза год к году. В результате совокупный объем экспорта товаров из региона в Россию в 2022 г. уменьшился на треть (до значений, зарегистрированных еще в 2006–2007 гг.). Сокращение объема экспорта стало главным образом следствием снижения почти в четыре раза поставок машин и оборудования.

В результате произошло резкое обеднение товарной структуры экспорта из стран ЦВЕ в Россию: в ней заметно выросла доля товаров, не охватываемых санкциями ЕС (в частности, продуктов питания и медицинских товаров), и сократился удельный вес продукции машиностроения – с почти 45% в 2021 г. до 21% в I полугодии 2023 г., причем такое сокращение наблюдалось во всех без исключения странах. Что же касается основных региональных поставщиков этой продукции в Россию, а это страны Вышеградской четверки и Румыния, то здесь падение поставок находится на грани их полного прекращения.

Отмеченные тенденции в динамике товарных поставок еще больше снизили значимость России как торгового партнера для стран ЦВЕ. И хотя Россия уже давно не является важным экспортным рынком для большинства из них, ее доля в общем объеме экспорта товаров в 2022 г. во всех без исключения случаях заметно сократилась, и в восьми из одиннадцати стран не превысила 2%. Относительно более важным экспортным рынком Россия остается лишь для стран Балтии, особенно Латвии и Литвы, поставки из которых в Россию на 80–85% представляют собой реэкспорт из других стран ЕС [13].

Источник: рассчитано авторами по: Eurostat [DS-018995].

Рис. 6. Сальдо торговли стран ЦВЕ-11 с Россией в 2022–2023 гг., млрд евро

Соотношение динамики импорта и экспорта стран ЦВЕ привело к увеличению почти вдвое отрицательного для них сальдо торговли с Россией в 2022 г. Однако помесячные данные показывают его заметное сокращение во второй половине года и даже выход на положительные или близкие к нулевым значения в первом полугодии 2023 г. (см. рис. 6).

Обход санкций

Официальные данные о сжатии торговых потоков в условиях санкций следует рассматривать в контексте изменения поведения хозяйствующих субъектов, которые активизировали поиск путей компенсации утраченных каналов поставок. Побочным эффектом санкционной политики стало расширение участия предпринимателей стран ЦВЕ в процессах обхода санкций в форме организации схем экспорта в Россию товаров двойного назначения, а также подпадающих под торговые ограничения высоко- и среднетехнологичных товаров, с помощью посредников или «фирм-прокладок» в странах, не присоединившихся к антироссийским санкциям.

В структуре экспортных поставок ряда стран ЕС, в том числе из региона ЦВЕ, возникли аномалии, не наблюдавшиеся в предшествующие годы: в 2022–2023 гг. резко возрос экспорт товаров в Армению, Грузию и страны Центральной Азии. Одновременно увеличился экспорт из этих стран в Россию: к примеру, из Армении в 2022 г. – почти втрое, из Казахстана – на 25%[6].

По данным европейского Центра исследований экономической политики (CEPR), ¾ компенсирующих импортных поставок в Россию обеспечили Турция и Казахстан [8]. Заметными транзитными хабами для отправки в Россию товаров из ЕС стали Армения, Узбекистан, Грузия, Азербайджан и Сербия. Так, импорт Арменией легковых автомобилей из стран ЦВЕ в 2022 г. увеличился в 7,8 раза по сравнению со средним показателем за предыдущие пять лет, а автозапчастей – почти в 13 раз; в Узбекистане возрос в три раза импорт бытовой электротехники и стиральных машин, в Грузии – в 6,7 раза импорт автозапчастей, в Азербайджане – в 4,2 раза импорт мобильных телефонов и т. д.

В июне 2023 г. ЕС принял 11-й пакет санкций, специально направленный на пресечение нарушений санкционного режима и на контроль за действиями третьих стран и организаций, которые подозреваются в содействии обходу ранее введенных санкций. Пакет содержит запрет европейским компаниям, поставляющим санкционные

[6] Армения, Казахстан и Киргизия являются членами Евразийского экономического союза, и товары из них могут ввозиться из них в Россию без досмотра и уплаты таможенных пошлин.

товары и технологии, лицензировать и продавать связанную с ними интеллектуальную собственность и ноу-хау с тем, чтобы не допустить создания «производства таких товаров в России или в других странах для передачи в Россию» [10]. Еврокомиссия также опубликовала список «экономически критических товаров», к которым были отнесены товары, экспорт которых в Россию из третьих стран вырос в 2022 г. минимум в два раза по сравнению со средним значением за три предшествующих года. В список вошли, в частности, смартфоны и стационарные телефоны, бытовая техника (микроволновые печи, фены, кофемашины), твердотельные накопители, волоконно-оптические кабели и силовые конденсаторы [4]. В отношении подобных товаров в перспективе предусмотрена возможность ограничения или запрета их экспорта в третьи страны, «существенно и систематически» помогающие России приобретать санкционные технологии и товары двойного назначения. Помимо этого, ЕС намерен ввести уголовную ответственность за обход санкций и конфискацию приобретенных таким путем активов. Одновременно запрет на транзит через РФ, уже действовавший в отношении продукции двойного назначения, был распространен и на широкий круг товаров, «способствующих технологическому развитию». В краткосрочной перспективе подобные меры, вероятно, способны привести к затруднению и удорожанию «серого» импорта в Россию, однако очевидно, что ни запрет транзита, ни усиление импортно-экспортного контроля не смогут остановить обходные схемы поставок, тем более что последние непрерывно совершенствуются.

К официально регистрируемым объемам торговли следует добавить, помимо описанного выше импорта России в рамках посреднических схем, также статистически плохо учитываемый поток «серого» экспорта из России, например, поставки российского сырья и материалов в составе товаров из третьих стран. Эта практика стала причиной ужесточения Еврокомиссией в рамках 11-го пакета санкций контроля за импортом в ЕС металлургической продукции. Странам, импортирующим металлопродукцию из третьих стран, необходимо теперь будет доказывать, что эта продукция не изготовлена из российского сырья [6].

Еще один пример обхода санкций, который в настоящее время расследуется Еврокомиссией, связан с ввозом в Польшу через третьи страны российской и белорусской древесины. Продукция из древесины и ранее поставлялась российскими предпринимателями в Казахстан и Турцию с последующим перенаправлением ее в страны ЕС. Однако после введения ограничений на прямые поставки обходные схемы заметно интенсифицировались. Российские производители начали массово вывозить древесную продукцию в Казахстан и Кыр-

гызстан, а затем экспортировать ее оттуда как местный продукт. Европейской статистикой был зафиксирован резкий (в сотни раз!) рост за год экспорта изделий из древесины в ЕС из Казахстана и Кыргызстана. Основным потребителем березовой фанеры, поступающей из Казахстана, является Польша, и именно по ее инициативе Европейская комиссия начала расследование практики реэкспорта этого продукта российского происхождения через Турцию и Казахстан в ЕС [15].

Интенсификация описанных выше товарных потоков через посредников между странами ЦВЕ и Россией, однако, далеко не компенсирует убывания статистически регистрируемого товарного обмена и чаще всего опирается на отдельные товарные сделки, не имеющие долговременной основы. И, конечно, такие поставки, находящиеся под угрозой применения санкционных мер к участвующим в них фирмам, не могут стать основой для долгосрочной кооперации и, тем более, обеспечить налаживание инвестиционного сотрудничества.

Уход восточноевропейских компаний из России

После начала введения санкций иностранные компании стали массово принимать решения о добровольном прекращении, сокращении или приостановке деятельности в России[7]. На конец августа 2022 г. из 1140 компаний, сообщивших о таких решениях, 87 были из стран ЦВЕ, главным образом из Польши (36) и Чехии (16). Из их числа полностью прекратили деятельность в России 25 компаний (29%), 41 компания (47%) временно свела практически к нулю почти все операции (но сохранила при этом возможность возврата на рынок), 13 компаний отказались от большей части операций на рынке (сохранив при этом присутствие в стране). О сокращении инвестиций и остановке развития (но при сохранении значительной части бизнеса на российском рынке) объявили 8 компаний. Лишь немногие крупные фирмы из стран ЦВЕ заявили о решении продолжить бизнес в России в обычном режиме. В их числе – китайско-словенский производитель бытовой техники Gorenje, фармацевтические фирмы из Венгрии (Gedeon Richter) и Словении (Krka) [2, с. 31–32].

Во многих случаях побудительным мотивом для ухода с российского рынка в 2022 г. послужило общественное давление на работающие в России компании в странах происхождения, вплоть до бойкота потребителями их товаров и услуг. В ряде случаев этот уход был связан и с объективными факторами – резким ростом неопределенности

[7] Аналогичная ситуация наблюдалась и с российским бизнесом в странах ЦВЕ. Многие российские компании уже с 2014 г. стали избавляться от своих активов в этих странах. Так поступил Сбербанк, так поступил и Лукойл, продав свои активы в Венгрии, Словакии, Чехии.

и рисков функционирования на российском рынке, разрывом налаженных логистических цепочек, санкционными препятствиями для перевозки продукции и связанным с ними дефицитом сырья и комплектующих, осложнениями в осуществлении расчетов, волатильностью курса рубля, сложностями с проведением платежей и др.

По мере того, как становилось очевидным, что риски для функционирования хозяйствующих субъектов в России были преувеличены и оставшиеся здесь фирмы не испытывают серьезных проблем с товарными поставками и финансовыми транзакциями, процесс исхода иностранных игроков с российского рынка замедлился. К осени 2023 г., согласно базе данных Йельской школы менеджмента,* общее число иностранных фирм, прекративших либо существенно сокративших свои операции в РФ, выросло до 1370, то есть на 20%. Из них 96 компаний (7%) имели свои штаб-квартиры в странах ЦВЕ [16]. Но хотя на первый взгляд общая картина по сравнению с августом 2022 г. изменилась незначительно, обращает на себя внимание тот факт, что среди фирм из стран ЦВЕ в наибольшей степени выросла доля тех, которые покинули российский рынок полностью (37 компаний, или 39%), тогда как доля более осторожных игроков, лишь сокративших свои операции, заметно уменьшилась. Некоторые крупные компании, в 2022 г. заявлявшие о сохранении своего российского бизнеса, впоследствии приняли решение о приостановке деятельности в России (например, крупнейшая нефтегазовая компания Венгрии MOL).

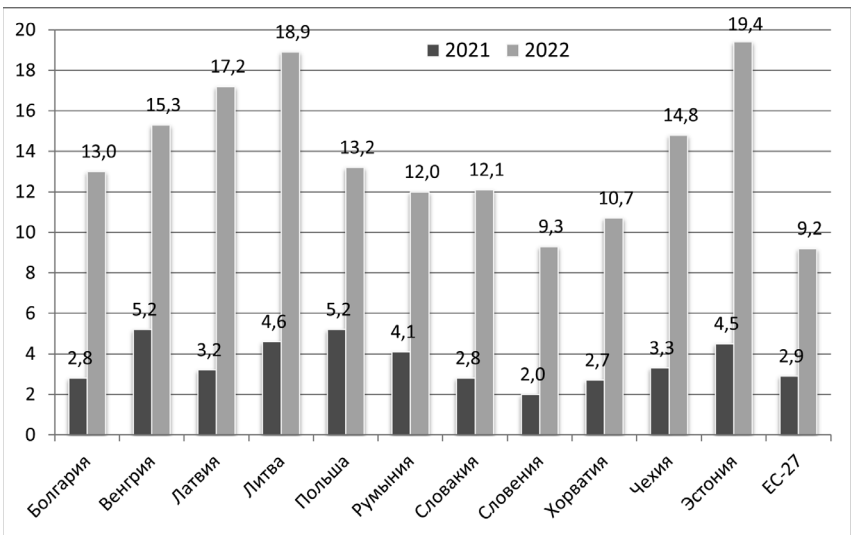
*Йельский университет (США) признан нежелательной организацией в России.

Последствия энергетического кризиса и перестройки цепочек поставок ресурсов для экономики стран ЦВЕ

Воздействие на макроэкономическую ситуацию в странах ЦВЕ различных торговых санкций было неодинаковым. Ограничения в неэнергетической сфере не имели значимых макроэкономических последствий, поскольку доля России в общем объеме экспорта в большинстве этих стран была крайне низкой, а попавший под запрет высокотехнологичный экспорт в Россию у многих из них попросту отсутствовал.

Другое дело импорт из России энергоносителей, сырья и полуфабрикатов. На фоне сжатия доли РФ в совокупном импорте стран ЦВЕ (до примерно 5% в последние годы) российские поставки по ряду товарных позиций сохраняли весьма существенное или даже критически важное значение. Это касалось импорта природного газа и прочих газообразных углеводородов, сырой нефти, сжиженного пропана и бутана, угля, серы и железного колчедана, железной руды и концентратов, полуфабрикатов из чугуна и стали, синтетического каучука, продуктов неорганической химии, удобрений и сырья для их производства [5, с. 25].

Географическая перестройка цепочек поставок в процессе сокращения объемов импорта из России и подготовки к введению объявленных эмбарго на импорт углеводородов дали мощный импульс повышению цен на соответствующих рынках. В середине 2022 г. темпы инфляции во всех странах региона ЦВЕ вышли на двузначный уровень, а в странах Балтии и в Венгрии превысили психологически важную черту в 20%. Со второй половины года рост потребительских цен несколько замедлился, но в среднем за год его темпы были выше, чем в 2021 г. (см. рис. 7). Одной из причин более высокой инфляции в странах ЦВЕ по сравнению с более развитыми странами ЕС послужило то, что газ, электроэнергия и продукты питания составляют в них большую часть потребительской корзины. Немаловажным фактором послужил и высокий инфляционный потенциал, накопленный во время пандемии вследствие крупных вливаний в экономику бюджетных средств. Еще одной причиной стали снизившиеся в период пандемии и не восстановившиеся до 2022 г. курсы восточноевропейских валют.

Источник: Eurostat [PRC_HICP_AIND].

Рис. 7. Темпы прироста среднегодового уровня потребительских цен в ЕС и странах ЦВЕ-11 в 2021–2022 гг., %

Нарастание инфляции происходило несмотря на растянутость во времени отказа от российских поставок: в первой половине 2022 г. торговые ограничения вообще не коснулись энергетической сферы, запреты на импорт угля, нефти и нефтепродуктов вводились поэтапно и с исключениями или послаблениями для ряда стран. В случае же одномоментного полного прекращения импорта из России углеводородов и другого сырья ценовой шок мог бы быть значительно сильнее.

Замедление темпов инфляции со второй половины 2022 г. было связано с динамикой цен на энергоносители и продовольствие. Мировые цены на нефть к концу 2022 г. снизились до 80–90 долл. за баррель (со 120 долл. в марте), то есть до уровня осени 2021 г. Цены на газ в Европе к лету 2023 г. упали до примерно 300–400 долл. за тыс. куб. м, то есть в 6–8 раз по сравнению с мартом 2022 г., и продолжили снижаться. Уголь в европейских портах уже в начале 2023 г. стоил около 170 долл. за тонну, а в сентябре подешевел до менее чем 120 долл., тогда как в 2022 г. его цена превышала 400 долл. По сравнению с максимальными значениями марта 2022 г. более чем в три раза снизилась цена за мегаватт-час электроэнергии. Падение цен на энергоносители и электроэнергию в Европе было связано с перестройкой географии поставок, высоким уровню заполнения газохранилищ и благоприятными погодным условиям. Индекс продовольственных цен ФАО, достигнув рекордных значений в середине 2022 г., также начал неуклонно снижаться вплоть до уровней, характерных для начала 2021 г.

Снижению темпов инфляции способствовали также активные меры бюджетной поддержки потребителей энергоресурсов (домохозяйств и предпринимателей), принимавшиеся в странах ЦВЕ, как и во всем ЕС, с осени 2021 г. Речь идет о снижении НДС на энергию, регулировании розничных цен, компенсации роста цен на энергоносители в форме трансферов уязвимым группам населения, введении различных форм поддержки бизнеса и некоторых других. В той или иной степени к таким мерам прибегали все страны региона, причем предпочтение отдавалось нецелевым мерам, прямо снижающим цены (например, снижению акцизных сборов и НДС), а не мерам по поддержке доходов.

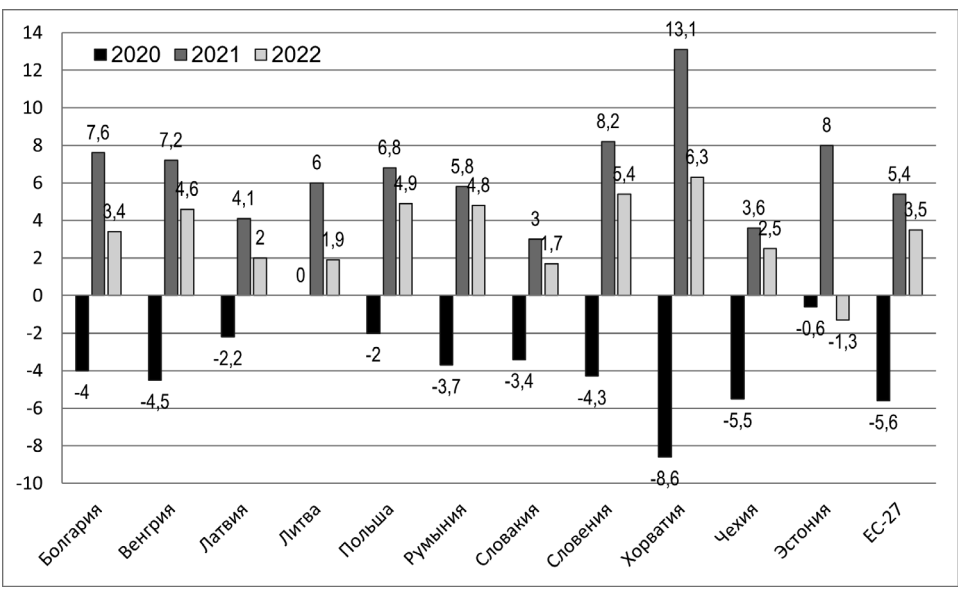
Масштаб бюджетных вливаний в поддержку потребителей был значительным. Так, общий объем выделенных на эту цель средств в период энергетического кризиса, соотнесенный с объемом ВВП за 2021 г., составил в Болгарии 5,7%, Литве – 5,1%, Словении – 4%, Чехии, Словакии и Румынии – 3,8%, Латвии – 3,3%, Хорватии – 3,2%, Польше – 2,2%, Эстонии – 2,0% [14]. По мере отказа от мер господдержки потребителей энергии значительный инфляционный потенциал будет высвобождаться, препятствуя общему тренду снижения инфляции. Один только отказ от нулевого НДС на энергоресурсы и от снижения его ставки на продукты питания создаст мощный дополнительный инфляционный импульс.

Говорить об успешном преодолении негативных последствий энергетического кризиса и о его окончании, по всей видимости, рано. Пространство для снижения цен на топливно-сырьевые товары иссякает, что демонстрирует рынок сырой нефти. Розничные цены на топливо адаптируются к тенденциям на международных рынках, и в новом ото-

пительном сезоне возможны новые скачки цен на газ вследствие роста импорта дорогого СПГ. Из этого следует, что возвращение к целевым показателям инфляции остается пока для стран ЦВЕ делом среднесрочной перспективы.

Высокая инфляция сыграла ключевую роль в замедлении или остановке экономического роста в странах ЦВЕ. Скачок цен уже к середине 2022 г. резко сократил внутренний спрос и инвестиции, снизилась экономическая активность хозяйствующих субъектов. В некоторых странах из-за аномально высоких цен на газ и электроэнергию остановили работу крупнейшие предприятия металлургии (Словакия) и химической промышленности (Румыния, Польша, Венгрия, Литва), в частности, производящие минеральные удобрения. Из-за прекращения авиасообщения и остановки деятельности в России платежных систем MasterCard и Visa упал практически до нуля поток российских туристов, что нанесло ущерб туристическому сектору Черногории, Хорватии, Болгарии, Чехии.

Темпы прироста ВВП в странах ЦВЕ в 2022 г. снизились примерно вдвое по сравнению с 2021 г. (см. рис. 8). К концу года из-за перебоев в цепочках поставок, высоких цен на сырье и энергию и сжатия внешнего спроса экономический рост в большинстве стран ЦВЕ практически прекратился, а в Литве и Эстонии началась рецессия. В I квартале 2023 г. в нее погрузилась также Венгрия, а во II квартале – уже больше половины стран ЦВЕ.

Источник: Eurostat [NAMA_10_GDP].

Рис. 8. Годовые темпы прироста ВВП по отношению к предыдущему году, %

В 2023 г. экономическую активность хозяйствующих субъектов продолжали подавлять жесткие финансовые условия и слабый внешний и внутренний потребительский спрос, хотя падение цен на энергоносители и устранение узких мест в поставках в некоторой степени сдерживали ее снижение. Для стран ЦВЕ, особенно для стран Вышеградской группы, серьезный причиной экономического спада стало сокращение ВВП Германии – их основного торгового партнера, спрос со стороны которого формирует значительную часть прироста добавленной стоимости в этих странах. И поскольку сокращение ВВП Германии в 2023 г. составит, по оценке Еврокомиссии, около 0,4%, оно напрямую скажется на динамике экспорта стран ЦВЕ.

Ближайшие экономические перспективы стран ЦВЕ не выглядят оптимистично. По октябрьскому прогнозу МВФ темп прироста ВВП региона в 2023 г. составит лишь 0,8%, а в 2025 г. – 3%, что значительно ниже, чем было в 2022 г. (3,9%) и тем более на этапе восстановительного роста после пандемического кризиса в 2021 г. (6,4%)[8]. Эти прогнозы подтверждают высокую цену, которую страны региона платят, преодолевая инфляционные шоки и перестраивая каналы поставок энергоресурсов и сырья. Несмотря на то, что цены на энергоносители в целом вернулись к уровню до начала СВО, 2023 г. оказался для стран региона трудным, особенно в сравнении, например, с увеличившими более чем вдвое экспорт и реэкспорт в Россию странами Центральной Азии, в которых темп прироста ВВП прогнозируется на уровне 5,7% в 2023 г. и 5,9% в 2024 г.

Говоря о среднесрочных перспективах экономического роста, эксперты обычно обращают внимание на такие потенциальные преимущества стран ЦВЕ, как участие во фрагментации процесса глобализации – офшоринге, френдшоринге и решоринге[9]. Речь идет прежде всего о возможностях активного участия в перестройке географической структуры внешнеэкономических связей ЕС в связи с ослаблением связей с Россией и, в перспективе, с Китаем. Здесь, однако, следует учитывать разную степень готовности стран ЦВЕ к участию в этих процессах. В этих условиях возникают риски инфляционных всплесков на отдельных рынках и длительного замедления экономического роста. Вместе с тем, определенные возможности открываются в связи с вовлечением стран ЦВЕ в процесс «зеленого перехода» и реализацию целей политики обеспечения энергетической безопасности в ЕС.

[8] IMF. World Economic Outlook Database, October 2023. https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2023/October/.

[9] Деглобализация или, точнее, фрагментация глобализации предполагает активизацию таких процессов, как френдшоринг (свободная торговля между союзниками), ниаршоринг (сокращение цепочек поставок) и решоринг (возвращение производства в страны, где продукция потребляется), а также офшоринг (уход производства из недружественных стран).

* * *

Во внешнеэкономических связях стран ЦВЕ под влиянием санкций ЕС происходит маргинализация роли России. Схемы обхода санкций хозяйствующими субъектами несколько смягчают ситуацию, но принципиально ее не меняют, поскольку не связаны с налаживанием долгосрочного сотрудничества, не говоря уже об инвестиционном взаимодействии.

Санкции и вызванный ими энергетический кризис наносят странам ЦВЕ больший ущерб, чем западноевропейским странам, за исключением Германии. Это связано не только со сформировавшейся за десятилетия высокой зависимостью стран ЦВЕ от импорта российских энергоресурсов, но и с большей уязвимостью их экономик к внешним шокам, в частности с низкой степенью адаптации денежно-кредитных и бюджетно-налоговых инструментов к противодействию резким изменениям внешних условий.

Страны ЦВЕ стараются преодолеть проблемы, возникшие из-за санкционных ограничений на торгово-экономическое сотрудничество с Россией, реализуя цели программ Евросоюза по обеспечению энергобезопасности и энергетического суверенитета путем энергосбережения, повышения эффективности энергопотребления, переключения на альтернативных поставщиков энергоресурсов и формирования энергетических сетевых структур в отрыве от России либо при минимальном ее участии, а также более отдаленные цели перехода к «зеленой экономике».

Шансы на восстановление экономических отношений между странами ЦВЕ и Россией в текущей геополитической ситуации не просматриваются, по крайней мере пока сохраняются принятый ими антироссийский внешнеполитический курс и негативное общественное восприятие России в Европе и США.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азиатский вектор в экономической стратегии стран Центрально-Восточной Европы: Монография / Отв. ред. Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2019.
2. *Куликова Н.В., Синицина И.С.* Россия и страны Центрально-Восточной Европы: новый железный занавес // Общество и экономика. 2022. № 12. С. 16–37.
3. *Куликова Н.В., Синицина И.С.* Торговые отношения России со странами Центрально-Восточной Европы // Современная Европа. 2019. № 3. С. 150–160.
4. *Литвиненко Ю., Занина А.* Параллельный импорт санкций. Новый антироссийский пакет Евросоюза осложнит жизнь третьим странам // Коммерсантъ, 24.06.2023. https://www.kommersant.ru/doc/6067229 (дата обращения: 22.09.2023).
5. Российский «пояс соседства» в условиях санкционной войны: Научный доклад / Под ред. Л.Б. Вардомского (отв. ред.), И.А. Коргун, Н.В. Куликовой, А.Г. Пылина. М.: ИЭ РАН, 2022.

6. *Севеева К., Кусмаев П.* 11 пакет санкций ЕС. 28.06.2023. https://ktaplaw.ru/tpost/3go8k54bc1-11-paket-sanktsii-es (дата обращения: 22.09.2023).
7. *Abnett K.* EU countries rubber-stamp emergency gas cuts, Poland and Hungary oppose. 05.08.2022. https://www.reuters.com/business/energy/eu-countries-rubber-stamp-emergency-gas-cuts-poland-hungary-oppose-2022-08-05/ (дата обращения: 03.11.2023).
8. *Borin A. et al*. The impact of EU sanctions on Russian imports. 29.05.2023. https://cepr.org/voxeu/columns/impact-eu-sanctions-russian-imports (дата обращения: 05.11.2023).
9. Castellum.Ai. Russia Sanctions Dashboard, as of 16 October 2023. https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard (дата обращения: 04.10.2023).
10. European Commission. Questions and answers on the 11th package of restrictive measures against Russia. 23.06.2023. https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/qanda_23_3449 (дата обращения: 06.11.2023).
11. Eurostat. EU energy mix and import dependency. 04.03.2022. https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/images/2/24/EnergyMixDependencyImports_25-03-2022.xlsx (дата обращения: 14.04.2023).
12. Eurostat. EU imports of energy products – latest developments. September 2023. https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=EU_imports_of_energy_products_-_latest_developments (дата обращения: 25.10.2023).
13. *Mauricas Z.* Lithuania: Economic dependence on Russia. Nordea Research, 20 March 2014. https://corporate.nordea.com/api/research/attachment/7286 (дата обращения: 12.04.2023).
14. *Sgaravatti G., Tagliapietra S., Trasi C., Zachmann G.* National policies to shield consumers from rising energy prices // Bruegel Datasets, 26 June 2023. https://www.bruegel.org/dataset/national-policies-shield-consumers-rising-energy-prices (дата обращения: 12.10.2023).
15. *Suraj A.* Warszawa, Kreml i Mińsk chcą zniszczyć polski przemysł drzewny // Obserwator Gospodarczy. 17.09.2023. https://obserwatorgospodarczy.pl/2023/09/17/warszawa-kreml-i-minsk-chca-zniszczyc-polski-przemysl-drzewny/ (дата обращения: 03.10.2023).
16. Yale School of Management*. Over 1,000 Companies Have Curtailed Operations in Russia – But Some Remain. October 1, 2023. https://som.yale.edu/story/2022/over-1000-companies-have-curtailed-operations-russia-some-remain (дата обращения: 19.10.2023).

*Йельский университет (США) признан нежелательной организацией в России.

REFERENCES

1. Asian Vector in the Economic Strategy of the Countries of Central and Eastern Europe: Monograph / Ed. by N.V. Kulikova. Moscow, IE RAS, 2019. (In Russ.).
2. *Kulikova N.V., Sinitsina I.S.* Russia and the Countries of Central and Eastern Europe: A New Iron Curtain // Society and Economy. 2022. No. 12. Pp. 16–37. (In Russ.).
3. *Kulikova N.V., Sinitsina I.S.* Trade Relations of Russia with the Countries of Central and Eastern Europe // Contemporary Europe. 2019. No. 3. Pp. 150–160. (In Russ.).
4. *Litvinenko Yu., Zanina A.* Parallel import of sanctions. The new EU anti-Russian package will complicate the life of third countries // Kommersant, 24.06.2023. https://www.kommersant.ru/doc/6067229 (accessed: 22.09.2023). (In Russ.).

5. The Russian "Neighborhood Belt" in the Context of the Sanctions War: Research Report / Ed. by L.B. Vardomsky (guest editor), I.A. Korgun, N.V. Kulikova, A.G. Pylin. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2022. (In Russ.).
6. *Seveeva K., Kusmaev P.* 11th package of EU sanctions. 28.06.2023. https://ktaplaw.ru/tpost/3go8k54bc1-11-paket-sanktsii-es (accessed: 22.09.2023). (In Russ.).
7. *Abnett K.* EU countries rubber-stamp emergency gas cuts, Poland and Hungary oppose. 05.08.2022. https://www.reuters.com/business/energy/eu-countries-rubber-stamp-emergency-gas-cuts-poland-hungary-oppose-2022-08-05/ (accessed: 03.11.2023).
8. *Borin A. et al*. The impact of EU sanctions on Russian imports. 29.05.2023. https://cepr.org/voxeu/columns/impact-eu-sanctions-russian-imports (accessed: 05.11.2023).
9. Castellum. Ai. Russia Sanctions Dashboard, as of 16 October 2023. https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard (accessed: 04.10.2023).
10. European Commission. Questions and answers on the 11th package of restrictive measures against Russia. 23.06.2023. https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/qanda_23_3449 (accessed: 06.11.2023).
11. Eurostat. EU energy mix and import dependency. 04.03.2022. https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/images/2/24/EnergyMixDependencyImports_25-03-2022.xlsx (accessed: 14.04.2023).
12. Eurostat. EU imports of energy products – latest developments. September 2023. https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=EU_imports_of_energy_products_-_latest_developments (accessed: 25.10.2023).
13. *Mauricas Z.* Lithuania: Economic dependence on Russia. Nordea Research, 20 March 2014. https://corporate.nordea.com/api/research/attachment/7286 (accessed: 12.04.2023).
14. *Sgaravatti G., Tagliapietra S., Trasi C., Zachmann G.* National policies to shield consumers from rising energy prices // Bruegel Datasets, 26 June 2023. https://www.bruegel.org/dataset/national-policies-shield-consumers-rising-energy-prices (accessed: 12.10.2023).
15. *Suraj A.* Warszawa, Kreml i Mińsk chcą zniszczyć polski przemysł drzewny // Obserwator Gospodarczy. 17.09.2023. https://obserwatorgospodarczy.pl/2023/09/17/warszawa-kreml-i-minsk-chca-zniszczyc-polski-przemysl-drzewny/ (accessed: 03.10.2023).
16. Yale School of Management*Over 1,000 Companies Have Curtailed Operations in Russia – But Some Remain. October 1, 2023. https://som.yale.edu/story/2022/over-1000-companies-have-curtailed-operations-russia-some-remain (accessed: 19.10.2023).

Дата поступления рукописи: *21.10.2023 г.*

*Йельский университет (США) признан нежелательной организацией в России.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Куликова Наталия Владимировна – кандидат географических наук, руководитель Центра восточноевропейских исследований ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7287-4071
kulikova.home@gmail.com

Синицина Ирина Сергеевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра восточноевропейских исследований ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-9177-6642
ira_sinicyna@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Natalia V. Kulikova – Cand. Sci. (Geography), Head of the Center for East European Studies, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-7287-4071
kulikova.home@gmail.com

Irina S. Sinitsina – Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Center for East European Studies, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-9177-6642
ira_sinicyna@mail.ru

ECONOMIC RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND CEE COUNTRIES UNDER GEOPOLITICAL CRISIS

The article discusses the following topics: trends in the development of trade relations between the CEE countries and Russia, participation of these countries in the economic war between Russia and the West, the impact of sanctions on economic relations of the CEE countries with Russia, the processes of circumventing sanctions and organizing schemes for exporting dual-use goods to Russia, and the withdrawal of CEE companies from Russia. Particular attention is paid to the consequences of both the energy crisis and the restructuring of resource supply chains for the economies of CEE countries. It is concluded that anti-Russian sanctions and the energy crisis have caused more significant damage to the economies of CEE countries compared to most other EU countries, and that there are little chances for the restoration of economic ties between Russia and CEE countries in the current geopolitical situation.

Keywords*: Russia, Eastern Europe, trade, energy carriers, sanctions, energy crisis, economic war, inflation, economic growth.*

JEL: F51.

А.В. АВИЛОВА
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра европейских исследований ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук»

ЭКОЛОГИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ИТАЛИИ

В статье представлены результаты исследования процесса экологизации сельского хозяйства Италии в условиях перехода к технологическому укладу 4.0, переживаемого мировой и европейской экономикой. Выделены целевые установки общей сельскохозяйственной политики ЕС на современном этапе. Раскрыты преимущества и ограничения итальянского сельского хозяйства в контексте целей и задач экологического перехода. Рассмотрены меры государственной поддержки экологизации отрасли. Приводится экспертная оценка степени продвижения к устойчивому сельскому хозяйству. Делается вывод об ощутимом влиянии специфики национальных условий на ход технологической перестройки.

Ключевые слова: *Италия, экологический переход, сельское хозяйство, технологии 4,0.*
УДК: 339.9
EDN: PRSCJM
DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_157_171

Мировое сельскохозяйственное производство переживает фазу перехода к новому технологическому укладу, который характеризуется широким внедрением «умных решений» (робототехники, точного земледелия, интернета вещей) и технологий (биотехнологии, альтернативных технологий и источников сырья) [1]. Темпы перехода очень высоки: всего за несколько лет в сферу производства вошли такие прорывные новшества, как засухоустойчивые культуры, агродроны, вертикальное «городское» сельское хозяйство. Одним из главных направлений этого процесса становится производство замкнутого цикла. Сельскохозяйственное машиностроение демонстрирует широкий веер инноваций – от систем полевых роботов с автономным и спутниковым управлением до сенсоров, «читающих» почву и определяющих режим полива и внесения удобрений. Аграрное производство буду-

щего рассматривается как взаимодействие механизации, цифровизации, современной зоотехники, использования альтернативных источников энергии и «новой химии» биостимуляторов.

Главным направлением технологической перестройки в экономике ЕС становится экологизация. Сельское хозяйство Италии, крупный и в ряде случаев передовой сегмент европейского и мирового аграрного производства, служит иллюстрацией начавшегося сдвига. В статье рассматриваются его сильные и слабые стороны с точки зрения конкурентоспособности и устойчивости, а также его эволюция в свете тенденций, определяющих современное развитие данного сектора экономики.

Сельское хозяйство ЕС: стратегия развития

Общая сельскохозяйственная политика ЕС на данном этапе ставит перед странами-членами задачу «создания более эффективных, инклюзивных, жизнестойких и устойчивых агропродовольственных систем» [2]. Экологизация сельского хозяйства, согласно определению Продовольственной и сельскохозяйственной Организации Объединенных Наций (ФАО), понимается как «преобразование местных продовольственных систем путем снижения давления на природные ресурсы, избежания деградации окружающей среды за счет высокой степени переработки и низкого уровня использования внешних ресурсов, одновременно сокращая уровень бедности, увеличивая средства к существованию и обеспечивая потребности в питании за счет устойчивой политики и практики» [3].

Под устойчивой агропродовольственной системой понимается, прежде всего, ее поддержание в рамках процессов, сохраняющих ресурс природной среды. Современное сельское хозяйство промышленно развитых стран носит интенсивный характер, что сопряжено с деградацией почв и загрязнением внутренних вод, а также с изменением климата вследствие высокого уровня потребления энергоресурсов и химикатов и чрезмерной эксплуатации водных ресурсов. Кроме того, в целях снижения затрат стимулируется распространение монокультуры, что создает опасность для биоразнообразия, разрушая традиционные экосистемы. Поэтому в новом курсе аграрной политики ЕС уделяется повышенное внимание переходу к органическому земледелию (биоземледелию) и делается ставка на экономию ресурсов производства – земли, воды, электроэнергии.

Мировое потребление органических продуктов питания за 20 лет увеличилось более чем в 7 раз. Объем этого рынка в 2020 г. составил 919 млрд долл., из которых 56 млрд (37,3%) пришлось на Европу, где расположено 23% (17,1 млн га) мировых органических земель. Общая

сельскохозяйственная политика ЕС взяла на вооружение стратегию «от фермы к вилке» (“from farm to fork”), направленную на достижение к 2030 г. следующих целей:

– сокращение на 50% использования пестицидов, загрязняющих почву и воздух;
– снижение использования удобрений на 20%;
– уменьшение продаж противомикробных препаратов для домашних животных и рыбоводческих хозяйств;
– расширение до 25% фермерских земель под органическим сельским хозяйством.

Программа ЕС Horizon Europe по исследованиям и инновациям с бюджетом 100 млрд евро на 2021–2027 гг. включает кластер под названием «Продовольствие, биоэкономика, природные ресурсы, сельское хозяйство и окружающая среда», на который выделено 10 млрд евро. В программе содержатся следующие рекомендации:

– стимулирование инвестиций в селекцию сельскохозяйственных культур для органического сельского хозяйства;
– поиск инновационных решений для предотвращения фальсификации этикеток качества пищевых продуктов, с особым вниманием к органическим продуктам питания и географическим указаниям;
– сценарии исследований и разработок для стимулирования органического земледелия и аквакультуры.

В 2021 г. Европейский парламент одобрил реформу общей сельскохозяйственной политики, которая включала возможность для фермеров получать, начиная с 2023 г., дополнительную финансовую поддержку при внедрении эко-схем (точного земледелия, агролесоводства, органического земледелия), одновременно постановив, что государства-члены могут свободно разрабатывать собственные эко-схемы с учетом национальных особенностей развития сельского хозяйства [4].

Отрасль в целом получит за 2021–2027 гг. около трети бюджета Евросоюза в 1,1 млрд евро. С 2023 г. вступил в силу согласованный странами-участницами принцип выделения 20% той части бюджета, которая предназначена для прямых выплат фермерам, на стимулирование развития зеленого сельского хозяйства. Данная мера будет применяться в качестве двухлетнего эксперимента, что предполагает возможность перехода фермерских хозяйств к обязательным экосхемам начиная с 2025 г. Такая привязка бюджетных денег ЕС к экологическим целям вызывает неоднозначную реакцию (одни считают размер субсидии недостаточным, другие – слишком большим), но рассматривается как приемлемый компромисс [5].

Серьезные препятствия для утверждения новой парадигмы развития сельского хозяйства ЕС возникли в связи с пандемией коронавируса и вооруженным конфликтом на континенте, которые вызвали

нехватку и рост цен на важнейшие виды ресурсов, в частности топливо и удобрения, преобладающую часть которых ЕС ввозит. Были разорваны или серьезно нарушены многие логистические цепочки, появились санкции и торговые барьеры. Участились и климатические аномалии, сопровождаемые нашествием насекомых-вредителей. Кроме того, новый курс аграрной политики ЕС в ряде случаев расходится с текущими интересами стран-членов вследствие различий в их экспортной специализации и неравенства конкурентных позиций[1]. Поэтому начавшийся технологический переход, вероятно, не будет свободен от обострения проблем и новых конфликтных ситуаций.

Преимущества и проблемы итальянского сельского хозяйства

Доля сельского хозяйства в ВВП Италии составляет всего 2%, но оно служит основой мощного агропромышленного комплекса (АПК)[2], который занимает второе место в ЕС (после французского) по объему производства и третье (после немецкого и французского) по доле в экспорте продуктов питания. Италия является ведущим в ЕС поставщиком основных культур средиземноморской гаммы (цитрусовые, оливки, виноград), а также многих видов фруктов и овощей. Ее удельный вес в сельскохозяйственном производстве ЕС составляет 17,4% (среднее значение за 2020–2022 гг.), в его агропищевом экспорте – 10%. Среднегодовые темпы роста агропромышленного экспорта Италии за 2012–2022 гг. были выше среднемировых (+7,6% против +5,6%), благодаря чему приходящаяся на нее доля мирового рынка продовольствия выросла с 2,8% до 3,4% [7].

Италия выделяется высоким качеством аграрной продукции. Она лидирует в Евросоюзе по количеству сертифицированных наименований продуктов питания (845) – вин, сыров, салями и др. (суммарной стоимостью 19 млрд. евро в 2022 г.)[3] и соперничает с Францией за первое место по величине добавленной стоимости в расчете на гектар обрабатываемых земель [8]. Ее главные преимущества – многообразие природно-климатических условий и высокая культура земледелия,

[1] Например, сокращение традиционного производства ряда культур ставит под удар 20% итальянской продукции томатов и яблок, 24% – винограда, 40% – оливкового масла, 12% – цитрусовых. Под угрозой также 31% продукции цитрусовых в Испании, 28% – вина во Франции, 26% – хмеля в Германии, 50% – яблок в Польше (расчеты нидерландского университета Wageningen [6].

[2] Помимо сельского хозяйства в АПК входят агроиндустрия, оптовая и розничная торговля пищевкусовой продукцией, ресторанный бизнес.

[3] На Италию приходится 26,3% названий марочной продукции в мировой торговле (наименования DOP,DOC, IGP,IGT) [9].

что делает возможным выращивание даже не типичных для Европы культур. Так, Италия производит и экспортирует в 50 стран мира киви (третье место после Китая и Новой Зеландии), вывозит икру рыб осетровых пород (третье место после России и Китая), начала круглогодичное производство и экспорт японских грибов шиитаке.

Италия – один из признанных лидеров в области культуры питания (средиземноморская диета, базирующаяся на преимущественном потреблении продукции растительного происхождения; рекомендуется диетологами как лучшая). Международная выставка здорового питания SANA – крупнейший в Европе салон органических и натуральных продуктов, который ежегодно собирает в Болонье тысячи специалистов и посетителей, интересующихся инновациями в области экологии и устойчивого развития. Решению глобальных проблем питания, устойчивого развития и защиты окружающей среды была посвящена Всемирная выставка EXPO-2015 в Милане, которая прошла под лозунгом "Питание планеты, энергия для жизни».

С точки зрения экологизации как главной задачи нового курса ЕС, итальянское сельское хозяйство также имеет ряд преимуществ. Согласно классификации Barilla Center for Food and Nutrition, включающей 34 страны мира, Италия по ряду показателей входит в число 9 стран–лидеров, выделяясь в этой группе по критериям устойчивости сельского хозяйства, применения новых технологий для сокращения потерь воды и техники приспособления к изменению климата [10]. Она лидирует в ЕС по доле площадей, занятых органическим земледелием, в общей площади используемых сельскохозяйственных земель (15,2%) и по экспорту биопродукции (второе место в мире после США) [11]. Культивирование растений с ГМО в Италии запрещено. Показатели вредных выбросов в атмосферу вдвое ниже, чем во Франции и Германии, применение пестицидов на 20% меньше.

Италия значительно продвинулась к созданию экономики замкнутого цикла. В области рециклирования отходов (83,4% в 2020 г.) она далеко опережает Германию (70%), Францию (64,5%) и Испанию (65,3%), а также средний уровень ЕС (53,8%); отходы использования минеральных масел рециклируются почти полностью (98%). По относительно малой величине генерируемых отходов в расчете на 1 млн евро производимого продукта (47,4 т) Италия уступает в ЕС только Испании (40,7 т) [13]. Она стоит впереди других стран по производительности ресурсов (ВВП/внутреннее потребление): сырья – с индексом 264 (против среднего для ЕС показателя 143), энергоресурсов – с индексом 171 (первое место в ЕС) [12].

В то же время итальянскому сельскому хозяйству присущ ряд структурных проблем и ограничений, снижающих его возможности с точки зрения целей, преследуемых ЕС на современном этапе. Эти

ограничения связаны, прежде всего, с крайней фрагментированностью производства. Почти 90% предприятий представляют собой мелкие семейные фермы, и только 2,6% – хозяйства с годовым оборотом более 50 млн евро, на которые приходится около 60% получаемой прибыли [13]. Вследствие этого лишь около 30% предприятий имеют достаточно средств для развития производства и свыше 40% считаются находящимися в зоне риска. Многие фермы страдают от неравномерного распределения цен внутри производственных цепочек. Финансовая слабость значительной части хозяйств лишает их возможности вкладывать средства в НИР и профессиональное образование. Нехватка кадров является одной из главных проблем с точки зрения требований, предъявляемых на этапе цифровизации экономики. Как показывает статистика, применение цифровых методов находится в прямой зависимости от размеров хозяйств, вследствие чего Италия в этой сфере заметно отстает от других ведущих стран ЕС.

Многие негативные явления обусловлены, как отмечается в официальных документах, «чрезвычайной медлительностью» местных властей при выполнении законодательства и директив по модернизации отрасли, в частности мер по более широкому использованию ВИЭ. В стране не реализуется около половины всех заявок на строительство объектов инфраструктуры, а остальные проекты завершаются с большим опозданием против намеченных сроков.

Лакуны в области инфраструктуры особенно заметны в сфере использования водных ресурсов. Система водоснабжения находится в кризисном состоянии, что показала засуха 2022 г. – самая сильная с 1960-х годов. Гидроресурсы сократились на 31%, в ряде регионов Севера объявлялось чрезвычайное положение и вводились ограничения на потребление воды. Наводнение 2023 г. в Эмилии-Романье, произошедшее по причине неготовности гидросистемы к проливным дождям, обошлось стране в 9 млрд евро. Потери воды в национальной гидросети, четвертая часть которой старше 50 лет, достигают 42% (против 25% в среднем в ЕС), в то время как 85% сельскохозяйственных площадей нуждается в орошении. Применение «умных» технологий пока в зародыше: если в ЕС они позволяют экономить в среднем 49% воды, то в Италии – всего 4% [14]. Только 56% сточных вод обрабатывается в соответствии с директивой ЕС. Особенно плохое положение на Юге: так, 40% населения Сицилии пользуется водой, не проходящей очистки.

Имеются свидетельства неблагополучия отрасли еще по ряду параметров. Так, режимом защиты пользуется только 21,4% наземной и 11,2% морской среды; высокой оценки заслуживает экологическое состояние только 43% внутренних вод (рек и озер); 17% почвенного

слоя находится в режиме деградации; 80,4% рыбных ресурсов эксплуатируется свыше допустимой нормы [15].

Наблюдаются также потеря сельскохозяйственных земель за счет расширения иного их использования (за последние 30 лет – на 50%) и водная эрозия (в среднем ежегодно размывается 9 т почвы на 1 га, против 4 т в Испании и 2 т во Франции). Неблагополучна и динамика доходов производителей: за последние 5 лет они сократились на 1%, против роста в среднем по ЕС на 6%, а в Испании и Франции – на 11% [16].

За счет чего же достигается конкурентоспособность итальянского сельского хозяйства на внешних рынках? Помимо отмеченных выше качеств продукции и типа экспортной специализации, большую роль играют характерные для этой страны способы организации производства и сбыта. Во главе производственной цепочки нередко стоит предприятие–распорядитель, ответственное за ее состояние и организующее работу своей территориальной производственно-сбытовой сети. Это предприятие обеспечивает общую стабильность и вложения в человеческий капитал, опираясь на прослойку средних по величине хозяйств, образующих сплоченное социальное пространство. Широко используется и кооперативная форма предпринимательства, что позволяет мелким производителям объединиться в критическую массу, достаточную для успешного сбыта продукции. На производственные кооперативы в агропромышленном секторе приходится 17,9% общей численности хозяйств. Среди них есть такие гиганты, как Grana Padano DOP – ведущий мировой производитель сыров. Крупными кооперативами являются Orogel (замороженные продукты) с 1,6 тыс. членов, Conserve Italiani, Granarolo (молочная продукция), Cantine Riunite (виноделие). Используются и другие кооперативные формы: так, консорциум CONVASE, объединяющий 23 предприятия, обеспечивает 40% национального рынка сертифицированных семян зерновых культур, а банковский кооператив ICCREA финансирует упоминавшийся выше Grana Padano DOP.

Кооперативная структура доказала свою устойчивость в условиях пандемии коронавируса: так, в 2020 г. винодельческие кооперативы увеличили объем продаж на 6%, а экспорт – на 32%, в то время как отрасль в целом потеряла 24% стоимостного объема продукции и 2,4% стоимости экспорта. Кооперативы широко распространены также в производстве фруктов, овощей, салями, молочной продукции [17].

Еще одно конкурентное преимущество итальянского сельского хозяйства связано с характерной для этой страны кластерной формой организации производства: многие кластеры агропищевой специализации ориентированы на внешние рынки. Их преимуществами являются концентрация ресурсов, субпоставщиков и квалифицированных

кадров, а также насыщенность структурами типа отраслевых ассоциаций, технико-консультационных центров, музеев-выставок местного ремесла и т.п. В 2023 г. агропромышленные кластеры экспортировали продукцию на 25 млрд евро [18].

Использование таких форм и способов организации производства, однако, лишь частично компенсирует, но не устраняет уязвимости итальянского сельского хозяйства в свете задач, стоящих перед ним в условиях экологического перехода. Эти задачи отражены в среднесрочной инвестиционной программе PNRR (2021–2026 гг.), реализуемой при значительном финансовом содействии ЕС, как часть его нового экономического курса[4].

Модернизация сельского хозяйства: постановка целей

В PNRR на модернизацию сельского хозяйства выделено 6,8 млрд евро, в том числе по трем направлениям: на экономику замкнутого цикла – 2,8 млрд (расширение агросолярного парка – 1,5 млрд, логистику – 800 млн, инновации и механизацию сельского хозяйства – 500 млн); на финансирование дополнительных программ– 3,1 млрд (развитие цепочек – 1,2 млрд, производство биогаза и биометана – 1,92 млрд); на защиту окружающей среды и гидроресурсы – 880 млн евро [19]. Объекты вложений сгруппированы в четыре блока: 1) экономика замкнутого цикла и устойчивое сельское хозяйство, 2) ВИЭ и устойчивый транспорт, 3) энергоэффективность, 4) защита окружающей среды и использование гидроресурсов.

Первые два блока входят в сферу деятельности министерства сельского хозяйства, цели и задачи двух остальных частично запрограммированы в других разделах PNRR и подлежат совместному ведению нескольких министерств. Программа рассчитана на продвижение реформ, укрепляющих сетевую производственную структуру и способствующих преодолению региональных диспропорций.

Для создания устойчивых цепочек предполагается сочетать усовершенствование логистики с расширением агросолярного парка. Намечено стимулировать использование крыш предприятий и помещений в сельской местности для установки солнечных батарей. Надежды возлагаются также на внедрение инноваций («точного сельского

[4] PNRR (Piano Nazionale di Ripresa e Resilienza) – это план, подготовленный итальянским правительством для перезапуска итальянской экономики после ущерба, нанесенного пандемией, в рамках более широкой программы Европейского союза «Следующее поколение ЕС», которая по сути представляет собой максимальный фонд в размере 750 миллиардов (из которых 191,5 миллиарда для Италии), выделенный на восстановление Европы. https://www.universofood.net/2022/02/11/pnrr-settore-agroalimentare/

хозяйства») и реализацию «интегрированных проектов» на территориях с особыми условиями развития – в сельских и горных местностях, на островах. 19 небольших островов предполагается превратить в «лабораторию» для разработки «зеленых моделей будущего», с использованием всего комплекса имеющихся у них ресурсов – воды, лесов, пейзажей. Намечено создать около 30 «зеленых сообществ», для которых будут разрабатываться отдельные программы. Подчеркивается значимость «культуры и осознанности тематики и вызовов окружающей среды», то есть информационного, юридического и практико-поведенческого аспектов экологической политики, вовлечения в нее всех слоев населения и любых возможных стейкхолдеров.

Среди мер, направленных на создание устойчивой транспортной системы, выделяется развитие производства биометана, в том числе на основе лучшего использования органических отходов сельского хозяйства и более широкого применения гибридных энергосистем. В частности, намечается использование водных бассейнов для устройства плавучих энергоустановок, что должно сократить вредные выбросы в атмосферу.

Согласно общей аграрной политике ЕС, в программу модернизации включена установка на сокращение употребления фитопрепаратов, антимикробных средств, сложных удобрений, на развитие органического земледелия и борьбу с потерей биоразнообразия. Подчеркивается необходимость создания устойчивой ирригационной системы, в том числе сооружение около 1 тыс. водохранилищ в горных районах. Ставится также цель достичь более высокого уровня централизации системы управления водными ресурсами.

PNRR находится в начале реализации, и судить о его результатах и эффективности еще рано. Некоторым указанием на темпы работ может служить тот факт, что освоение средств, ассигнованных из фондов ЕС на модернизацию национальной гидросети, идет крайне медленно.

Технологии 4.0 и устойчивое сельское хозяйство

Однако экологизация итальянского сельского хозяйства начинается не с чистого листа. Технологический сдвиг обозначился с принятием в 2016 г. «Национального плана промышленности 4.0», который содержал комплекс стимулирующих мер. К 2018 г. в сфере аграрного производства было освоено 180 технических решений, из которых более 80% относились к «точному» сельскому хозяйству, 16% – к мерам защиты среды и продуктов питания, остальные – к применению цифровых методов. Более 60% применяемых технологий были основаны на IoT и использовались для мониторинга полевых работ [20].

Новые рубежи в сельском хозяйстве достигаются благодаря «умным» технологиям, объединенным в системы, что позволяет получить комплексный результат: улучшение управления, сокращение издержек производства, оптимизацию производственных процессов, трудовой нагрузки и использования сырья, сокращение отходов, ускорение адаптации к нормативам, отслеживание прохождения продукции и сырья по производственной цепочке.

Трудности становления «умного» сельского хозяйства в Италии связаны прежде всего с величиной затрат и нехваткой кадров: высокая стоимость технологий, отсутствие квалификации или квалифицированной помощи в применении сложных устройств не позволяют значительной части хозяйств подключаться к этому процессу. Как показал опрос более 800 хозяйств, применение технологий 4.0 напрямую зависит от размеров хозяйств и обрабатываемых площадей. Среди предприятий с годовым оборотом более 1 млн евро «умные» технологии используют 98%, среди хозяйств с оборотом менее 30 тыс. евро – 31%. Среди ферм площадью свыше 200 га их применяют 94%, площадью до 40 га –лишь около 40% [21].

С помощью технологий 4.0 в Италии обрабатывается, по оценкам, 3–4% общей площади сельскохозяйственных земель. Однако более половины хозяйств уже используют отдельные цифровые решения, в основном на этапах посева и сбора урожая. Применяются машины-роботы и легкие дроны, оснащенные мультимодальными камерами и термическими сенсорами для оценки состояния растений (например, во фруктовых садах и виноградниках) и способные осуществлять их селективное обслуживание.

За 2017–2021 гг. более трети предприятий осуществили вложения в «зеленые» продукты и технологии. На производствах, связанных с «зеленой» экономикой, работает всего 13,7% общей численности занятых в агропромышленном комплексе, но этот показатель намного выше в отраслях с большей добавленной стоимостью: 83% в НИР, занимающихся экологическим переходом, 80% в логистике, 78% в маркетинге. Доля Италии оценивается в 5% мирового и 18% европейского рынка современных технологических решений [22].

Некоторые итальянские технологии находят применение за рубежом. Таковы, например, сенсоры, определяющие необходимое каждому растению количество воды и подающие ее в должное время (капельное орошение), которые обеспечивают устойчивость производственного процесса в условиях продолжительного отсутствия осадков. Эти устройства работают почти в 100 странах мира.

Для разработки и передачи новых технологий в стране создаются два крупных центра: международный университет FoodER в Эмилии-Романье и Agritech в Неаполе, которые будут готовить менеджеров,

исследователей и предпринимателей самого высокого уровня. Оба центра находятся в сетевом взаимодействии с местными университетами, международными ярмарками и бизнес-структурами [23].

В стране насчитывается 1,8 тыс. стартапов, разрабатывающих тему «устойчивого» питания. Работает одна из первых в Европе блокчейн-платформа, предназначенная, в частности, для малых и средних предприятий, стремящихся расширить свои связи с потребителем [24].

Главной целью применения передовых технологий считается продвижение к системе устойчивого сельского хозяйства. В Италии оно трактуется как комплекс установок: лучшее использование ресурсов воды, почвы и энергии, забота о качестве продукции и здоровом питании, управление рисками, внимание к безопасности труда, лучшее использование человеческого капитала. При этом имеется в виду тесная связь устойчивости с инновациями.

В докладе «Сельское хозяйство 100» за 2020 г. [25], составленном по данным опроса 1850 предприятий[5], дается высокая оценка устойчивости этой отрасли, которая анализируется (с применением модели, включающей 234 переменных) по четырем параметрам: устойчивость природной среды, социальная устойчивость, управление рисками и качество развития.

Отмечается активное поведение предприятий в отношении окружающей среды: почти все они (97,9%) осуществили по крайней мере одну из предписанных мер по ее улучшению. Значительная часть предприятий (67,5%) проявила внимание к поддержанию социальной устойчивости (формированию кадров, безопасности труда). В плане управления рисками активность также высока: ¾ предприятий имеют страховые полисы, 61% проявляет готовность к диалогу с потребительским сообществом, 57% – с сетевыми структурами и производственно-сбытовыми цепочками, обеспечивающими продвижение товара к потребителю.

Авторы доклада разделяют рассматриваемые предприятия на четыре группы по уровню устойчивости. Высшая группа составляет 17,8% выборки и на национальном уровне оценивается в 130 тыс. предприятий; самая многочисленная группа составляет 34,8% выборки, низшая – 17%. В целом 49,1% предприятий признаны имеющими высокую или средневысокую устойчивость. Констатируется отсутствие значимых различий по географическому признаку и по характеру производственной деятельности. Однако размеры хозяйства имеют

[5] Доклад опубликован как совместный проект Reale Mutua (крупнейшей в Италии компании по страхованию недвижимости) и Confagricultura (Конфедерации сельскохозяйственных производителей), целью которого является оценка устойчивости и перспектив развития отрасли на ближайший период.

значение: 80% предприятий с числом занятых более 20 человек обладают высокой или средневысокой устойчивостью, в группе же мелких хозяйств с числом занятых менее 5 человек таких только 34,2%.

Одним из факторов устойчивости считается мультифункциональность, то есть способность одновременно заниматься разными видами работ (обработка сырья и продуктов животноводства, агротуризм, использование ВИЭ, рекреативные и иные услуги и др.). Мультифункциональными определили себя 38,4% респондентов.

Особенностью многих итальянских предприятий является вовлеченность в многоуровневый товарообмен. Согласно данному исследованию, 14,2% хозяйств действуют на внешнем рынке, 22,2% – на национальном, 21,1% – на региональном или местном, 42,5 – только на местном. При этом среди предприятий с высокой и средневысокой устойчивостью 75,3% оперируют на международном уровне; 61,1% таких предприятий сосредоточены в группе мультифункциональных.

В докладе оценивается также влияние инноваций – на основе ряда критериев по всем направлениям анализа. Выделяются предприятия с высоким (12,8% общего числа) и средневысоким (24,4%) уровнем инноваций, что коррелирует с уровнем их устойчивости: 91,6% предприятий с высоким уровнем устойчивости принадлежат именно к этим двум категориям.

Выводы

В сельском хозяйстве идет процесс технологической перестройки, характерный для этой отрасли в глобальном масштабе. Согласно новой экономической стратегии ЕС («зеленой сделке»), главным направлением перестройки является экологизация, как способ продвижения к устойчивому сельскому хозяйству. По ряду параметров, характеризующих экологический переход (органическое земледелие, рециклирование отходов, уровень выбросов в атмосферу и др.), Италия относится к числу лидеров среди стран ЕС.

Однако на ход перестройки негативно влияют структурные слабости отрасли – ее фрагментированность, неудовлетворительное использование водных ресурсов, нехватка кадров. Эти проблемы отчасти компенсируются за счет особых форм организации производства и сбыта (устройство производственных цепочек, кооперативное предпринимательство, экспортная активность аграрных кластеров).

Экологизация сельского хозяйства является одной из целей государственной программы PNRR (2021–2026 гг.). В частном секторе этот процесс начался раньше и идет достаточно быстро, хотя, вследствие структурной неоднородности отрасли, концентрируется в сегменте

более крупных хозяйств. В целом степень продвижения страны к созданию устойчивого сельского хозяйства оценивается достаточно высоко.

Опыт Италии показывает, что специфика национальных условий хозяйствования ощутимо влияет на ход технологической перестройки. Важную роль играют, в частности, такие факторы, как размерная структура производства, наличие сильных драйверов, прочность технологической базы, инновационная активность бизнеса, инвестиционное участие государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Инновационное развитие агропромышленного комплекса в России. Agriculture 4.0 / Научный доклад НИУ ВШЭ. М., 2020. С. 56–59.
2. Региональная техническая платформа по вопросам зеленого сельского хозяйства. https://www.fao/org/platforms/green-agriculture/ru
3. Стратегическая рамочная программа на 2022-2031 . Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных наций. Конференция. Март. 2021 г. Сорок вторая сессия. https://www.fao/org/platforms/green-agriculture/abjut/ru
4. ЕЭК. Обзор международного опыта государственной поддержки развития органического сельского хозяйства. https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep-agropro...pdf. С. 5–17.
5. Страны ЕС хотят увеличить поддержку органического сельского хозяйства и агролесоводства до 20% от всего бюджета на АПК. https:// soz.bio/strany-es-khotyat
6. *Cappellini M*. Strategia europea per l'agricoltura,rischio tagli alle produzione italiane // Il Sole 24 Ore. 28.01.2022.
7. ISMEA. Rapporto sull'agroalimentatre italiano 2023. agricolae.eu. C. 87, 143.
8. *Glansanti M*. Export agricolo puo' salire a 100 miliardi // Il Sole 24 Ore. 8.08.2023.
9. *Fortis M*. Agricoltura, il duello Italia – Francia // Il Sole 24 Ore. 6.08.2023.
10. Barilla Center for Food Nutrition. Food Sustainability Index 2017.
11. L'Italie lance un Erasmus pour les agriculteurs bio // Les Echos. 20.11.2019.
12. Green Italy 2022. Un'economia a misura d'uomo contro le crisi. https://www.greennie.it/wp-content/uploads/2022/11/rapporto-dreenitaly2022.pdf
13. *Manuelli M*. Per le imprese famigliari dell'agroalimentare troppi debiti nei conti // Il Sole 24 Ore. 3.04.2021.
14. *Doganello S*. Crisi idrica, necesssari 50 miliardi in 10 anni per superare l'emergenza // Il Sole 24 Ore. 1.09.2023.
15. Sostenibilita', l'Italia arretra: in ritardo gli obiettivi del 2030 // Il Sole 24 Ore. 20.10.2023.
16. Agricoltura, la rivoluzione sostenibile all'italiana. https://www.repubblica.it/economia/rapporti/osserva-italia/mercati/2020/01/22/news/agricoltura_la_rivoluzione
17. Delle Orefice G. Dalla frutta al latte torna protagonist la cooperation // Il Sole 24 Ore. 24.04.2021.
18. *Cappellini M*. Dal vino ai formaggi piccolo distretti sostengono la crescita // Il Sole 24 Ore. 3.05.2023.

19. PNRR. L'impatto sul settore agroalimentare. https://www.universofood.net/2022/02/11/pnrr-settore-agroalimentare/
20. *Frei M.* Serve un'azione decisa all'interno del PNRR // Il Sole 24 Ore. 2.07.2023.
21. Agricoltura 4.0: cresce la diffusione, ma le imprese piu' piccolo rimangono indietro. agronotizie.imagelinenetwork.com
22. Boom delle agroalimentare 4.0: in Italia il mercato cresce (+270%) e vale 400 milioni di euro. https://www.innovationpost.it/2019/02/12/boom-dellagroalimentare
23. *Vesentini J*. Nasce una super Universita' per il food, alleanza tra atenei in Emilia Romagna // Il Sole 24 Ore, 19.07.2022; Cappellini M. Napoli, il polo Agritech avvia l'assunzione di 200 ricercatori // Il Sole 24 Ore. 22.07.2022.
24. Agroalimentare: startup Apio lancia Trusty, piattaforma blockchain. https://www.adncronos.com/agroalimentare-startup...
25. Agricoltura 100. Sintesi del Rapporto 2020. Agricoltura100.Sintesi-Rapporto-Reale-Mutua-Confagricoltura.pdf.

REFERENCES

1. Innovatsionnoje razvitije agropromyshlennogo kompleksa v Rossii. Agricullture 4.0 / Nauchnyi doklad NRU HSE. M., 2020. Pp. 56–59. (In Russ).
2. Regionalnaya tehnicheskaya platforma po voprosam zelenogo selskogo hozyaistva. https://www.fao/org/platforms/green-agriculture/ru (In Russ).
3. Strategic Framework 2022–2031. Food and Agriculture Organization of the United Nations. Conference. March 2021. https://www.fao/org/platforms/green-agriculture/abjut/ru (In Russ).
4. EEC. Obzor meghdunarodnodo opyta gosudarstvennoy podderghki razvitiya organicheskogo selskogo khozyaistva. https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep-agropro...pdf. C. 5–17. (In Russ).
5. Strany ES khotyat uvelichit' podderghku organicheskogo selskogo khozyaistva I agrolesovodstva do 20% ot vsego biudgheta na APK. https:// soz.bio/strany-es-khotyat. (In Russ).
6. *Cappellini M*. Strategia europea per l'agricoltura,rischio tagli alle produzione italiane // Il Sole 24 Ore. 28.01.2022.
7. ISMEA. Rapporto sull'agroalimentatre italiano 2023. agricolae.eu. C. 87, 143.
8. *Glansanti M.* Export agricolo puo' salire a 100 miliardi // Il Sole 24 Ore. 8.08.2023.
9. *Fortis M*. Agricoltura, il duello Italia – Francia // Il Sole 24 Ore. 6.08.2023.
10. Barilla Center for Food Nutrition. Food Sustainability Index 2017.
11. L'Italie lance un Erasmus pour les agriculteurs bio // Les Echos. 20.11.2019.
12. Green Italy 2022. Un'economia a misura d'uomo contro le crisi. https://www.greennie.it/wp-content/uploads/2022/11/rapporto-dreenitaly2022.pdf.
13. *Manuelli M*. Per le imprese famigliari dell'agroalimentare troppi debiti nei conti // Il Sole 24 Ore. 3.04.2021.
14. *Doganello S*. Crisi idrica, necesssari 50 miliardi in 10 anni per superare l'emergenza // Il Sole 24 Ore. 1.09.2023.
15. Sostenibilita', l'Italia arretra: in ritardo gli obiettivi del 2030 // Il Sole 24 Ore. 20.10.2023.
16. Agricoltura, la rivoluzione sostenibile all'italiana. https://www.repubblica.it/economia/rapporti/osserva-italia/mercati/2020/01/22/news/agricoltura_la_rivoluzione...

17. Delle Orefice G. Dalla frutta al latte torna protagonist la cooperation // Il Sole 24 Ore. 24.04.2021.
18. *Cappellini M*. Dal vino ai formaggi piccolo distretti sostengono la crescita // Il Sole 24 Ore. 3.05.2023.
19. PNRR. L'impatto sul settore agroalimentare. https://www.universofood.net/2022/02/11/pnrr-settore-agroalimentare/
20. *Frei M*. Serve un'azione decisa all'interno del PNRR // Il Sole 24 Ore. 2.07.2023.
21. Agricoltura 4.0: cresce la diffusion, ma le imprese piu' piccolo rimangono indietro. agronotizie.imagelinenetwork.com
22. Boom delle agroalimentare 4.0: in Italia il mercato cresce (+270%) e vale 400 milioni di euro. https://www.innovationpost.it/2019/02/12/boom-dellagroalimentare...
23. *Vesentini J.* Nasce una super Universita' per il food, alleanza tra atenei in Emilia Romagna // Il Sole 24 Ore. 19.07.2022; Cappellini M. Napoli, il polo Agritech avvia l'assunzione di 200 ricercatori // Il Sole 24 Ore. 22.07.2022.
24. Agroalimentare: startup Apio lancia Trusty, piattaforma blockchain. https://www.adncronos.com/agroalimentare-startup...
25. Agricoltura 100. Sintesi del Rapporto 2020. Agricoltura100.Sintesi-Rapporto-Reale-Mutua-Confagricoltura.pdf.

Дата поступления рукописи: *27.10.2023 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Авилова Агнесса Викторовна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра европейских исследований ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук» (ИМЭМО РАН), Москва, Россия
ORCID 0000-0002-5942-6095
avi@imemo.ru

ABOUT THE AUTHOR

Agnessa V. Avilova – Cand. Sci (Econ.), Leading Researcher, Center for European Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAN), Moscow, Russia
ORCID 0000-0002-5942-6095
avi@imemo.ru

GREENING ITALIAN AGRICULTURE

The article examines the state and problems of the Italian agriculture in the context of the transition to technological structure 4.0. The author examines the targets of the EU common agricultural policy at the present stage, the advantages and limitations of the Italian agriculture in the context of the goals and objectives of the ecological transition, and measures of state support for its modernization. Data from expert studies on Italy's progress towards sustainable agriculture are presented. A conclusion is made about the tangible impact of national conditions on the course of technological restructuring.

Keywords: *Italy, ecological transition, agriculture. technology 4.0.*
JEL: Q17.

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ АВТОРОВ

А.А. МАТЮХИН
аспирант Института экономики, управления и финансов
АНО ВО «Российский новый университет»,
государственный таможенный инспектор отдела контроля таможенной
стоимости Центральной акцизной таможни (ЦАТ ФТС РФ)

ЛОГИСТИКА ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ИМПОРТА В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ

Статья посвящена анализу логистики параллельного импорта, который стал одним из наиболее актуальных и востребованных способов внешнеторговой деятельности России после введения экономических санкций западными странами весной 2022 г. и сложившихся геополитических отношений. В статье автором рассмотрены четыре вида схем, позволяющих участникам внешнеэкономической деятельности снизить логистические издержки, а также проанализированы товарооборот и взаимоотношения Российской Федерации со странами, через которые осуществляется параллельный импорт, такими как Турция, Китай и Индия, а также возможные перспективы сотрудничества с ними в будущем. Автором был проанализирован механизм параллельного импорта в автомобильной сфере, благодаря которому на российском рынке стали появляться китайские малоизвестные бренды. Актуальным логистическим маршрутом в схеме параллельного импорта между Россией и Индией является МТК «Север–Юг», который позволит сократить не только расходы, но и время доставки товаров. Также автором предложены рекомендации, которые позволят укрепить не только экономику страны, но и развивать взаимоотношения с дружественными государствами.

Ключевые слова: *параллельный импорт, экономические санкции, логистика параллельного импорта, региональная экономика, товарооборот.*

УДК: 339.5, 339.97, 332.1

EDN: ZJFNLO

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_172_185

Введение

После достаточно продолжительного использования параллельного импорта можно с уверенностью сказать, что из-за экономических санкций параллельный импорт стал одним из наиболее востребованных в России видов внешнеторговой деятельности. Как мы уже писали ранее, «Параллельный импорт (серый импорт) представляет собой ввоз в страну, не предназначенную для его распространения, оригинальных товаров, маркированных товарным знаком не дистрибьюторами, а иными лицами, без согласия правообладателя» [1, с. 74]. Безусловно, параллельный импорт имеет не только положительные последствия, но в рамках данной статьи автор рассматривает вопросы особенностей логистики параллельного импорта в условиях экономических санкций и не вступает в дискуссию и обсуждение таких проблем параллельного импорта, как негативные характеристики данного ввоза продукции, влияние его на качество продукции и т. п.[1]

Параллельный импорт обусловлен феноменом исчерпания прав на объекты интеллектуальной собственности. Согласно этому феномену, после того, как продукция правообладателя была реализована на рынке, он теряет контроль над ее распространением. Это открывает возможность для других лиц закупать товар и продавать его на других рынках параллельно с оригинальным продуктом.

В международной практике выделяют три основных вида принципов исчерпания прав: международный, региональный и национальный. До 2002 г. в Российской Федерации был разрешен параллельный импорт, который позволял продавцам привозить оригинальные товары из других стран без каких-либо проблем. Однако в конце того же года были внесены изменения в законодательные акты, регулирующие отношения в данной сфере, которые закрепили за собой национальный принцип исчерпания прав [2, с. 12].

В 2022 г. в соответствии с Постановлением Правительства РФ № 506 параллельный импорт был легализован в отношении ряда продукции с целью смягчить последствия и ущерб из-за ухода с российского рынка зарубежных компаний, которые решили приостановить либо

[1] Некоторые исследователи считают, например, что «…логистика параллельного импорта не оставляет шансов на попадание к конечному потребителю качественной продукции. Указано на еще одну негативную характеристику данного способа ввоза: он осуществляется без выплаты вознаграждения оригинальному правообладателю, т. е., по сути, это прямое причинение ему ущерба, соединенное с незаконным использованием его товарного знака, что сопряжено опять же с введением в заблуждение конечного потребителя» [3, с. 16].

полностью прекратить свою деятельность[2]. В список товаров было внесено более 50 групп товаров, включая более 200 брендов, среди которых автомобили и запчасти для них, двигатели и их части, смартфоны и электроника. Перечень товаров регулярно обновляется в зависимости от ситуации на рынке. Так, в Приказе Минпромторга России № 4456 были добавлены многие бренды игрушек, игр и спортивного инвентаря (Adidas, Manchester United, Real Madrid, Disney, DC Comics и Marvel) [3], а в приказе Минпромторга России № 684 добавлены некоторые товары IKEA и производители игрушек и детских товаров таких, как Hasbro, Logitech и Nintendo[4].

Схемы доставки товаров при параллельном импорте

После того как деловые и торговые связи России с Европой прервались из-за введенных санкций, внимание российского бизнеса закономерно обратилось на Турцию. По мнению А. Голубчика и Е. Пака, «Турция с точки зрения логистики имеет самое выгодное расположение, что позволяет доставлять грузы не через перегруженные порты Дальнего Востока, а напрямую в черноморские порты России, что значительно удешевляет стоимость и уменьшает сроки доставки» [4, с. 32]. В 2023 г. Турция была намерена произвести существенный объем моторного масла по испанским технологиям для российского рынка. Предприятия планировали ориентироваться на легковые автомобили, грузовую и сельскохозяйственную технику. В страну предполагалось ввозить продукцию под турецкой маркой Rinnol.

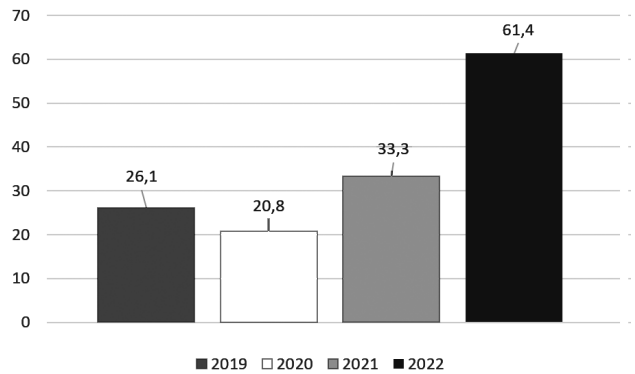
---

[2] Постановление Правительства РФ от 29.03.2022 г. № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы». https://www.alta.ru/tamdoc/22ps0506/.

[3] Приказ Минпромторга России от 21.10.2022 г. № 4456 «О внесении изменений в перечень товаров (групп товаров). в отношении которых не применяются положения подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями, а также с их согласия, утвержденный приказом Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 19.04.2022 г. № 1532. https://www.alta.ru/tamdoc/22a04456/.

[4] Приказ Минпромторга России от 02.03.2023 № 684 «О внесении изменений в перечень товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия, утвержденный приказом Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 19.04.2022 г. № 1532». https://www.alta.ru/tamdoc/23a00684/.

Турция располагает всей необходимой складской инфраструктурой и логистическими цепочками, которые связывают ее с Европой и РФ. Кроме того, у Турции развита собственная обрабатывающая промышленность, которая позволяет ей конкурировать с международными брендами по соотношению цена–качество. Особые преимущества имеют производители сельскохозяйственной и строительной техники, текстильного и медицинского оборудования, а также автозапчастей. А. Маркина и В. Фролов считают, что «В перспективе Турция и Россия смогут выйти на новый уровень делового и экономического сотрудничества, а также на создание новых проектов в сфере инвестиций и промышленности» [5, с. 10]. Так, например, по итогам 2022 г. Турция заняла второе место среди внешнеторговых партнеров России, двусторонний товарооборот вырос почти в два раза – на 85,8%[5]. Подробная статистика товарооборота между Россией и Турцией с 2019 по 2022 г. представлена на рисунке.

Источник: https://ru-stat.su.

Рис. Товарооборот между Россией и Турцией за 2019–2022 гг., млрд долл. США

После введения санкций большинство импортеров изменили свой логистический маршрут, используя соседние страны, такие как Казахстан, Турция, ОАЭ, Грузия и Армения. Однако этот подход привел к удлинению цепочек поставки и увеличению стоимости товаров из-за дополнительных расходов на логистику и таможенные процедуры в третьих странах. *Чтобы снизить издержки, участники ВЭД используют различные схемы доставки*[6].

[5] Александр Новак провел 18-е заседание межправительственной Российско-Турецкой комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. http://government.ru/news/50223/ (дата обращения: 25.11.2023).

[6] Четыре логистических схемы для доставки товаров из ЕС в Россию. https://optimalog.ru/articles/blog-ekspertov/chetyre-logisticheskikh-skhemy-dlya-dostavki-tovarov-iz-es-v-rossiyu-/ (дата обращения: 17.08.2023).

Одной из таких схем является косвенный реэкспорт. Эта схема позволяет европейским поставщикам отправлять товары напрямую в Россию без заезда в третью страну. Груз отправляется в Россию, когда компания-посредник из дружественной для России страны заключает контракт на поставку товара с поставщиком.

При этой схеме фура с товаром заезжает на таможенный склад, где заключается новый контракт между компанией-посредником и конечным покупателем из России. Тем самым возникает новая сделка, которая заменяет предыдущий контракт. После этого, уже с перепроданным грузом и новым пакетом документов, фура пересекает границу ЕС и направляется в Россию. Эта схема также известна как «перепродажа в пути», так как товар может быть перепродан в России прямо во время движения фуры.

Существует еще один вариант, известный как «ложный транзит». В этом случае фура с товаром пересекает границу ЕС с первоначальным комплектом документов. Однако водитель прокладывает свой маршрут через Россию, чтобы доставить груз в третью страну. Транспортное средство заезжает на таможенный терминал в России, где проходит две таможенные процедуры – перемещение на таможенный склад и размещение на нем. После этого груз перепродается, и он уже не покидает территорию РФ. Стоимость товара возрастает из-за дополнительных финансовых транзакций и двойных таможенных процедур. Так, например, в середине 2022 г. на таможенном переходе МАПП «Верхний Ларс» появились пробки из фур, следующих транзитом из Турции в Россию. Данный пограничный пункт – единственный действующий сухопутный переход, который связывает Россию с Арменией и Грузией, а также является главным транспортным маршрутом между Россией и другими ближними или дальними зарубежными странами[7].

Третьей схемой является прямой реэкспорт, при котором товар приобретается компанией в другой стране и завозится на таможенный склад. На складе товар перепродается, его перегружают на другое транспортное средство и дальше уже из Турции следует в Россию. Недостатком данной схемы является то, что это приводит к увеличению стоимости продукции из-за дополнительных транзакций и усложнения логистической схемы.

Четвертая схема – ввоз товаров через третьи страны. Предположим, есть товар, который импортируют в Казахстан и проводят таможенное оформление, а затем экспортируют в Россию, где снова проходят процедуру таможенного оформления. Этот способ является самым слож-

[7] Что нужно знать о работе пункта пропуска Верхний Ларс? https://sktu.customs.gov.ru/news/document/353167 (дата обращения: 19.08.2023).

ным и затратным, при котором выплаты НДС удваиваются в каждом государстве.

Кроме того, такие схемы не всегда надежны и могут вызывать недоверие у стран-посредников. Из-за возможных проблем на границе, боязни вторичных санкций и определенных требований стран-посредников все чаще требуется, чтобы товары физически пересекали границу и проходили таможенное оформление. Это может значительно усложнить процесс логистики.

Также стоит учитывать, что транспортные компании-посредники увеличивают наценки на свои услуги, требуя 5–10% от суммы контракта за расходы, включающие транспортные услуги и таможенное оформление. Если речь идет о дефицитных товарах, пользующихся спросом, таких как оборудование или микропроцессоры, то компании-посредники могут увеличивать цены на свои услуги в два раза, зная, что альтернативных вариантов пока нет. Российские логисты пытаются избежать таких контрагентов, открывая свои компании за рубежом, но это также сопряжено со сложностями, такими как повышенные цены на логистику через третьи страны и требования партнеров из Турции о торговой наценке не менее 5% для товаров из ЕС и США.

Параллельный импорт в автомобильной сфере

После того как в 2022 г. было введено несколько пакетов антироссийских санкций, авторынок претерпел существенные изменения. Уход нескольких автомобильных компаний из недружественных стран и остановка производства многих иностранных автозаводов в России привела к значительному снижению зарубежных автомобильных брендов на российском рынке.

Российские и китайские бренды значительно увеличили свою долю на рынке новых автомобилей, которая теперь составляет более 80%, в то время как ранее они занимали около трети рынка. Этот рост произошел благодаря уходу конкурентов с рынка, что позволило китайским автокомпаниям увеличить объемы производства и привлечь новых клиентов. Некоторые компании берут на себя функции дистрибьютора и готовы реализовывать машины через дилерские центры других автомобильных холдингов. Сами автопроизводители не видят в этом угрозы и даже находят для себя определенные плюсы.

По мнению С.А. Луконина и И.В. Вахрушина, «…как внешние, так и внутренние факторы развития России и Китая с высокой вероятностью будут способствовать расширению двустороннего торгово-экономического сотрудничества» [6, с. 163]. В течение 2020–2021 гг. была подготовлена и в феврале 2022 г. подписана лидерами России и Китая

Дорожная карта по высококачественному развитию российско-китайской торговли товарами и услугами до 2024 г.[8]

За год действия механизма параллельного импорта в автомобильной сфере объем импорта не смог удовлетворить потребности россиян, что привело к повышению стоимости массовых автомобилей на 30–50% из-за усложненных логистических цепочек. Для того чтобы в некоторой степени решить проблему удовлетворения спроса, по мнению представителей «Автодома», опрошенных газетой «Известия»[9], имеет смысл использовать параллельный импорт только для автомобилей стоимостью более 3 млн руб. Кроме того, доставка каждого транспортного средства обойдется не менее 400 тыс. руб., без учета акцизов, НДС и таможенных пошлин. Для дилеров отсутствует экономическая выгода привозить на территорию Российской Федерации для внутреннего рынка автомобили массового сегмента, так как затраты на логистику делают конечную стоимость автомобиля просто неконкурентоспособной, что, в свою очередь, критично сказывается на желании покупателей приобретать автомобиль.

Другой причиной ограниченного количества автомобилей, ввезенных по параллельному импорту, является вопрос, связанный с гарантией. В связи с этим дилеры теперь предлагают дополнительную опцию – заключение дополнительного соглашения, по которому гарантийный ремонт производится по страховке, за которую покупателю приходится доплачивать. Однако в соответствии с Законом РФ «О защите прав потребителей»[10] при неисправности транспортного средства, даже без дополнительных соглашений и страховок, покупатель должен обратиться за гарантийным ремонтом к производителю, импортеру или продавцу. В случае с параллельным импортом данные услуги должен оказывать дилер. Однако этот закон не распространяется на сделки между физическими лицами.

Для стабилизации цен на авторынке в первую очередь необходимо снизить таможенные пошлины на автомобили, ввезенные параллельным импортом. Если Федеральная таможенная служба России пойдет на уступки, уменьшит издержки и предоставит

---

[8] Россия и Китай увеличат торговлю товарами и услугами до 200 млрд долл. США к 2024 году. https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_kitay_uvelichat_tovarooborot_do_200_mlrd_dollarov_ssha_k_2024_godu.html (дата обращения: 25.11.2023).

[9] Не ввезло: почему параллельный импорт авто не работает в массовом сегменте.: https://iz.ru/1511976/roman-soldatov-kirill-sazonov-evgenii-bagdasarov/ne-vvezlo-pochemu-parallelnyi-import-avto-ne-rabotaet-v-massovom-segmente (дата обращения: 19.08.2023).

[10] Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» . https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/.

скидки дилерам, то есть шанс, что массовый сегмент станет доступнее для потребителей.

Параллельный импорт также имеет положительные результаты. Благодаря этому механизму в Россию стали поступать модели, которые прежде не продавались в нашей стране или их импорт был отложен из-за санкций. С помощью параллельного импорта в Российской Федерации появились новейшие внедорожники нового поколения, такие как Range Rover и Jeep Grand Cherokee. Кроме того, стали доступны для покупки седаны Volkswagen Bora и Toyota Avalon, а также электромобили Volkswagen ID.6, которые до этого не были официально представлены на российском рынке. Также благодаря китайским брендам увеличились объемы производства и поставок в Россию бульдозеров, погрузчиков и самосвалов. В настоящее время особой популярностью пользуются самосвалы марки Shacman, бульдозеры Shantui, а также экскаваторы-погрузчики XCMG. По итогам первых четырех месяцев 2023 г. доля китайских брендов на российском рынке легковых авто, грузовиков и автобусов достигла 38,5% против 8,9% в аналогичном периоде 2022 г.[11]

Китайские автомобили премиум-класса сейчас активно заходят на рынок России, и появляются новые, ранее малоизвестные бренды. Несмотря на то что потребительские предпочтения россиян в этом сегменте достаточно консервативны, в обозримом будущем ожидается, что они сместятся в сторону моделей из Китая.

В то же время нельзя игнорировать и то, что некоторые китайские производители уже покинули российский рынок. Например, Huawei закрыла свой центр разработки в России и перестала непосредственно поставлять свои смартфоны и базовые станции в страну. Несмотря на выручку компании в размере почти $100 млрд, западные рынки стали для Huawei приоритетнее, чем российский рынок. Однако смартфоны по-прежнему продаются в России, поступая на российский рынок через параллельный импорт[12]. Кроме того, в России в ближайшее время стартуют продажи ноутбуков китайского бренда Chuwi. Эта компания – стратегический партнер Intel и Microsoft – специализируется на проектировании и разработке ноутбуков и планшетов. Продукция Chuwi уже зарекомендовала себя, как качественные и надежные девайсы, поэтому они пользуются большим спросом у покупателей[13].

---

[11] Китайские автопроизводители заняли почти 40% российского рынка в 2023 году. https://www.gazeta.ru/auto/news/2023/05/26/20528864.shtml (дата обращения: 21.08.2023).

[12] Итоги 2022 года: торговля под санкциями. https://elitetrader.ru/index.php?newsid=639316 (дата обращения: 27.08.2023).

[13] Еще один китайский производитель ноутбуков пришёл в Россию: цены и характеристики новых Chuwi. https://news.myseldon.com/ru/news/index/284236621 (дата обращения: 24.08.2023).

Товарооборот России и Индии

Товары из Индии доставлялись по морю непосредственно в порты России, такие как «Санкт-Петербург» и «Новороссийск», доставка занимала около 42–43 дней. Однако эти маршруты больше не доступны для поставок из-за ограничений на букинг[14] морских гаваней «Новороссийск» и «Санкт-Петербург», и теперь основная поставка товаров из Индии и стран Центральной Азии в Россию происходит через Иран, где товары доставляются морским путем в гавань «Бендер-Аббас» Персидского залива. Затем они перегружаются на грузовики и доставляются в главный порт Ирана на Каспии «Энзели», откуда уже можно отправить их в один из трех российских морских портов: «Оля», «Астрахань» или «Махачкала». Главной проблемой при такой логистике является нехватка морских линий, которые обслуживают порт «Бендер-Аббас».

Еще один потенциальный логистический маршрут может быть открыт между портами «Ченнаи» в Индии и «Владивосток» в России, который может стать более быстрым и доступным. Ожидаемое время транзита составит 25–28 дней. Вариант доставки через Иран может быть также интересен как с точки зрения сокращения транзитных сроков, так и с практической стороны. Из Индии через Иран в порты «Астрахань» или «Новороссийск» грузы могут быть доставлены за 15–16 дней.

В связи с перенаправлением грузовых потоков Индия приобретает важность для России как приоритетный партнер в сфере торговли и логистики. В 2022 г. объем параллельного импорта iPhone в Россию из Индии составил 15%, около 165 тыс. устройств. Это почти вдвое больше, чем за аналогичный период прошлого года, когда было ввезено 70 тыс. устройств Apple из Индии, что составило всего 2,2% от общего импорта этих смартфонов в Россию[15].

Товарооборот между Россией и Индией увеличился в 2,4 раза и составил на конец 2022 г. более $30 млрд за счет экспорта топливно-энергетических товаров и товаров химической промышленности[16].

[14] В соответствии с терминологией морских перевозок, утвержденной в International Commercial Terms, INCOTERMS (Инкотермс) – сборнике международных торговых терминов, изданном Международной торговой палатой, букинг – морской ордер, который подтверждает право экспедитора рассчитывать на место на судне для своего контейнера, в нем указываются полные данные об отправке и финально подтверждается дата погрузки.

[15] Импорт iPhone из Индии в Россию в 2022 году вырос вдвое. https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/02/27/964325-import-iphone-iz-indii-viros-vdvoe (дата обращения: 24.08.2023).

[16] Товарооборот России и Индии увеличился в 2,4 раза в 2022 году. https://tass.ru/ekonomika/16894469 (дата обращения: 29.08.2023).

Основной продукцией, которую закупают российские импортеры, являются товары для продовольственного сектора и легкой промышленности, таких брендов как Massimo Dutti, Oysho и Zara. По мнению Н. С. Клунко и Л.В. Егоровой, «Индия стала вторым по значению после Китая покупателем в Азии, а Россия к концу прошлого года – самым крупным поставщиком нефти в Индию (22%), опередив Ирак и Саудовскую Аравию» [7, с. 75]. Общие итоги внешней торговли России и Индии с 2018 по 2022 г. представлены в таблице.

Таблица

Итоги внешней торговли России и Индии за 2018–2022 гг. (долл. США)

	Экспорт	Импорт	Товарооборот	Сальдо	В % к предыдущему году	
					экспорт	импорт
2018	7,75	3,22	10,97	4,53	120,15	111
2019	7,3	3,92	11,22	3,38	94,19	121,73
2020	5,79	3,45	9,24	2,34	79,31	88
2021	9,21	4,42	13,63	4,79	159	128,11
2022	–	–	34,07	–	–	–

Источник: https://ru-stat.su (млрд).

Ввоз товаров из Индии становится более удобным благодаря строительству международного транспортного коридора «Север-Юг», который связывает Россию и Индию, а также позволяет сократить время и затраты на доставку грузов. С. Семедов и А. Шилова указывают на то, что «Геополитический аспект заключается в развитии торговых отношений между странами – участниками проекта с использованием уникального маршрута, позволяющего снизить издержки, риски и время доставки грузов по сравнению с перевозками через Суэцкий канал» [8, с. 53].

Данный проект обсуждается и разрабатывается уже несколько десятилетий. Самый первый договор Россия, Индия и Иран подписали еще в мае 2002 г. Уже тогда предполагалось, что Международный транспортный коридор «Север–Юг» сможет обеспечить на 30% более дешевую и примерно на 40% более короткую трассу, чем существующие пути[17].

Перемещение грузов через транспортный коридор «Север–Юг» позволит сократить расходы на 15–20% по сравнению с традиционным

[17] Через Евразию в Индию в мире, который меняется и полон конфликтов: коридор INSTC как конкурент Суэцкого канала. https://inosmi.ru/20230522/transportnyy-koridor-263093643.html .(дата обращения: 29.08.2023).

маршрутом через Суэцкий канал и уменьшить время доставки на 15–20 дней[18]. Однако некоторые специалисты считают, что в свете существующей ситуации, международный коридор «Север–Юг» теряет свою стратегическую важность[19]. Высокие издержки железнодорожной перевозки и недостаточное техническое состояние иранского участка являются главными факторами, которые препятствуют его развитию.

По мнению Джамили Х. Хайдаровой, «Полномасштабное действие МТК «Север–Юг» позволит повысить доступность Индии в страны Центральной Азии, не имеющих выхода к морю, а последним МТК «Север–Юг» будет оставаться безопасным коридором для выхода на рынки стран Южной Азии в отсутствии коридора через Афганистан» [9, с. 337].

Заключение

В связи с экономическими санкциями, введенными западными странами, в России сформировалась новая экономическая среда, которая нацелена на расширение торговых отношений с дружественными странами, такими как Турция, Китай, Индия. С учетом продолжающегося давления со стороны Запада, вероятно, что эти санкции будут сохранены на длительное время, и в будущем западные страны продолжат вводить новые экономические санкции, намеренно направляя их на более слабые секторы экономики России. Поэтому на сегодняшний день стране необходимо стремиться к независимости от западных стран и укреплять свои связи с дружественными государствами, которые остаются нейтральными по отношению к антироссийским санкциям.

Для достижения данной цели автор предлагает следующее:

1. Необходимо развивать МТК «Север–Юг»: международный транспортный коридор находится на пересечении множества транспортных магистралей, развитие которого, в свою очередь, позволит открыть доступ к различным рынкам и регионам. Кроме того, компании смогут быстрее доставлять товары не только внутри страны, но и за ее пределами.

2. Целесообразно продолжать укреплять экономическое сотрудничество между Россией и Китаем: Китай и Россия являются крупными

[18] Из варяг в персы. Новый транспортный коридор соединит РФ с Ираном и Индией. https://aif.ru/politics/world/iz_varyag_v_persy_novyy_transportnyy_koridor_soedinit_rf_s_iranom_i_indiey .(дата обращения: 30.08.2023).

[19] Индийский крюк, параллельный импорт и контейнеры «на стопе». https://logirus.ru/articles/week_results/indiyskiy_kryuk-_parallelnyy_import_i_konteynery_-na_stope.html (дата обращения: 30.08.2023).

экономическими партнерами, поэтому их сотрудничество в области торговли и инвестиций позволит принести выгоду обеим странам. Имея общие интересы в области международной политики, страны могут сотрудничать в решении глобальных проблем.

3. Продолжать развитие параллельного импорта, поскольку параллельный импорт как один из видов внешнеторговой деятельности позволяет российским потребителям получить доступ к более широкому выбору товаров, включая те бренды, которые могут быть недоступны в стране через официальные дистрибьюторы. Так, например, на российском рынке появились не только зарубежные автомобили, которые ранее не были представлены в стране, но и китайские малоизвестные бренды.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Матюхин А.А., Рустамова И.Т.* Преимущества и недостатки параллельного импорта в условиях экономических санкций // Экономика в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты: сборник статей XV Международной научно-практической конференции. 2023. С. 74–78. EDN: RJSFVG.
2. *Матюхин А.А., Осташевский В.Д.* Экономические санкции как новая реальность современной России: возникновение, влияние и методы борьбы с ними // Наука, инновации, образование: актуальные вопросы и современные аспекты: монография. 2023. С. 7–17. EDN: MHORNN.
3. *Резник Е.А.* Сертификация и декларирование параллельного импорта в современных условиях // Экономическое развитие России. 2023. Т. 3. № 2. С. 16–22. EDN: FYYJQW.
4. *Голубчик А.М., Пак Е.В.* Некоторые моменты логистики параллельного импорта в Россию // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 10. С. 27–37. DOI: 10.24412/2072-8042-2022-10-27-37. EDN: CZHQIV.
5. *Маркина А.С., Фролов В.Д.* Торгово-экономические отношения между Россией и Турцией // Economy and Business: Theory and Practice. 2023. Vol. 1–2 (95). С. 9–11. DOI: 10.24412/2411-0450-2023-1-2-9-11. EDN: UQVMQL.
6. *Луконин С.А., Вахрушин И.В.* Российско–китайское торгово-экономическое сотрудничество на фоне антироссийских санкций // Россия и АТР. 2023. № 1. С. 160–180. DOI: 10.24412/1026-8804-2023-1-160-180. EDN: FXLZTC.
7. *Клунко Н.С., Егорова Л.В.* Промышленная трансформация России на фоне специальной военной операции: санкции и параллельный импорт // Интерактивная наука. 2023. № 3 (79). С. 72–77. EDN: FQEUYT.
8. *Семедов С.А., Шилова А.В.* Проект МТК «Север–Юг»: проблемы и перспективы в условиях санкций // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2023. № 2 (397). С. 52–61. DOI: 10.48137/2074-2975_2023_2_52. – EDN: ECEQLR.
9. *Хайдарова Д.Х.* Роль международного транспортного коридора «Север–Юг» во внешней политике Индии // Oriental Journal of History, Politics and Law. 2022. С. 331–339. DOI: 10.37547/supsci-ojhpl-02-02-43.

REFERENCES

1. *Matyuhin A.A., Rustamova I.T.* Advantages and disadvantages of parallel imports in the context of economic sanctions // Economics in theory and in practice Economics in theory and in practice: current issues and modern aspects: Collection of articles of the XV International Scientific and Practical Conference. 2023. Pp. 74–78. EDN: RJSFVG. (In Russ.).
2. *Matyuhin A.A., Ostashevskiy V.D.* Economic sanctions as a new reality of modern Russia: the emergence, impact and methods of combating them // Science, innovation, education: current issues and modern aspects: monograph. 2023. Pp. 7–17. EDN: MHORNN. (In Russ.).
3. *Reznik E.A.* Certification and declaration of parallel imports in modern conditions // Economic development of Russia. 2023. Vol. 30. № 2. Pp. 16–22. EDN: FYYJQW. (In Russ.).
4. *Golubchik A. M., Pak E. V.* Parallel imports to Russia: certain aspects of logistics // Russian Foreign Economic Bulletin. 2022. № 10. Pp. 27–37. DOI: 10.24412/2072-8042-2022-10-27-37. EDN: CZHQIV. (In Russ.).
5. *Markina A.S., Frolov V.D.* Trade and economic relations between Russia and Turkey // Economy and Business: Theory and Practice. 2023. Vol. 1–2 (95). Pp. 9–11. DOI: 10.24412/2411-0450-2023-1-2-9-11. EDN: UQVMQL. (In Russ.).
6. *Lukonin S.A., Vakhrushin I.V.* Russian–Chinese trade and economic cooperation amid anti-Russian sanctions // Russia and the Asia-Pacific region. 2023. № 1. Pp. 160–180. DOI: 10.24412/1026-8804-2023-1-160-180. EDN: FXLZTC. (In Russ.).
7. *Klunko N.S., Egorova L.V.* Russia's Industrial Transformation against the background of a special military operation: sanctions and Parallel imports // Interactive Science. 2023. № 3 (79). Pp. 72–77. EDN: FQEUYT. (In Russ.).
8. *Semedov S.A., Shilova A.V.* The ITC project «North – South»: problems and development under the sanctions // Scientific and analytical journal – Observer. 2023. № 2 (397). Pp. 52–61. DOI: 10.48137/2074-2975_2023_2_52. EDN: ECEQLR. (In Russ.).
9. *Khaidarova Jamila Kh.* The role of the «North-South» International Transport Corridor in India's foreign policy // Oriental Journal of History, Politics and Law. 2022. Pp. 331–339. DOI: 10.37547/supsci-ojhpl-02-02-43. (In Russ.).

Дата поступления рукописи: *25.10.2023 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Матюхин Алексей Алексеевич – аспирант Института экономики, управления и финансов, АНО ВО «Российский новый университет»; государственный таможенный инспектор отдела контроля таможенной стоимости (ГТИ ОКТС) Центральной акцизной таможни (ЦАТ ФТС РФ), Москва, Россия
ORCID 0000-0002-1986-3864
tesoro99lvl@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexey A. Matyukhin – postgraduate student at the Institute of Economics, Management and Finance, Russian New University; state customs inspector at the Customs Value Control Department of the Central Excise Customs, Moscow, Russia
ORCID 0000-0002-1986-3864
tesoro99lvl@mail.ru

LOGISTICS OF PARALLEL IMPORT UNDER ECONOMIC SANCTIONS
The article is devoted to analyzing the logistics of parallel imports, which has become one of the most relevant and popular ways of Russia's foreign trade activity in the current geopolitical situation, after the introduction of economic sanctions by Western countries in the spring of 2022. In the article, the author considers 4 types of schemes that allow participants in foreign economic activity to reduce logistics costs, and also analyzes the trade turnover and relations of the Russian Federation with the countries through which parallel imports are carried out, such as Turkey, China and India, as well as possible prospects for cooperation with them in the future. The author analyzes the mechanism of parallel imports in the automotive sector, thanks to which little-known Chinese brands began to appear on the Russian market. An actual logistics route in the scheme of parallel imports between Russia and India is the International North-South Transport Corridor (INSTC), which will reduce not only costs, but also the delivery time of goods. In conclusion, the author offers recommendations that can help not only strengthen the country's economy, but also develop relations with friendly states.

Keywords*: parallel import, economic sanctions, logistics of parallel import, regional economy, trade turnover.*

JEL: F19.

Компьютерная верстка: Хацко Н.А.

Подписано в печать 01.12.2023
Формат 70×100/16. Объем 10 п.л. Тираж 300 экз.
Печать офсетная. Заказ № 5280-23

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел.: 8-499-724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inbox.ru
https://vestnik-ieran.ru

© НП
Редакция журнала «Вестник Института экономики Российской академии наук», 2023

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru
Сайт: amirit.ru